

ЕГОРЬЕВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА
Н. М. БЯРДЫГИНЪ

НЕ КОПИРОВАТЬ

НА ОТВ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

НА ОТВ.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай II.

НЕ КОПИРОВАТЬ

НА ОТВ.

р 10-79
1434

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
Александра Феодоровна
съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ
Алексіемъ Николаевичемъ.

2

НЕ КОПИРОВАТЬ

НА ОТВ.

А 279
11

ЕГОРЬЕВСКІЙ

ГОРДСКОЙ ГОЛОВА

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

БАДЫГИНЪ.

1872-1901

Б.З.

ТЕСКОВАТА
АА ЛЕВЕСОНЪ
БЪ МОСКВЪ

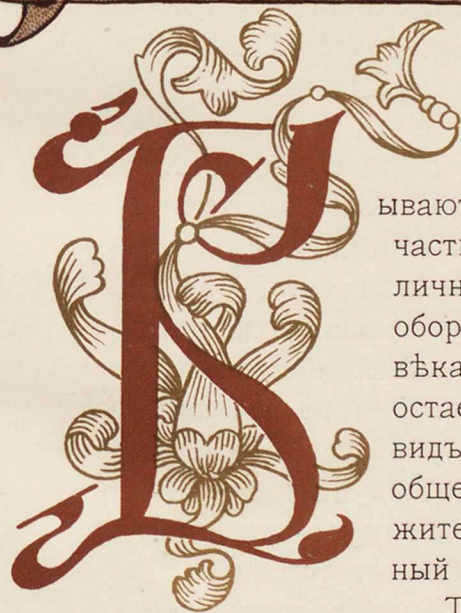
2014143716

Государь-Мученикъ, Царь-Освободитель. Императоръ
Александръ II.

I.

ываютъ люди, которыхъ трудно представить себѣ частными лицами—настолько тѣсно связана у нихъ личная жизнь съ окружающимъ обществомъ. И наоборотъ, самую округу, включающую такого человека, трудно вообразить безъ его имени. Слѣдъ его остается неизгладимымъ. О немъ говорятъ: внѣшній видъ города или области, тотъ или иной бытовой или общественный порядокъ, воспоминанія и рассказы жителей, разныя записи, документы, даже извѣстный отпечатокъ на душевномъ складѣ населенія.

Такіе люди становятся историческими. Для исторіи это «вѣхи», разставленныя на протяженіи длиннаго ряда годовъ, безъ которыхъ было-бы невозможно прослѣдить развитіе какой-либо страны. Пока нѣтъ личностей, рѣзко выдѣляющихся изъ общаго

уровня, такъ-сказать, двигающихъ исторію, до тѣхъ поръ весь промежутокъ времени, пережитый этой страной, будетъ лишь ея періодомъ доисторическимъ.

Историческіе размѣры и качества такихъ людей неодинаковы: одни изъ нихъ вліяли на судьбы міровыя, другіе на судьбы отдѣльныхъ государствъ, а иные ограничивались дѣятельностью въ предѣлѣхъ маленькой области или даже одного города. Одни, облеченные властью, воздѣйствовали на окружающее приказомъ и насиліемъ, и часто, желая добра, творили зло; другіе, опираясь только на свое нравственное вліяніе, безраздѣльно служили одному добру, ставили это добро главною цѣлью своей жизни и широко отдавали ему и свою огромную работоспособность, и душевныя силы, и матеріальныя средства.

На Русской землѣ не мало было людей этого послѣдняго типа, которые всю жизнь свою посвящали благосостоянію, просвѣщенію и духовному подъему родного края. Изъ такихъ именно людей и ихъ жизненнаго подвига и слагается великая картина строенія Русской земли. Посему выяснить дѣятельность одного подобнаго человѣка для своего края — значитъ обрисовать ячейку всей русской исторіи.

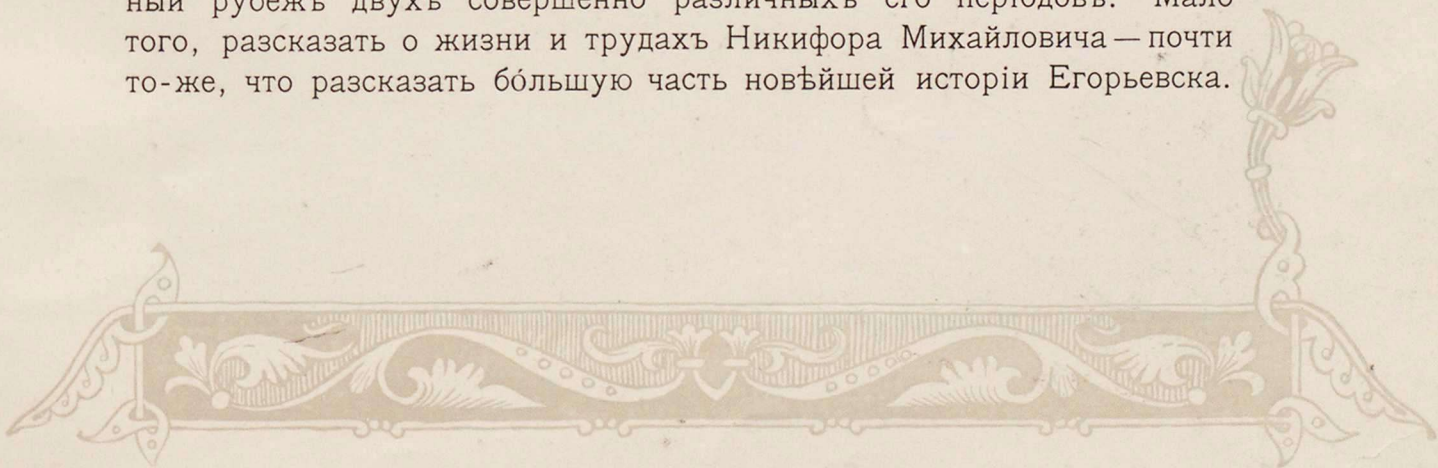
Давно признано лучшими изслѣдователями русскаго быта, что основную черту русской и вообще славянской природы составляетъ духъ общинности, привычка сливать личное благоденствіе съ процвѣтаніемъ окружающаго общества. На этой почвѣ совершилось и вступленіе Руси во Христову Церковь. И такъ понялъ русскій человѣкъ и свою новую вѣру, и не могъ отдѣлать ее отъ всѣхъ прочихъ проявленій жизни, а всю жизнь, во всѣхъ ея мелочахъ даже, пропиталъ ею. Съ одной стороны возникли замѣчательные типы иноковъ-отшельниковъ, истинныхъ свѣточей духа, для которыхъ иночество было только способомъ научиться забвенію своей личности и послужить родной странѣ просвѣтителями, умиротворителями, созидателями. Съ другой стороны явился типъ мірскихъ людей, которые, обладая тоже строго церковнымъ міровоззрѣніемъ, создали «христіанскую хозяйственность», пропитали ея духомъ каждый обыденный шагъ. Они не отрекались отъ земного достатка, но на первомъ мѣстѣ у нихъ было стремленіе къ Царству Божію и правдѣ Его. Когда такіе люди достигали большого богатства, они отнюдь не походили на грубо-корыстныхъ стяжателей, а обращались въ «строителей и благотворителей» храмовъ, кормильцевъ сирыхъ и убогихъ, сосредоточивая вполнѣ естественно въ своихъ рукахъ огромную нравственную власть. Они старались превратить общину мірскую въ такую-же благоустроенную, ни въ чемъ не нуждающуюся, какими были общины монашескія. Такъ

и прозвалъ ихъ народъ «кормильцами», доселѣ именуя этимъ словомъ всякаго своего радѣтеля.

Самымъ яркимъ представителемъ этого типа былъ первый собиратель земли русской—Иванъ Калита: искренняя набожность, широкая благотворительность и умѣніе создать большой матеріальный достатокъ, не отступая отъ правды Христовой, въ оправданіе словъ Писанія: «рука дающаго не оскудѣваетъ». Иванъ Калита — это сводъ отдѣльныхъ меньшихъ собирателей и радѣтелей Руси, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ и весямъ, выведшихъ оригинальную русскую культуру и положившихъ твердыя основы русскаго общественнаго быта и творчества.

Долгіе годы протекли съ тѣхъ поръ. Съ европейскимъ просвѣщеніемъ вошли къ намъ и новая культура и новые идеалы; строеніе верхнихъ классовъ въ Россіи кореннымъ образомъ измѣнилось; прежнее міровоззрѣніе понемногу исчезало; строгая соборность и церковная общинность падали, сохраняясь только въ средѣ простого народа. Но что русскій народъ не утратилъ еще былыхъ своихъ особенностей—объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя крупныя имена богачей, вышедшихъ изъ народа и послужившихъ своимъ богатствомъ тому-же народу. Таковъ былъ родъ именитыхъ людей Строгоновыхъ, позднѣе Демидовыхъ, братьевъ Третьяковыхъ.

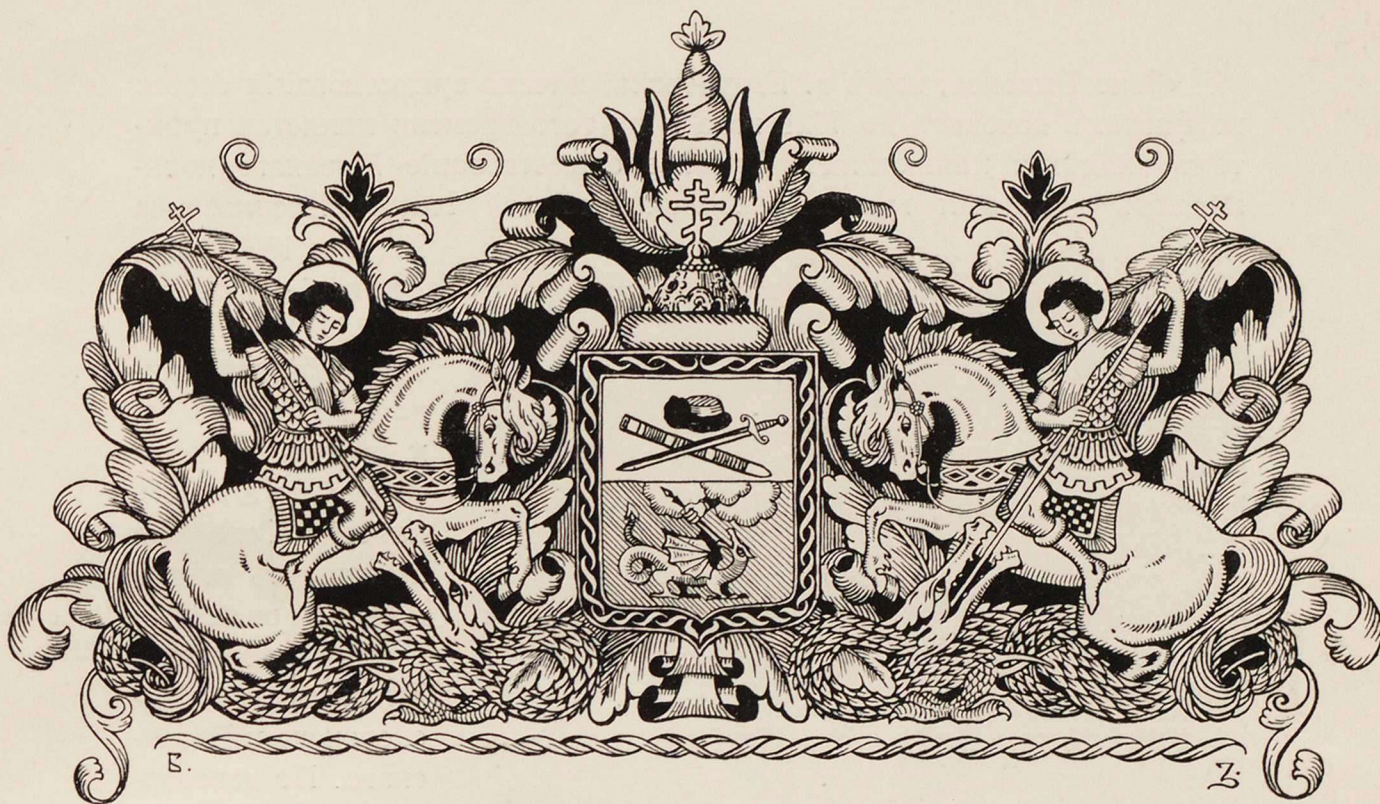
Къ числу такихъ замѣчательныхъ людей, воплощающихъ въ себѣ лучшія качества великорусскаго племени, слѣдуетъ отнести и Никифора Михайловича Бардыгина, выдающаяся общественная дѣятельность котораго такъ ярко выразилась въ жизни его родного города, что по ней легко возсоздать и опредѣлить его личность, и характеръ покойнаго. Въ этомъ смыслѣ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ былъ несомнѣнно человѣкъ историческій. Поприщемъ его дѣятельности былъ городъ Егорьевскъ, Рязанской губерніи, и здѣсь онъ уже не только «вѣха» на историческомъ пути города, но крупный рубежъ двухъ совершенно различныхъ его періодовъ. Мало того, рассказать о жизни и трудахъ Никифора Михайловича — почти то-же, что рассказать бόльшую часть новѣйшей исторіи Егорьевска.

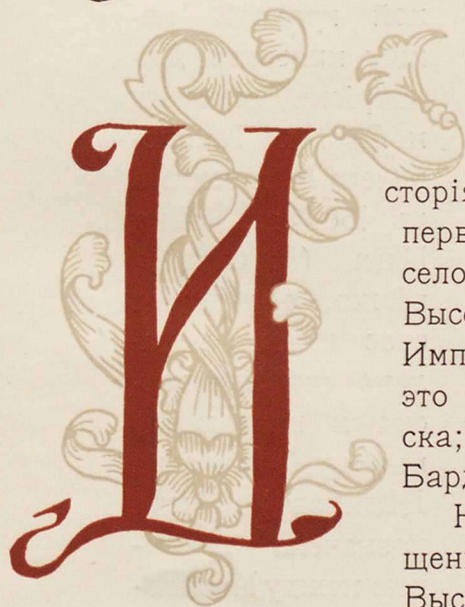

сѣй павѣи митрополитъ
всехъ русии чудотворецъ.

Копія съ древняго изображенія,
находящагося въ Чудовомъ мо-
настырѣ.

II.

Исторія города Егорьевска распадается на три части: первая — когда вмѣсто города было только маленькое село Егорій-Высокій, образовавшееся изъ деревни Высокой; вторая часть начинается отъ указа Императрицы Екатерины II-й 1778 года, когда село это стало уѣзднымъ городомъ съ именемъ Егорьевска; третья часть начинается со вступленія Н. М. Бардыгина въ должность городского головы.

Наименованіе Егорьевска произошло отъ сокращеннаго произношенія наименованія села Егорія-Высокаго. Въ народѣ село это обыкновенно называлось просто «Егорій». Какъ отраженіе этой старины, среди мѣстныхъ жителей и теперь можно слышать выраженія: «былъ у Егорья» или «ѣду къ Егорью» — вмѣсто: «былъ въ Егорьевскѣ» или «ѣду въ Егорьевскъ».

Первая часть исторіи города Егорьевска настолько несложна, что ее можно полностью представить, если привести небольшую выписку изъ церковныхъ записей мѣстнаго собора.

«Село Высокое, нынѣ г. Егорьевскъ, начало существованія своего по фактамъ доводитъ до 1328 года и съ того времени является пунктомъ владѣній княжескихъ. Древнее существованіе Высокаго доказываютъ духовныя грамоты великихъ князей Іоанна Васильевича

Великій Князь Московскій Іоаннъ Калита.

Калиты 1328 года, Дмитрія Донского 1359 года и Василія Дмитріевича 1423 и 1424 гг. и другія грамоты послѣдующихъ князей. Село это лежитъ въ мѣстѣ соприкосновенія трехъ княжествъ: Владимірскаго, Московскаго и Рязанскаго. По договорной грамотѣ между князьями Дмитріемъ Донскимъ и Олегомъ Іоанновичемъ Рязанскимъ въ 1381 г., рѣка Цна (небольшая рѣчка, берущая свое начало недалеко отъ Егорьевска и впадающая въ Оку близъ села Дѣдинова) была назначена границею между Московскимъ и Рязанскимъ княже-

ствами. Такимъ образомъ село Высокое вошло въ область княженія Московскаго и составило отчину князей Московскихъ». Какъ на иллюстрацію къ указу Ивана Калиты 1328 года и договорной грамотѣ 1381 года, укажемъ на слѣдующій сохранившійся рассказъ. Такъ какъ село Высокое было на границѣ трехъ княжествъ, а границы не были точно

опредѣлены, то съ жителей этой мѣстности пріѣзжали собирать подати представители всѣхъ трехъ княжествъ. Много терпѣвшая отъ этого Высоцкая область рѣшила наконецъ «объегорить» это дѣло: когда къ нимъ пріѣзжали за податями изъ Москвы, то они заявляли, что они княжества Владимірскаго; пріѣзжали владимірскіе воеводы — и получали отвѣтъ: «мы рязанскіе», а предъ рязанскими именovali себя московскими. И не платили никому, что, вѣроятно между прочимъ, и заставило князей опредѣлить Высоцкую область къ мѣсту.

Существуетъ также преданіе, что село Высокое принадлежало древнему боярскому роду Бяконты, того самаго Ѳедора Бяконты, сыномъ котораго былъ митрополитъ московскій Алексій; святитель-же Алексій завѣщалъ Высокое и всю его волость московскому Чудову монастырю.

Подтвержденіемъ этого преданія служитъ продолженіе приведенной выше выписи изъ церковной лѣтописи Егорьевскаго собора: «Въ 1563 г., 11 ноября, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, по просьбѣ добродѣтельной своей супруги Анастасіи Романовны Юрьевой, кото-

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

рая особенно благоговѣла предъ памятью святителя Алексія, пожаловаль село Высокое и всю область Высоцкую Чудову монастырю въ Москвѣ. Похитители російскаго престола: Борисъ Годуновъ грамо-

Древняя рѣзная икона св. влкм. Георгія, по преданію вкладъ въ село Высокое прапрадѣда царя Михаила Ѳеодоровича — боярина и воеводы Юрія Захарьева — въ 1500 году.

великомученика Георгія, хранящейся въ томъ же соборѣ (надпись гравирована на мѣди):

«По древнему преданію и истлѣвшей надписи сей рѣзной образъ святого великомученика Георгія положенъ вкладу въ село Высокое, нынѣшній городъ Егорьевскъ, въ 1500 году, бояриномъ и воеводою

тою въ 1601 г., марта 1 дня, и Лжедимитрій грамотою въ 1601 г., декабря 19-го дня, утвердили за Чудовымъ монастыремъ село Высокое. Царь же Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1611 г., 23 октября, и Алексѣй Михайловичъ въ 1652 г., 23 октября, предоставили нѣкоторыя преимущества селу Высокому, а именно: ежедневный торгъ и учрежденіе волостеля».

Эту вторую выпись изъ лѣтописи Егорьевскаго Успенскаго собора интересно сопоставить съ надписью къ древней рѣзной иконѣ

Георгіємъ (онъ-же Юрій) Захарьевымъ, родителемъ Романа Юрьевича, дѣдомъ Никиты Романовича и царицы Анастасіи Романовны, прадѣдомъ патріарха Филарета Никитича и прапрадѣдомъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, послѣ взятія имъ, Георгіємъ, литовскаго города Дорогобужа. Свидѣтельствуеть-же преданіе, что образъ сей былъ въ войскѣ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго при одержаніи имъ въ 1608—1610 годахъ первой побѣды надъ поляками, какъ подробно обозначено въ лѣтописи патріарха Никона. Върѣзана

Крестный ходъ въ празднованіе святителя Алексія, 20 мая, у часовни св. Николая.

надпись сія въ 6 день декабря 1847 года, въ благополучное царствованіе и тезоименитство потомка Романовыхъ Государя Императора Николая Павловича, въ 700-й годъ историческаго бытія Москвы и современнаго ей нынѣшняго города Егорьевска».

На основаніи этого документа можно заключить, что царица Анастасія Романовна, прося Іоанна IV о передачѣ с. Высокаго Чудову монастырю, слѣдовала примѣру своего дѣда Юрія Захарьевича; передача-же этимъ послѣднимъ иконы своего Ангела—Побѣдоносца селу Высокому указываетъ на то, что предки нынѣ царствующаго дома Романовыхъ благоволили къ с. Высокому, именно какъ къ вот-

чинъ св. митрополита Алексія, котораго память въ городѣ Егорьевскѣ издавна особенно почитается: въ соборѣ есть престолъ во имя его, а въ день памяти его, 20-го мая, совершается крестный ходъ вокругъ всего города.

Приведенные документы почти исчерпываютъ исторію села Высокаго; никакихъ слѣдовъ его внутренней исторіи не осталось; всѣ повѣствованія говорятъ только о внѣшнихъ судьбахъ его въ разныя царствованія. Изъ нихъ, такимъ образомъ, видно, что начало Егорьевска восходитъ ко временамъ Ивана Калиты и что это была вотчина московскаго Чудова монастыря. Иными словами, исторія Егорьевска начинается съ возвышенія древняго сѣверо-востока и какъ-разъ съ того времени, когда въ этой области рѣзче всего начали обозначаться мірскіе и отшельническіе типы людей, о которыхъ говорилось выше.

III.

Вторая часть истории Егорьевска также несложна. Императоръ Петръ I, при отобрании отъ монастырей части ихъ владѣній, отписаль отъ Чудова монастыря и с. Высокое со всею его волостью, и скоро село это преобразовалось въ ратушу, или безуѣздный городъ Коломенской епархіи. Объ этомъ-же говорится и въ записяхъ мѣстнаго собора: «Послѣ этого (т.-е. послѣ учрежденія должности волостеля) с. Высокое было ратушею, безуѣзднымъ городомъ Рязанской губерніи, подъ именемъ Егорьевска. При открытіи онаго въ немъ находились двѣ церкви: Казанская и Георгіевская—обѣ деревянныя». Эта короткая замѣтка дополняется цифровой справкой. Село Высокое преобразовано въ уѣздный городъ Егорьевскъ въ 1778 г., но въ 1796 г. городъ

былъ оставленъ за штатомъ до 1804 г., когда былъ возстановленъ по сенатскому указу 24 апрѣля 1802 г.

Сдѣлавшись уѣзднымъ городомъ, Егорьевскъ продолжалъ очень слабо развиваться. Торговля велась преимущественно ярмарочная; торговали хлѣбомъ, который привозили изъ южныхъ уѣздовъ и

Императоръ Петръ I.

изъ Коломны и продавали купцамъ Ильинскаго Погоста, Павловскаго Посада и Орѣхова; кромѣ того, торговали хмелемъ, кожами, деревянной посудой и разными ремесленными мелочами. Почва въ окрестностяхъ города песчаная и болотистая, и жители посредствомъ хлѣбопашества едва добывали насущное пропитаніе, хотя населеніе было незначительное, а земля почти вся была подъ распахой, какъ это видно по сохранившимся слѣдамъ дѣленія ея на нивы во многихъ окрестныхъ лѣсахъ.

Такъ, по свѣдѣніямъ «Экономическаго примѣча-

нія во время генеральнаго межеванія земель», значитъ, что «въ то время въ г. Егорьевскѣ было 106 дворовъ съ 280 душами мужского и 295 женскаго пола; жители были всѣ крестьяне, состояли на положенномъ окладѣ, торгу не имѣли». Но предприимчивая хозяйственная

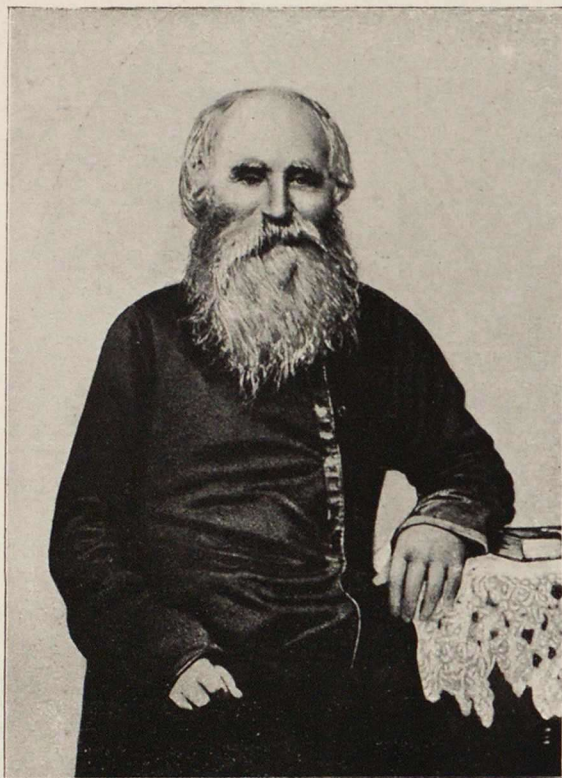
природа жителей не могла не сказаться, и рѣзкая перемѣна произошла съ попытки крестьянина Василия Максимовича Карцова положить въ городѣ начало хлопчатобумажной промышленности. Попытка его не только удалась, но онъ развилъ крупное дѣло и Егорьевскъ съ того времени началъ обращаться въ своего рода фабричный центръ. Съ появленіемъ первыхъ ручныхъ ткацкихъ становъ въ 1825 и слѣдующихъ годахъ кустарное ткачество начинаетъ быстро распространяться по многимъ деревнямъ, а въ 1827 г. появляются уже въ самомъ городѣ ручныя бумаготкацкія производства и фабрики. Вслѣдствіе этого матеріальное положеніе города стало постоянно подниматься. Но самымъ могучимъ, основнымъ толчкомъ къ развитію промышленности въ г. Егорьевскѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ прочному росту его благосостоянія, явилось основаніе въ немъ фабрики бр. Хлудовыхъ.

Императрица Екатерина Великая.

Изъ числа окрестныхъ ткачей-кустарей выдѣлилась семья Хлудовыхъ. Какъ самъ глава семьи Иванъ Ивановичъ, такъ и сыновья его отличались большимъ природнымъ умомъ, рѣдкою предприимчивостью и огромнымъ трудолюбіемъ. Общими усиліями достигли они

скоро значительнаго матеріальнаго достатка и завели торговое дѣло въ Москвѣ, приписавшись къ купцамъ. Послѣ смерти отца братьямъ Хлудовымъ осталось въ наслѣдство около 200,000 руб. деньгами и имуществомъ и въ 1842 г. четыре брата Хлудовы учредили торговый домъ подѣ фирмою: «А. Н. и Г. Д. Ивана Хлудова Сыновья». И вотъ, ихъ предпріимчивый духъ въ одинъ счастливый для г. Егорьевска день привелъ ихъ къ мысли построить въ немъ бумаго-прядильную фабрику.

Василій Максимовичъ Карцовъ.

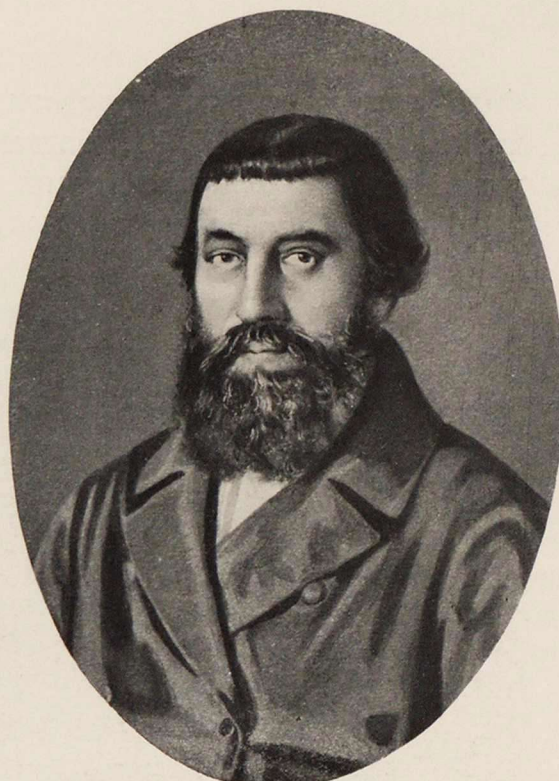
Въ то время такія фабрики въ Россіи еще только начинали основываться и ихъ было лишь нѣсколько; между тѣмъ постоянное развитіе ручного ткачества увеличивало и спросъ на пряжу. Егорьевскъ представлялъ тогда всѣ благопріятныя данныя, для того чтобы бумагопрядильная фабрика въ немъ успѣшно развивалась: существовало уже въ самомъ городѣ нѣсколько ткацкихъ производствъ, опиравшихся на раскинутое по всѣмъ окружнымъ деревнямъ кустарное ткачество; вокругъ города стояли огромныя лѣса, которые обеспечивали фабрику дешевымъ топливомъ; увеличивавшееся населеніе нуждалось въ заработкѣ; наконецъ городъ предусмотрительно предложилъ Хлудовымъ участокъ земли на берегу

рѣки, величиною болѣе 12 десятинъ, за плату всего по 30 руб. въ годъ. Въ 1847 г. былъ построенъ первый корпусъ фабрики. Когда рыли для фундаментовъ канавы, въ землѣ находили окаменѣлыя раковины, переливавшіяся перламутровымъ и металлическимъ блескомъ. Землекопы говорили хозяевамъ въ шутку: «на золотомъ мѣстѣ строетесь». Хозяева, которые, при всей огромной своей предпріимчивости, не могли не волноваться за успѣхъ новаго дѣла, куда они влагали все свое достояніе, отвѣчали: «да, или мы здѣсь золото добудемъ, или ужъ пойдемъ съ вами вмѣстѣ землю копать».

И братья Хлудовы добыли золото себѣ и озолотили Егорьевскъ.

Давыдъ Ивановичъ Хлудовъ.

Савелій Ивановичъ Хлудовъ.

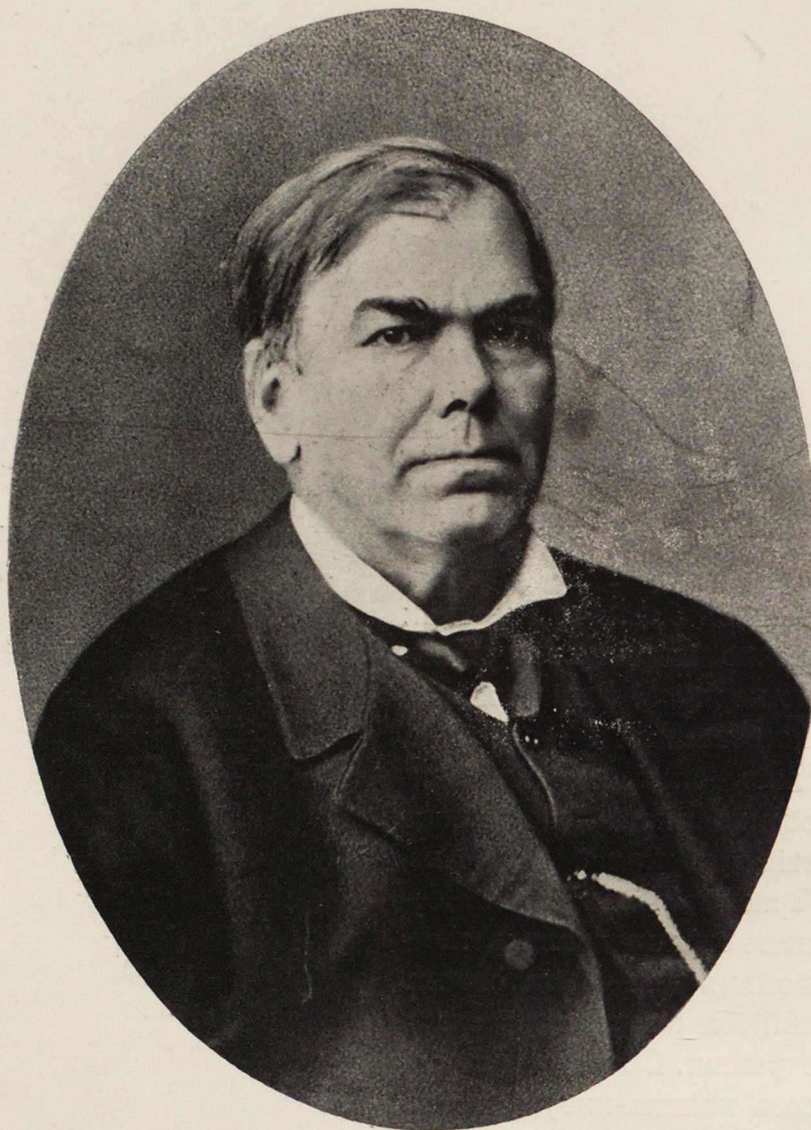
Они работали съ большою энергіей: безостановочно ширились и строились новые корпуса, выписывались усовершенствованныя машины, приглашались опытные руководители. Особенно много потрудились для развитія фабрики братья Алексѣй и Герасимъ Ивановичи. Конечно, они не ограничивались мѣстнымъ райономъ для сбыта своихъ произведеній, а отправляли его и на другіе рынки. Обороты ихъ росли, и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ они имѣли уже больше милліона чистаго капитала.

Въ 1869 г. бр. Хлудовы исходатайствовали проведеніе желѣзнодорожной вѣтки къ Егорьевску отъ станціи Воскресенскъ Московско-Казанской жел. дороги. Вѣтка эта

Назарій Ивановичъ Хлудовъ.

была частью желѣзной дороги на Муромъ, проектированной въ то время генераломъ Е. В. Богдановичемъ, который личнымъ своимъ участіемъ въ большой степени содѣйствовалъ успѣху ходатайства бр. Хлудовыхъ. Проведеніе желѣзнодорожной вѣтки сдѣлало Егорь-

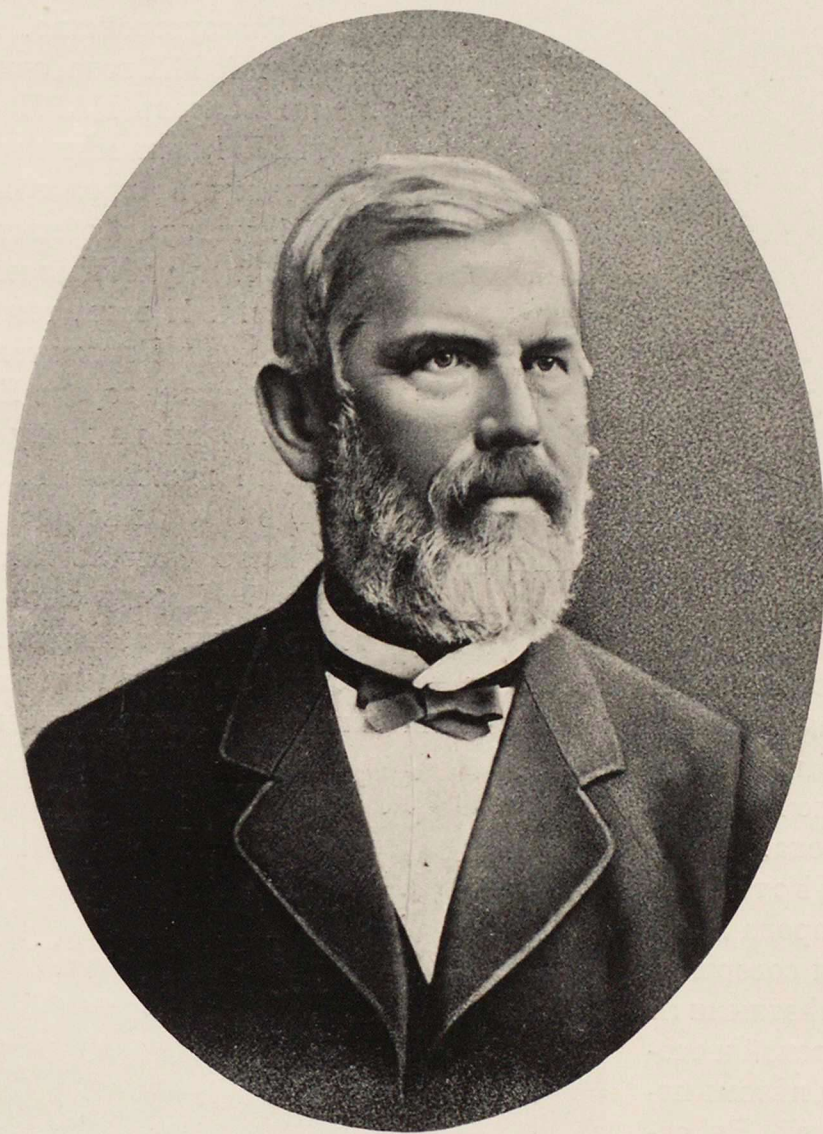

Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ.

евскъ своего рода портомъ для значительной промышленной области, создавъ производство въ немъ и торговлю среди болѣе чѣмъ двухсоттысячнаго ея населенія. И дѣйствительно, непрестанно съ тѣхъ поръ развиваясь, обороты города достигли въ настоящее время

суммы болѣе 10,000,000 р. въ годъ, и Егорьевскъ при 20,000 жителей платитъ казнѣ процентнаго и раскладочнаго сбора ежегодно съ суммы болѣе чѣмъ въ 1,000,000.

Когда такимъ образомъ бр. Хлудовы построениемъ прядильной

Герасимъ Ивановичъ Хлудовъ.

фабрики и проведеніемъ желѣзной дороги дали постоянный заработокъ тысячамъ мѣстнаго населенія, укрѣпили положеніе мѣстной промышленности, создали большую мѣстную торговлю и всѣмъ этимъ положили прочное основаніе всему послѣдующему росту благососто-

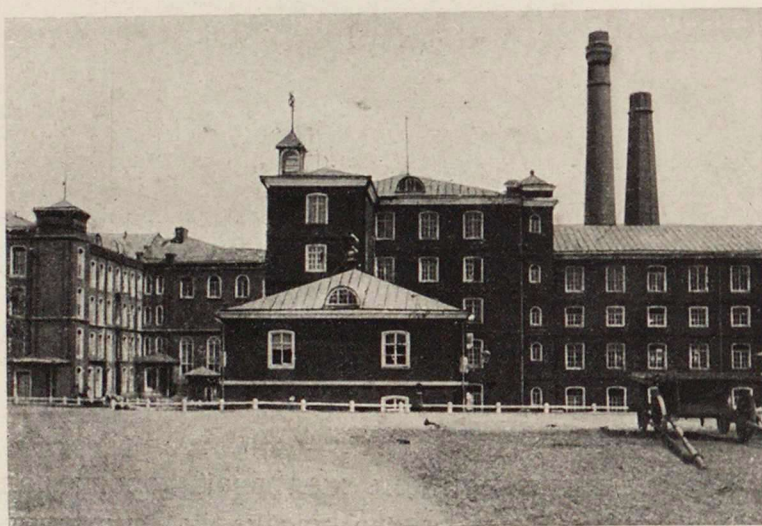

Евгеній Васильевичъ Богдановичъ.

янія города Егорьевска, — тогда сама собой явилась необходимость во внутренней зиждательной силѣ, которая разумно направила-бы начавшія слагаться у города средства на его всестороннее благоустройство. Городовое положеніе 1870 года, одинъ изъ великихъ актовъ ЦАРЯ ОСВОБОДИТЕЛЯ, далъ мѣстнымъ силамъ возможность проявить себя въ этой благодарной области, широко призвавъ къ работѣ въ ней всѣ слои населенія. И вотъ, тогда-то и на такую именно зиждательную работу граждане города Егорьевска и выдвинули во главу себѣ Никифора Михайловича Бардыгина.

До него мѣстное городское хозяйство было въ полномъ безпорядкѣ. Городъ самъ не зналъ точно своихъ земельныхъ владѣ-

ній; выгонныя земли и лѣсныя дачи были въ спорномъ владѣніи съ окрестными деревнями и частными лицами; бесспорныя земли, луга и лѣса были запущены и почти не давали дохода. Болотистая мѣстность около города дѣлала дороги совершенно непроѣздными не только весной и осенью, но и лѣтомъ послѣ дождей. Въ самомъ городѣ не было ни мостовыхъ ни освѣщенія; городъ былъ совершенно беззащитенъ отъ пожаровъ; учебныхъ

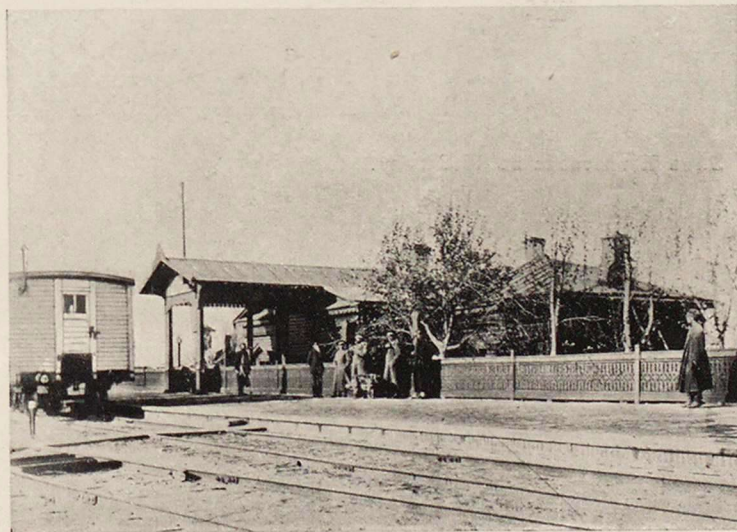
Старые корпуса фабрики бр. Хлудовыхъ. Западная сторона.

заведеній было только два начальныхъ, очень маленькихъ.

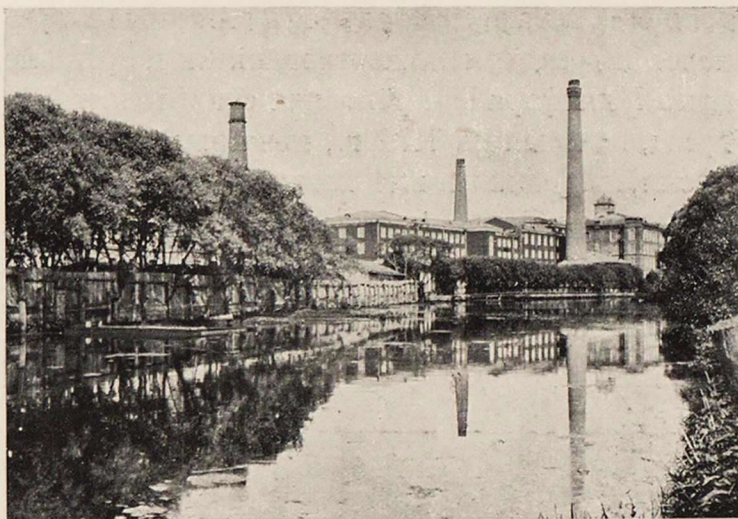
Все это ставило Егорьевскъ на очень низкую ступень даже среди маленькихъ городовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ население его не превышало 5000 душъ обоего пола; по пространству городъ занималъ не болѣе 20-ти кварталовъ, а доходы его не доходили и до

10,000 руб. Въ довершеніе этого печальнаго положенія рядъ пожаровъ сильно ослабилъ городъ; самый свирѣпый былъ 23 іюня 1868 года: при сильной бурѣ онъ уничтожилъ двѣ трети города, при чемъ какъ-бы чудомъ уцѣлѣлъ деревянный Красный (Георгіевскій) соборъ, вокругъ котораго почти все выгорѣло.

Никифору Михайловичу Бардыгину пришлось принять городъ въ должности городского головы въ 1872 году. Съ этихъ поръ начинается третья, новѣйшая часть исторіи города Егорьевска: онъ начинаетъ быстрыми шагами идти впередъ и развиваться во всѣхъ отношеніяхъ.

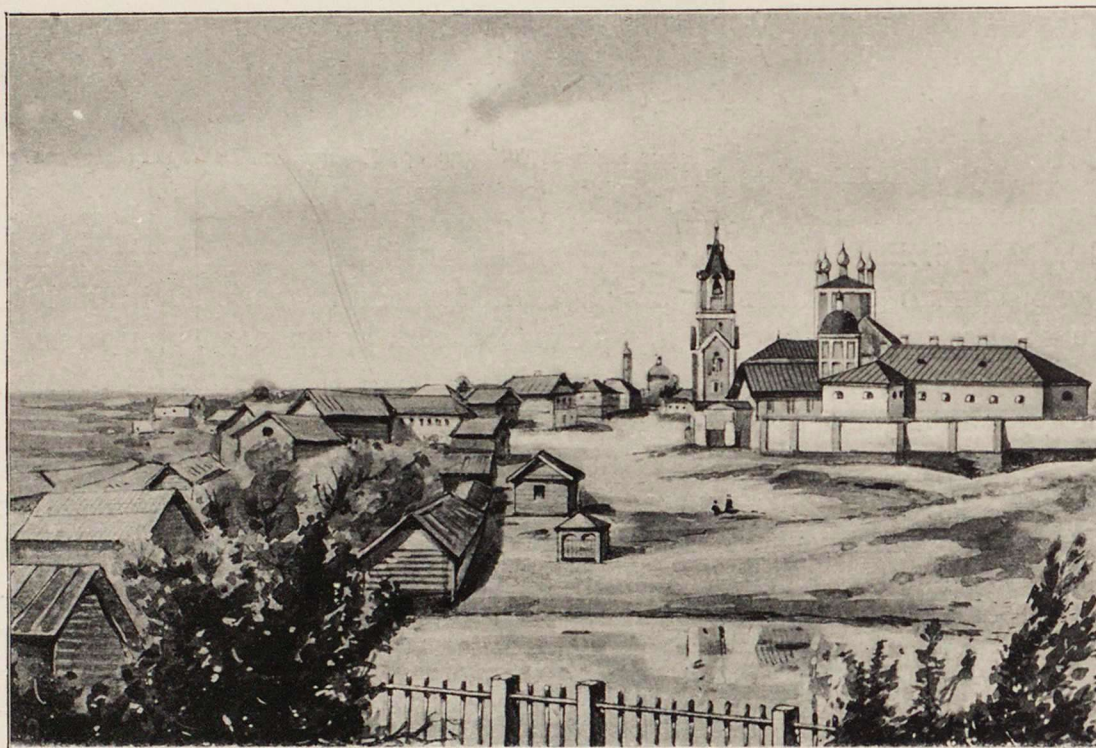
Железнодорожный вокзалъ.

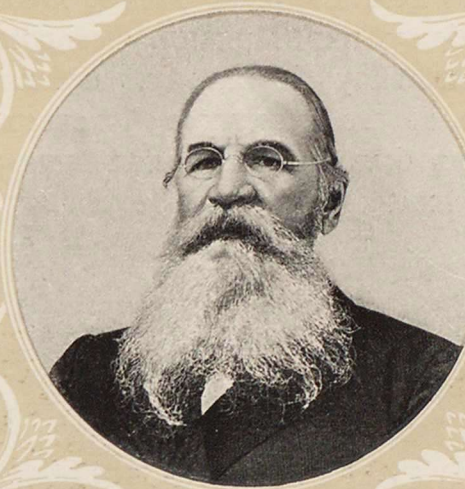
Старые корпуса фабрики бр. Хлудовыхъ. Восточная сторона.

Никифоръ Михайловичъ былъ городскимъ головою безсмысленно 29 лѣтъ, столько же лѣтъ былъ земскимъ гласнымъ, а съ 1886 г. по 1889 председателемъ земской управы, съ 1881 г. былъ соборнымъ старостою, — и на всѣхъ этихъ поприщахъ имъ сдѣлано очень много. Не меньше,

если не больше, сдѣлалъ онъ для возвышенія города и какъ частный человекъ своими пожертвованіями и нравственнымъ вліяніемъ. О трудахъ Никифора Михайловича свидѣтельствуеъ весь архивъ городской думы, начиная съ 1872 г., почетные адреса, поднесенные ему въ разное время, полученныя имъ награды, единодушные отзывы всѣхъ горожанъ. Его личная біографія становится нераздѣльной съ исторіей родного города, которому была посвящена вся его жизнь и внѣ заботъ о которомъ у него, можно сказать, не оставалось уже никакихъ личныхъ интересовъ.

Видъ Егорьевска въ 1860-мъ году.

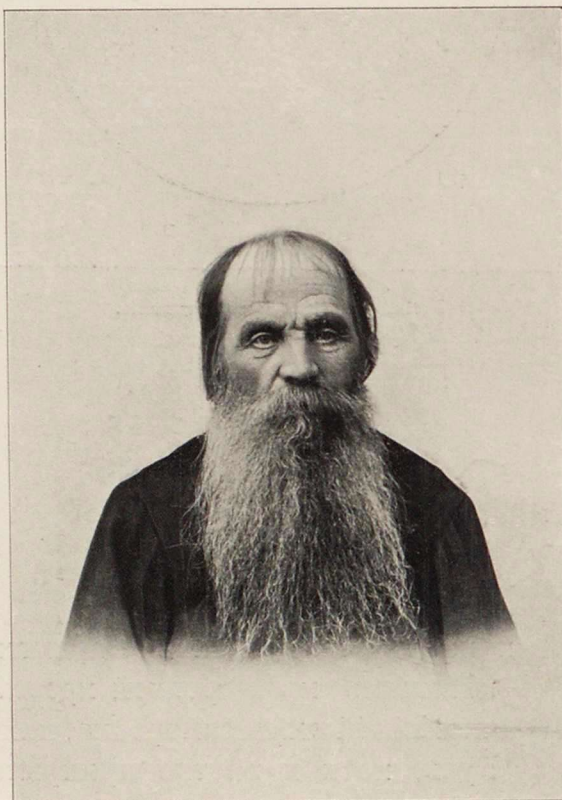
Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ.

IV.

Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ принадлежитъ цѣликомъ къ народной крестьянской Руси. Это чистѣйшій типъ самородка, какихъ давала старая Русь, хотя и плотно прикрытая сверху слоемъ «образованнаго класса», но не обезличенная и не обезпложенная въ своихъ глубинахъ. Біографическія свѣдѣнія о Никифорѣ Михайловичѣ, о его ближайшихъ предкахъ и родителяхъ вскрываютъ любопытныя подробности старонародной бытовой обстановки, вѣрованій, воззрѣній и нравовъ.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія жилъ въ деревнѣ Кормиловской (1½ версты отъ Егорьевска) крестьянинъ Ѳедоръ Никитинъ, по прозвищу Бардыгинъ. У него было трое сыновей: Филиппъ, Савелій и Михаилъ. Когда въ окрестностяхъ Егорьевска появилось кустарное ткачество, двое старшихъ сыновей Ѳедора Никитина, дол-

гое время прозывавшихся «Кормиловскими», а потомъ по дѣду принявшихъ фамилію Никитиныхъ, также завели въ Егорьевскѣ ткацкое производство, которое шло довольно долго, хотя и не особенно успѣшно. Младшій же братъ ихъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, ушелъ въ зятя къ Александру Борисовичу Кулакову, небогату егорьевскому торговцу, женившись на его единственной дочери Гликеріи Александровнѣ. У Кулаковыхъ была мелкая бакалейная торговля и хлѣбная пекарня, которую вела жена Александра Борисовича, Авдотья Ивановна.

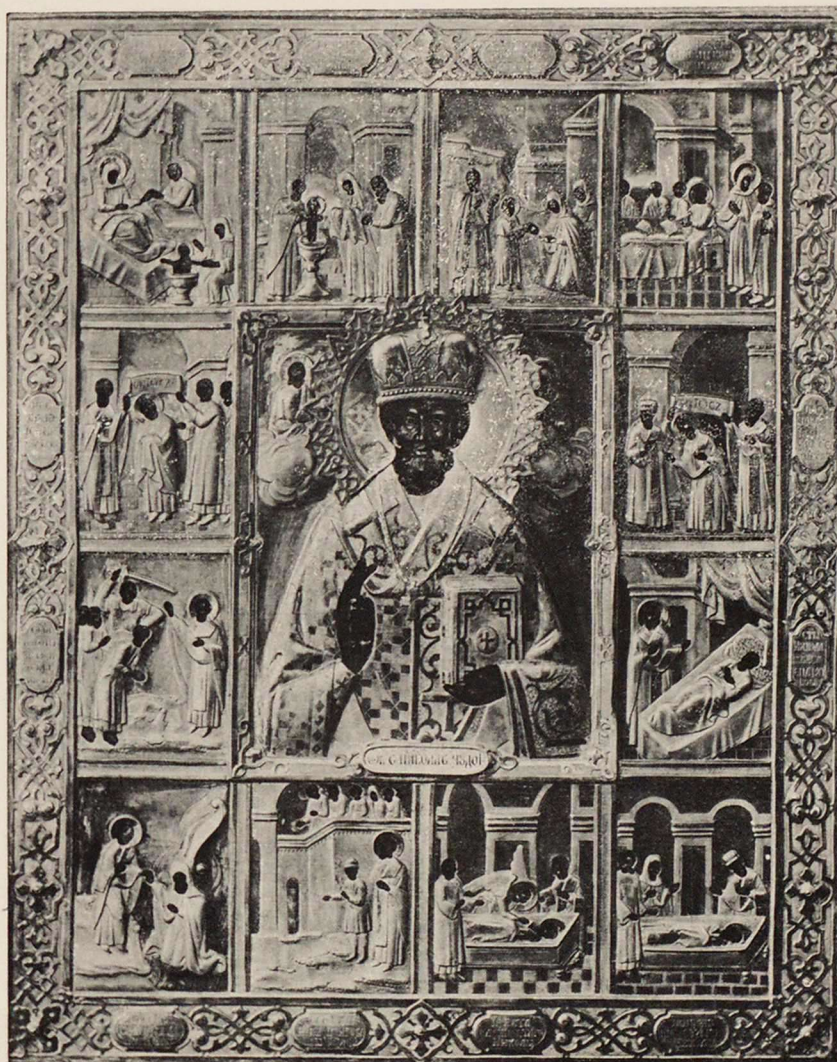

Григорій Назаровичъ Брёховъ.

Эта женщина представляла замѣчательный типъ старыхъ патриархальныхъ временъ. Сохранившіяся воспоминанія о ней свидѣтельствуютъ, какая внутренняя красота скрывалась иногда въ такихъ цѣльныхъ, простыхъ натурахъ. Авдотья Ивановна соединяла въ себѣ ясный умъ, глубокую вѣру, состраданіе къ бѣднымъ, огромное трудолюбіе, смѣлость и физическую силу.

Сохранилось такое воспоминаніе, рисующее духовный міръ Авдотьи Ивановны. Въ домѣ ея издавна была древняя и чтимая икона

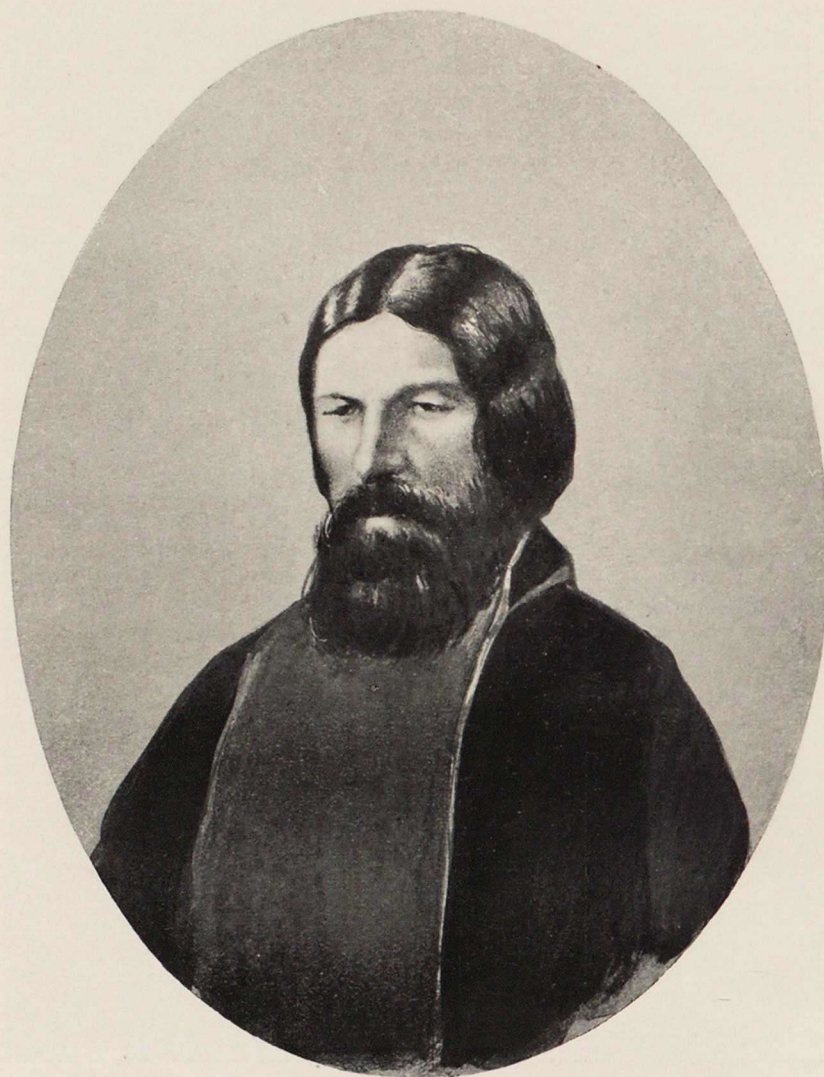
св. Николая Чудотворца. Во время одного изъ обостреній преслѣдованія старообрядцевъ, въ царствованіе Николая I, какъ-то волной прошелъ всюду усиленный переходъ изъ православія въ старообрядчество. Въ Егорьевскѣ, гдѣ старообрядчество и прежде всегда было сильно, тоже начались переходы и во главѣ перешедшихъ были богатѣйшіе

Древняя икона святителя Николая, хранимая домою Бардыгиныхъ.

люди: В. Д. Клоповъ и Г. Н. Бреховъ. Волна эта захватила и Авдотью Ивановну, которая, раздумывая надъ преслѣдованіями старообрядцевъ, недоумѣвала: за что ихъ гонятъ? «Вѣдь они только усерднѣе насъ Богу молятся!» говорила она. Она смутилась, долго боролась съ собой и, наконецъ, рѣшила перейти въ старообряд-

чество. По обычаю, надлежало ей при этомъ принести свою древнѣйшую икону въ старообрядческую часовню. И вотъ, однажды ночью, когда всѣ спали, она собралась пойти «за утреню» къ старообрядцамъ. Но когда она подошла къ двери «горницы», чтобы взять хранившуюся тамъ икону, у ней подкосились ноги, какъ она сама послѣ разска-

Михаиль Федоровичъ Бардыгинъ.

зывала, и она внезапно упала у порога. Домашніе, ничего не подозревавшіе, поутру перенесли ее въ постель. Заболѣвъ послѣ этого, Авдотья Ивановна усмотрѣла въ этомъ чудесное воздѣйствіе св. Николая, остановившаго ее отъ задуманнаго шага. Однако, только послѣ

долгаго времени она рѣшилась вернуться въ лоно православной Церкви, и когда рѣшилась въ первый разъ поѣхать въ соборъ (ходить она еще не могла), то просила обвести себя «задами», чтобы ее не видали ея подруги, съ которыми она уговорилась уйти въ старообрядчество. Въ соборѣ она усердно молилась и послѣ этого скоро выздоровѣла¹⁾).

Авдотья Ивановна, овдовѣвъ, сама вела свои дѣла. Счетоводство свое она вела углемъ на потолочныхъ балкахъ. Должникамъ, не платившимъ долги по неуважительнымъ причинамъ, особенно же замѣченными ею въ домашнемъ буйствѣ, она грозила словами: «смотри плати, а то похерю!» И должникъ при первомъ-же случаѣ платилъ долгъ и давалъ зарокъ остепениться, страшась одной мысли, что Авдотья Ивановна можетъ «похерить» запись за нимъ и такимъ образомъ заклеить его, какъ недобросовѣстнаго человѣка.

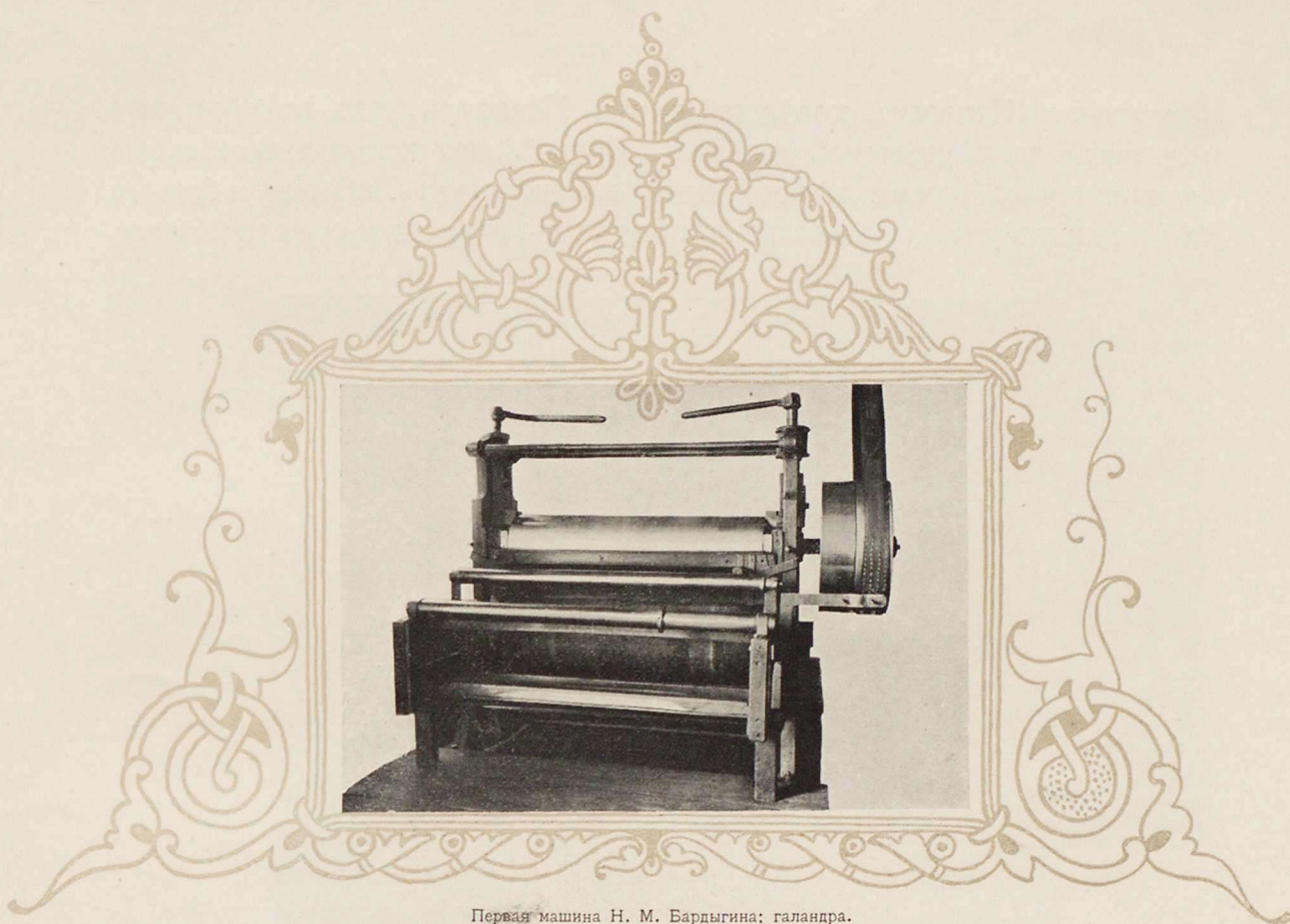
Михаилъ Ѳедоровичъ оказался дѣятельнымъ помощникомъ своему тестю. Онъ ѣздилъ съ хлѣбнымъ товаромъ по базарамъ и ярмаркамъ: въ Ильинскій Погостъ, въ Павловскій Посадъ, въ Орѣхово. Ежегодно же ѣздилъ за хлѣбомъ въ степь, доставляя его оттуда въ Егорьевскъ на волахъ. Такимъ образомъ, онъ отлучался изъ дому на долгое время. Гликерія Александровна была отдана замужъ чуть-ли не 14 лѣтъ и въ первые годы своего замужества вовремя такихъ отлучекъ мужа играла въ куклы.

Изъ позднѣйшаго-же времени сохранилось въ семьѣ воспоминаніе о такомъ случаѣ. Разъ какъ-то Михаилъ Ѳедоровичъ очень долго не возвращался изъ поѣздки въ степь. Домашніе по немъ сильно соскучились; ихъ воображенію представлялись и разбойники и прочіе ужасы тогдашнихъ дальнихъ поѣздокъ, и они, конечно, усердно молились за него. Однажды, отходя ко сну, Гликерія Александровна особенно долго и горячо молилась предъ иконой св. Николы о благополучномъ возвращеніи мужа и въ такомъ настроеніи легла спать. Подъ утро ей снится сонъ: будто она опять молится и вдругъ отворяется дверь, входитъ передовой обозный чумакъ и говоритъ ей: «обозъ пришелъ, Михаилъ Ѳедоровичъ здоровъ, кланяется тебѣ и скоро пріѣдетъ». Когда она, вставши утромъ, стала на свою обычную утреннюю молитву, вдругъ отворилась дверь, вошелъ дѣйствительно передовой чумакъ и она услышала наяву тѣ самыя, радостныя для нея слова, которыя слышала во снѣ.

Михаилъ Ѳедоровичъ, оставаясь въ деревнѣ послѣ братьевъ, носилъ тамъ отцовское прозвище «Бардыгинъ». Оно удержалось за нимъ и въ Егорьевскѣ. Поэтому когда онъ, въ 1854 году, уже будучи самъ хозяиномъ, приписывался къ купеческому сословію, то это прозвище по

его просьбѣ обратили ему въ законную фамилію. Домъ, въ которомъ жилъ Михаилъ Ѳедоровичъ, стоялъ на углу Соборной площади, тамъ же, гдѣ и теперь находится каменный двухъэтажный домъ Бардыгиныхъ. Тогда домъ былъ очень небольшой, тоже двухъэтажный, съ каменнымъ только низомъ. Въ нижнемъ этажѣ была съ одной стороны бакалейная лавка, съ другой бараночная и хлѣбная пекарня. Эта мелочная торговля, однако, не могла прокормить семейство, и поэтому, чтобы хоть немного увеличить доходъ, приходилось сдавать верхъ дома въ наемъ, а самимъ помѣщаться въ кухнѣ нижняго этажа.

Первая машина Н. М. Бардыгина: галандра.

V.

Въ 1835 году, 4 марта, у Михаила Ѳедоровича родился первый сынъ, Никифоръ Михайловичъ. За нимъ слѣдовали дочери Анастасія (1838 г.), Марія (1842 г.), Акулина (1845 г.), Ольга (1847 г.) и сынъ Иванъ (1852 г.). Сестры Никифора Михайловича кромѣ Маріи, вышедшей замужъ за фабриканта Ивана Потаповича Любомилова, въ цвѣтущихъ годахъ ушли въ Коломенскій Брусенскій монастырь. Братъ его, Иванъ, умеръ одиннадцати лѣтъ, убившись въ игрѣ ²⁾).

Никифоръ Михайловичъ былъ одаренъ отъ природы яснымъ умомъ, энергичнымъ и предпріимчивымъ характеромъ, а отъ родителей унаслѣдовалъ твердую вѣру и доброе сердце. Грамотѣ онъ выучился у

вѣковушки «Пашихи», ходившей читать Псалтирь надъ покойниками и жившей въ Солдатской слободѣ. Дальнѣйшее-же образованіе онъ получилъ у соборнаго дьячка Дмитрія Ѳедоровича Лебедева и больше ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не былъ. Это, однако, не помѣшало

Иванъ Потаповичъ и Марія Михайловна Любимовы въ 1860 году.

ему, обладая любознательностью и способностями, заниматься потомъ много самообразованіемъ. Въ долгіе осенніе и зимніе вечера, когда домашнія женщины пряли, онъ часто сидѣлъ за какой-нибудь книжкой, примостившись поближе къ ихъ «лучинѣ». Никифоръ Михайловичъ рассказывалъ, какъ онъ, бывало, украдкой наклонялъ въ свѣтъ лучину, чтобы она поярче горѣла и было посвѣтлѣе, и какъ почти

тотчасъ-же получалъ крѣпкій подзатыльникъ: вѣдь такъ лучина скорѣе сгорала и расходъ на освѣщеніе увеличивался. Мать его, Гликерія Александровна, часто видя у него книжки, вовсе не похожія на церковныя, а особенно въ родѣ «Бовы Королевича» или «Еруслана Лазаревича», — съ огорченіемъ говорила про него своему духовнику о. Лаврентію: «все, вотъ, читаетъ какія-то пустыя книжонки!» О. Лаврентій, очевидно понимавшій мальчика, его огромную любознательность, его даровитость и твердость, успокаивалъ ее, говоря по старинѣ, по просту: «не бойся, Лукерья Александровна, — пчелка и съ падали медъ беретъ» ³⁾).

О. Лаврентій Спасскій.

Съ ранняго возраста началъ Никифоръ Михайловичъ помогать отцу въ занятіяхъ по торговлѣ и скоро сталъ его правою рукою. Онъ трудился и по дому, и въ лавкѣ; ѣздилъ самъ въ Коломну на трехъ лошадахъ за мукой и, бывало, ему приходилось хаживать изъ Коломны 40 верстъ пѣшкомъ, чтобы только выгадать 15 копѣекъ въ провозѣ, положивъ на телѣгу лишній мѣшокъ; ѣзжалъ онъ также въ Орѣхово, въ Павловскій Посадъ и въ Ильинскій Погостъ съ хлѣбомъ, баранками, пряниками и т. п.

Такъ шло понемногу торговое дѣло до Крымской кампаніи, когда Михаилу Ѳедоровичу пришлось пережить тяжелое время. По окончаніи войны цѣны на хлѣбъ внезапно упали, а у него было принято много хлѣба, купленнаго въ степи по дорогимъ цѣнамъ и въ долгъ. Онъ разорялся, и кредиторы, зная его ограниченныя средства, опасались, что и онъ, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ, «скинетъ» со своихъ долговъ, дабы оставить себѣ средства для продолженія дѣла. Но Михаилъ Ѳедоровичъ самъ остался ни съ чѣмъ, а имъ отдалъ весь долгъ свой до копѣйки.

Требованіе совѣсти, такимъ образомъ, было удовлетворено и этотъ поступокъ Михаила Ѳедоровича, конечно, навсегда утвердилъ основаніе успѣху дѣлъ его семьи въ дальнѣйшемъ будущемъ. Но въ то

Хрисанфъ Гавриловичъ Кулаковъ.
Егорьевскій градскій голова.

время самъ онъ такъ упалъ духомъ, что не могъ болѣе даже и подумать опять завести хотя-бы прежнія свои предпріятія, а рѣшилъ ограничиться маленькой булочной и самъ со своими домашними принялся печь булки и баранки. Небольшое подспорье получалось отъ размотки пряжи, которую семья Михаила Ѳедоровича брала отъ мѣстныхъ фабрикантовъ, въ томъ числѣ и отъ его-же братьевъ.

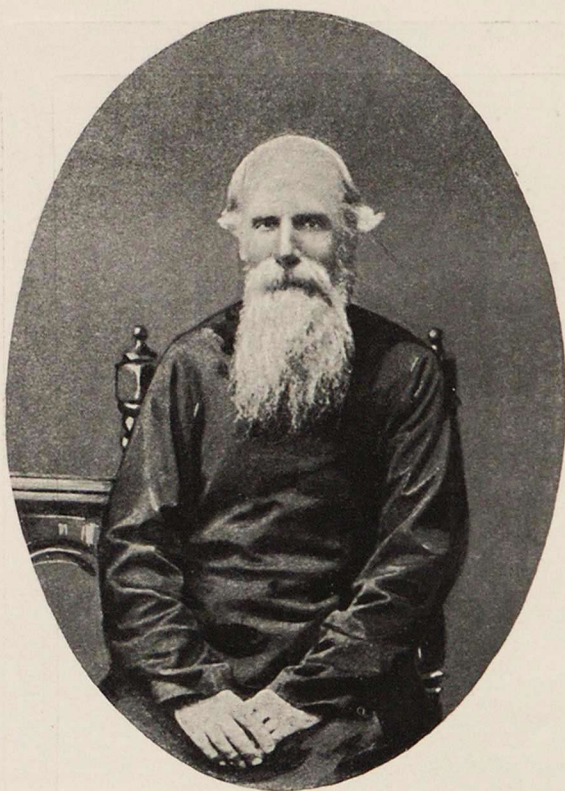
Въ этотъ тяжелый моментъ выручилъ семью энергичный, предпримчивый духъ Никифора Михайловича, который задумалъ взяться за новое дѣло. Онъ давно уже наблюдалъ, какъ хорошо шли дѣла у егорьевскихъ фабрикантовъ и какъ постоянно увеличивался повсюду сбытъ бумажныхъ тканей. И вотъ, когда послѣ Крымской войны

ткацкое дѣло особенно оживилось, онъ началъ раздумывать о томъ, какъ бы и ему завести такое-же производство. Построить сразу фабрику и поставить рабочихъ, конечно, не было никакой возможности. Поэтому приходилось начинать съ того, чтобы вмѣсто размотки чужой пряжи покупать ее, руками своей семьи разматывать, самому сновать основы и отдавать затѣмъ по деревнямъ ткачамъ-кустарямъ для выработки, сработанный-же товаръ самому отвозить для продажи въ ярмарки на Украину, куда сбывалось большинство егорьевскихъ товаровъ.

Уже имѣвшійся торговый опытъ и природный практическій умъ Никифора Михайловича вполне оправдывали его смѣлость и ручались за успѣхъ. Однако, не легко оказалось ему получить на это дѣло согласіе отца. Своихъ денегъ на покупку пряжи и расплату съ ткачами у Никифора Михайловича не было. А Михаилъ Ѳедоровичъ, удрученный паденіемъ своей хлѣбной торговли, строго рассчитывалъ каждую копейку и къ затѣѣ сына отнесся съ большимъ недоумѣніемъ. Никифоръ Михайловичъ представлялъ всѣ доводы, указывалъ на примѣръ другихъ, между прочимъ на своихъ же дядей Филиппа и Савелія, у которыхъ дѣло шло, хотя они и вели его очень «просто».

Лаврентій Михайловичъ Панкратьевъ.

Леонтій Агаповичъ Фроловъ.

Наконецъ онъ обратился къ содѣйствию добрыхъ знакомыхъ: Леонтія Агаповича Фролова, Хрисанфа Гавриловича Кулакова и Василия Дмитріевича Клопова, которымъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Гликерія Александровна уже начали жаловаться, что вотъ, молъ, «Микеша» все пристаесть къ намъ «съ нанкой». Добрые знакомые поддержали энергичнаго молодого человѣка, ихъ совѣты подѣйствовали, и въ 1857 году Михаилъ Ѳеодоровичъ «завелъ нанку». Такъ какъ новое дѣло привлекло къ себѣ все вниманіе новыхъ фабрикантовъ, то для веденія прежняго и вообще для помощи въ томъ же году былъ приглашенъ и первый служащій — Лаврентій Михайловичъ Панкратевъ.

Первый ярлыкъ фирмы Бардыгиныхъ, 1857 года.

VI.

Дѣло началось, но родители все-таки мало вѣрили въ его успѣхъ. Особенно недовольна была Гликерія Александровна. Товаръ вырабатывался зимой, когда у крестьянъ не было полевыхъ работъ, а продаваться долженъ былъ лѣтомъ и осенью. Видя, какъ Никифоръ Михайловичъ цѣлую зиму все только забираетъ всѣ деньги изъ ея лавочной выручки, она почти каждую выдачу денегъ, особенно къ концу зимы, сопровождала словами: «разбойникъ ты, долго ли ты еще будешь насъ обирать-то?». Никифоръ Михайловичъ горячо любилъ свою мать; ему, конечно, тяжело было видѣть ея сомнѣнія, но онъ слишкомъ вѣрилъ въ успѣхъ, чтобы бросить дѣло. «Погоди, маменька, — ласково уговаривалъ онъ ее: — все тебѣ верну, придетъ время». И время пришло.

Пріѣхалъ онъ лѣтомъ изъ Украйны, съ Ильинской ярмарки, и какъ только вошелъ и поздоровался со всѣми, то обратился къ ней и говоритъ: «ну, маменька, подставляй передникъ!» — и съ этими словами ссыпалъ ей всю свою ярмарочную выручку, добавивъ: «вотъ тебѣ твои денежки; будешь ли ты теперь бранить меня за мою затѣю?». Гликерія Александровна растерялась отъ неожиданности и уже въ восторгѣ отъ своего «Микеши» принялась ходить по дому, всѣмъ показывать невиданную кучу денегъ и озабоченно спрашивать: «Батюшки, да куда же мы это все дѣнемъ-то? Куда намъ такія деньги?».

Незадолго до начатія ткацкаго дѣла Никифоръ Михайловичъ женился на Авдотѣ Теофилактонѣ, крестьянкѣ с. Парфеньева, воспитанницѣ коломенскаго купеческаго семейства Макѣвыхъ. Эта женщина, умная отъ природы, добрая и хозяйственная, была первой со-трудницей Никифора Михайловича по его новому дѣлу. Она завѣ-

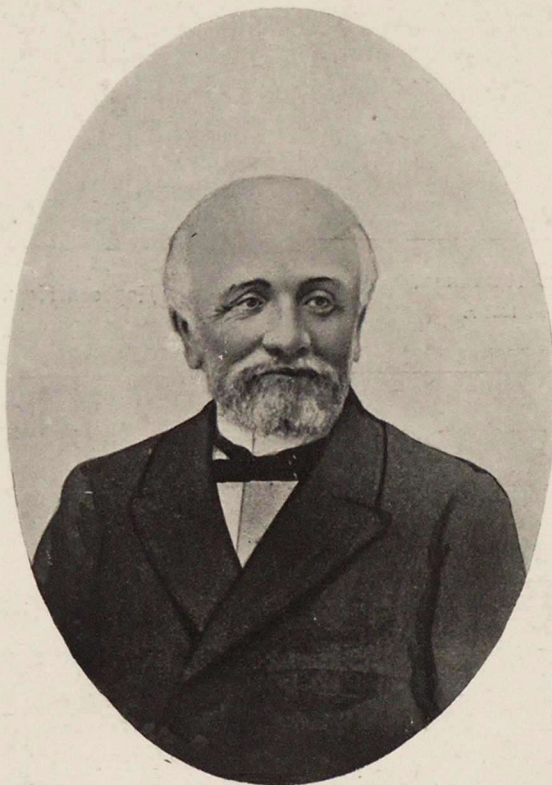
Михаилъ Емельяновичъ Казьминъ.

дывала всей хозяйственной частью, выдавала пряжу въ работу, принимала товаръ. Ей главнымъ образомъ обязанъ Никифоръ Михайловичъ своими первоначальными успѣхами. Она поддерживала въ немъ энергію и стремилась вездѣ, гдѣ могла, помогать ему въ его трудахъ.

Выработка тканей и продажа начали быстро развиваться, и Никифоръ Михайловичъ всецѣло отдался этому дѣлу. Вскорѣ во дворѣ,

на ряду съ прочими надворными постройками, онъ устроилъ небольшое помѣщеніе для сновальни, а позже въ томъ же помѣщеніи завелъ 40 ткацкихъ ручныхъ становъ, чтобы устранить перерывъ въ работѣ въ лѣтнее время. Работа велась уже вся наемными рабочими.

Въ 1859 г. Никифору Михайловичу пришлось устраивать свою красильню для пряжи, которую онъ и выстроилъ на арендованной у города землѣ близъ Солдатской слободы, гдѣ теперь стоитъ ночлежный домъ. Дѣло настолько расширилось, что явилась необходимость пригласить и второго служащаго для помощи въ ярмарочной

Баронъ Левъ Герасимовичъ Кнопъ.

украинской торговлѣ. Къ этому дѣлу въ 1862 году онъ опредѣлилъ своего перваго сновальщика, Михаила Емельяновича Казьмина.

Въ 1865 году Никифоръ Михайловичъ купилъ у дьякона Мелихова домъ съ усадьбой⁴⁾ въ 684 кв. сажени, за 1000 руб., на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ его механическо - ткацкая фабрика. Домъ былъ маленькій, одноэтажный и совершенно ветхій. Его снесли и построили на его мѣстѣ новый двухъэтажный домъ съ каменнымъ низомъ. Сюда Никифоръ Михайловичъ перенесъ ткацкую фабрику и красильню, а на прежнемъ мѣстѣ, при домѣ, остались контора, кладовая, крутильня и

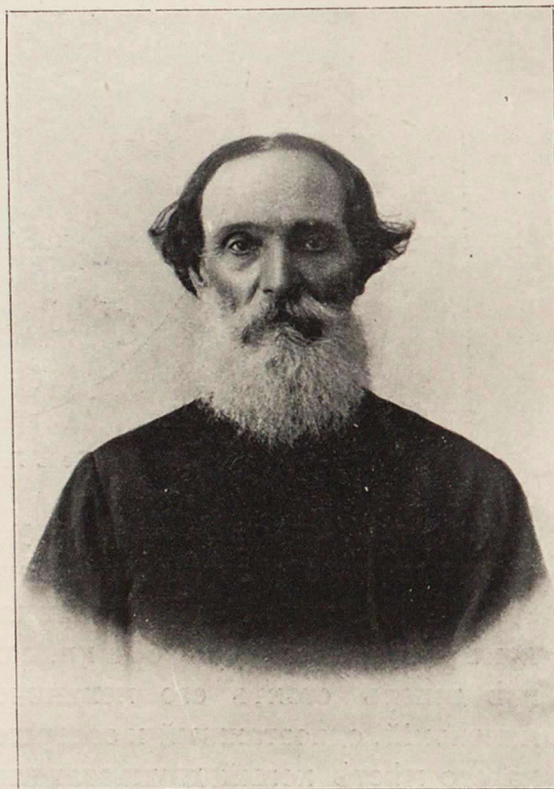
Михаиль Емельяновичъ Казьминъ,
съ группой покупателей въ 1865 г.

Дороей Ивановичъ Карякинъ.

Петръ Елисеѣвичъ Волковъ,
отдѣлочный мастеръ.

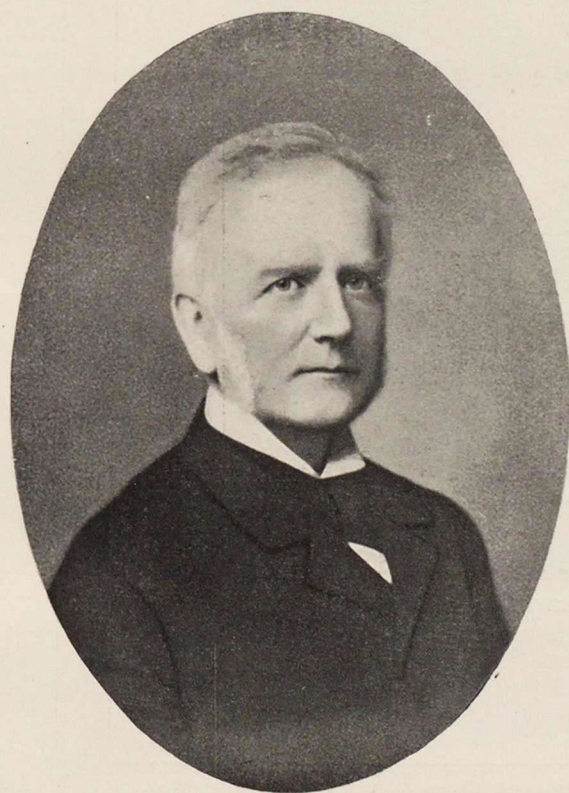
Иванъ Ивановичъ Стариковъ,
кубовый мастеръ.

Дмитрій Петрович Воробьевъ.

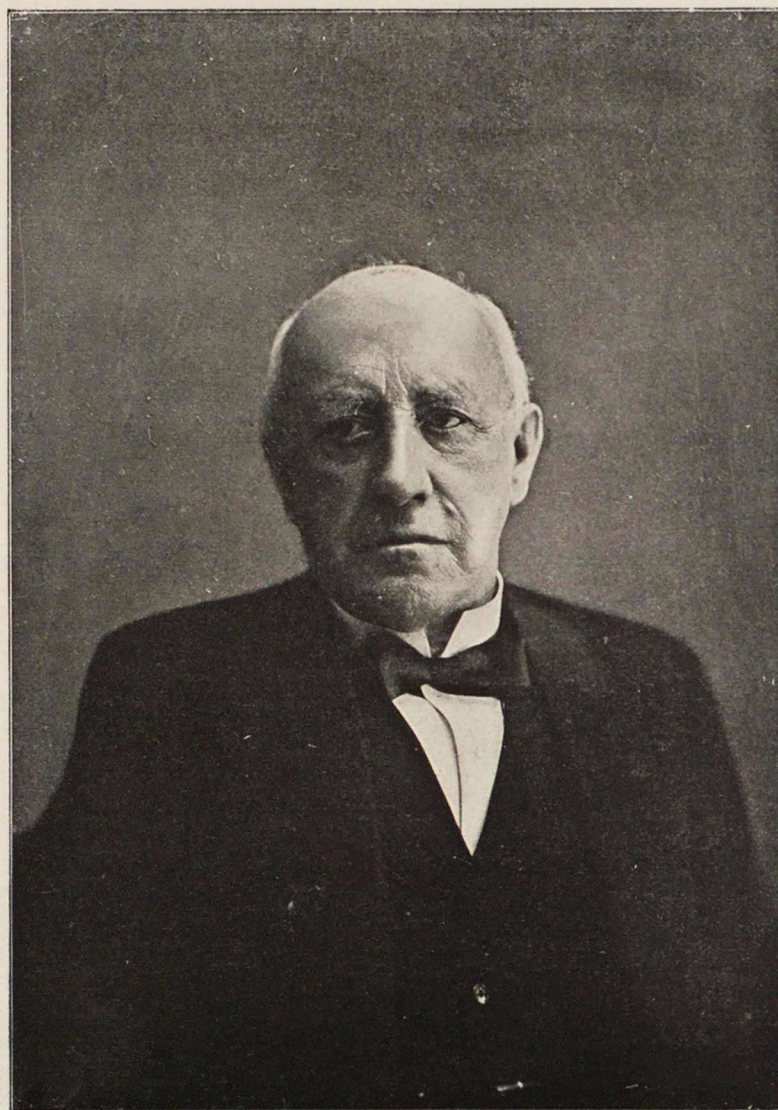
Семень Павловичъ Малютинъ.

Карлъ Андреевичъ Стукенъ.

Людвигъ Людвиговичъ Рабенекъ.

Оберъ-гофмейстеръ Двора Его Величества
Юрій Степановичъ Нечаевъ-Мальцевъ.

сновальня. Въ 1866 г. введено было крашеніе кубоваго товара, для котораго былъ приглашенъ первый мастеръ Иванъ Ивановичъ Стариковъ. Съ 1868 года Никифоръ Михайловичъ началъ ѣздить въ Нижегородскую ярмарку и открылъ постоянную торговлю въ Москвѣ, завѣдывать которою пригласилъ тогда же Дороеея Ивановича Карякина.

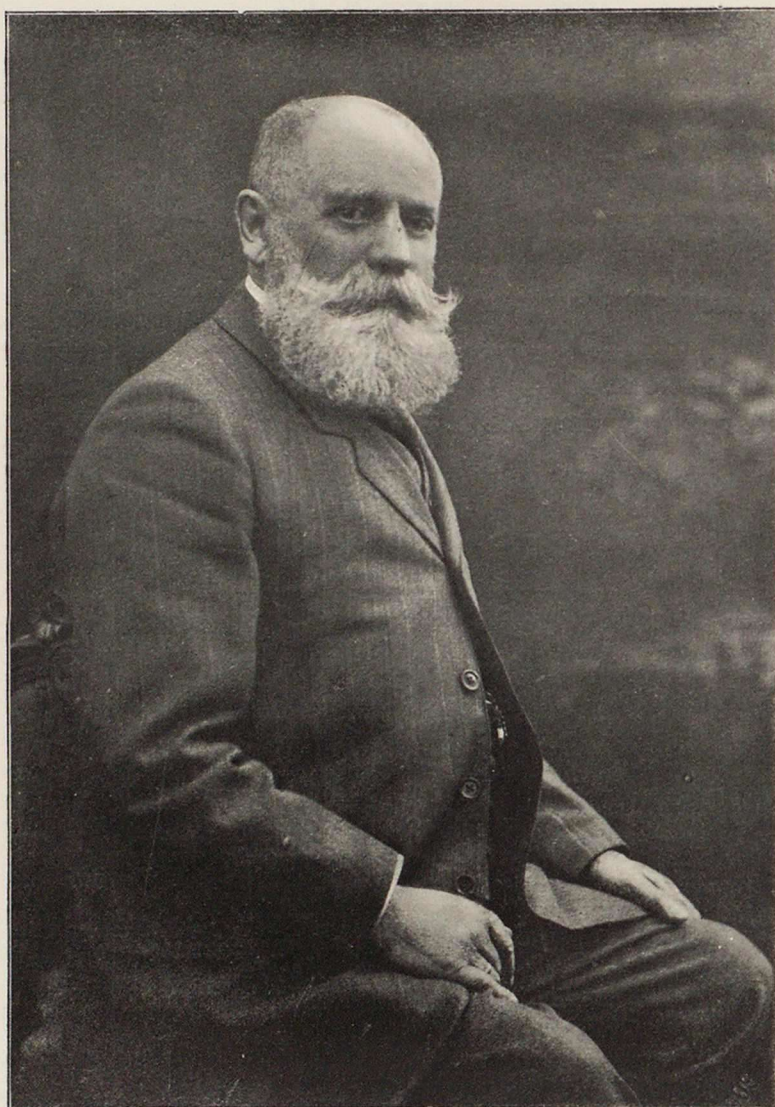

Старое фабричное зданіе Н. М. Бардыгина.
Внизу, на лѣвой сторонѣ, помѣщалась галандрія, въ правой—крутильня и сновальня.

Въ 1869 году появилось отдѣлочное производство, «галандрія», устроенная при домѣ, которою руководилъ мастеръ Петръ Елисѣевичъ

Набережная ул. въ Егорьевскѣ въ 1868 г., до большаго пожара. На переднемъ планѣ на лѣвой стор. ткацкая и красильня Н. М. Бардыгина, построенная имъ на усадьбѣ, купленной у діак. Мелихова.

Егоръ Егоровичъ Шлихтерманъ.

Волковъ, поступившій отъ «Сизихи», имѣвшей тогда галандрію въ Егорьевскѣ и отдѣлывавшей товаръ для всѣхъ егорьевскихъ фабрикантовъ.

Настойчивый трудъ и добросовѣстность Никифора Михайловича, пользовавшагося и раньше общимъ довѣріемъ, скоро создали ему прочное положеніе въ торговомъ мірѣ великорусскаго мануфактурнаго района. Это давало ему возможность пользоваться широкимъ кредитомъ и сильнѣе развивать дѣло. Первоначально его окредитовалъ егорьевскій фабрикантъ Василій Дмитріевичъ Клоповъ, который продавалъ ему пряжу на 12 мѣсяцевъ изъ 9½ %. Съ 1865 года ему открыли кредитъ бр. Хлудовы, у которыхъ онъ въ первый же годъ купилъ пряжи на 91,635 руб. Въ томъ же 1865 году ему открываютъ кредитъ Л. Кнопъ, Вогау и К°, Бр. Расторгуевы. Съ 1866 г. его кредитуютъ Павла Малютина С-я, Савва Морозовъ, Якунчиковъ; съ 1868 г. Л. Л. Рабенекъ, И. З. Морозовъ. Въ 1869 году ему дѣлаетъ первый учетъ на 14,788 руб. 18 коп. Московскій Купеческій Банкъ, а въ 1870 году открываютъ кредитъ: Государственный Банкъ, а также Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ; въ 1871 г. — Учетный Банкъ, Тверская М-ра, Бр. Воробьевы, К. Стукенъ и Егорьевскій Банкъ; въ 1872 г. Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ; въ 1873 г. Е. Е. Шлихтерманъ.

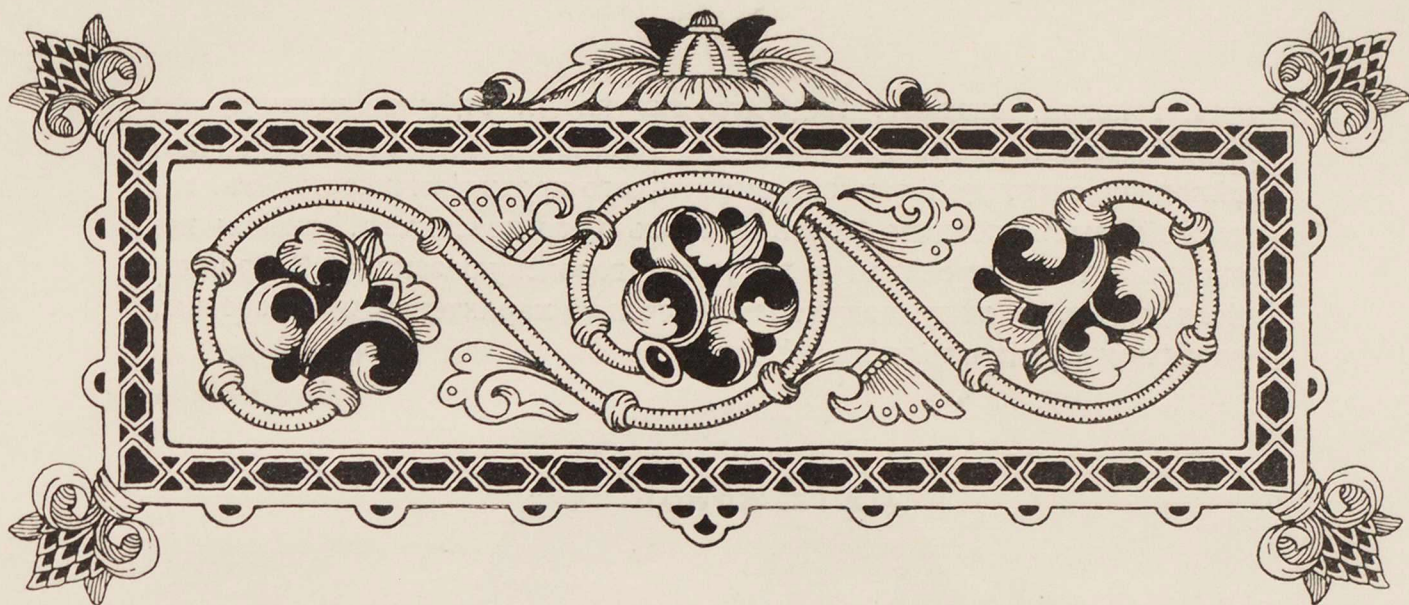
Приводимъ здѣсь самый ранній сохранившійся балансъ Никифора Михайловича, на 1-е апрѣля 1866 года, т.-е. всего чрезъ 9 лѣтъ послѣ основанія дѣла.

А К Т И В Ъ.

12,685 штукъ товара на сумму	132,337	рублей.
1,100 пудовъ пряжи	48,000	»
Должники на Украинѣ	76,000	»
Товары въ бакалейной и мучной лавкѣ	11,000	»
Должники по той же лавкѣ	1,800	»
Дрова.	1,500	»
Итого.	270,637	рублей.

П А С С И В Ъ.

Разнымъ лицамъ долженъ.	190,000	рублей.
Капиталъ въ оборотѣ	80,637	»
Итого.	270,637	рублей.

VII.

Д

а пути развитія своего дѣла Никифору Михайловичу приходилось преодолевать не мало и препятствій. Едва онъ завоевалъ довѣріе своего семейства и поставилъ дѣло на настоящую дорогу, какъ ему начали дѣлать затрудненія нѣкоторые егорьевскіе фабриканты изъ рядовъ вторыхъ поколѣній, которые съ недоброжелательствомъ смотрѣли на новаго конкурента хотя и съ маленькимъ, но, очевидно, живымъ и быстро развивающимся дѣломъ.

Такъ, желая подорвать его кредитъ, однажды донесли бр. Хлудовымъ, что Никифоръ Михайловичъ на ярмаркахъ на Украинѣ денегъ выручилъ очень мало, да и на тѣ на всѣ купилъ тамъ же разныхъ товаровъ для своей бакалейной лавочки, какъ, на примѣръ, цареградскихъ стручковъ и прочаго, а потому-де имъ въ уплату денегъ изъ ярмарки не привезетъ. Когда же Никифоръ Михайловичъ, возвратясь изъ Украины, немедленно, по обычаю, явился къ бр. Хлудовымъ и сполна уплатилъ имъ слѣдовавшія съ него деньги (въ то время всѣ расчеты съ ними велись въ Егорьевскѣ), то директоръ фабрики, англичанинъ Тома Христофоровичъ Отсонъ, неожиданно для Никифора Михайловича, спросилъ его: «а стручка купилъ?». Никифоръ Михайловичъ, который любилъ вспоминать этотъ забавный случай, отвѣчалъ, что и стручка и всякаго другого товару купилъ. Тогда Отсонъ, пока-

чавъ головой, сказалъ: «и долгъ платилъ и стручка купилъ—это очень карашо!» А въ 1865 году, въ цѣляхъ создать Никифору Михайловичу затрудненія и затормозить его предприимчивость, въ городской думѣ поднять былъ вопросъ о его красильнѣ, яко бы незаконно имъ построенной и портящей городскую землю. Сохранившіеся по этому дѣлу документы настолько характерны и интересны, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ.

Е. Х. Отсонъ.

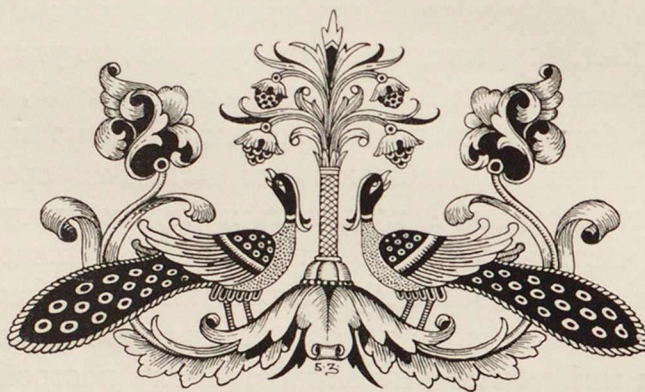
«1865 года марта 31 дня гласные Егорьевской Городской Думы Василій Сержутовъ и Яковъ Денисовъ подали въ Думу рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, доводили до ея свѣдѣнія о слѣдующемъ: «Егорьевскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ въ 1859 году взялъ въ арендное содержаніе городскую огородную землю шесть десятинъ собственно подъ огороды, на что и заключенъ былъ имъ, Бардыгинымъ, съ Думою контрактъ, гдѣ оный и хранится, съ дозволеніемъ выстроить на оной землѣ жилого покоя, съ пристроемъ для складки овощей; но какъ у него въ настоящее время постройка слишкомъ распространилась, съ красильнымъ заведеніемъ,

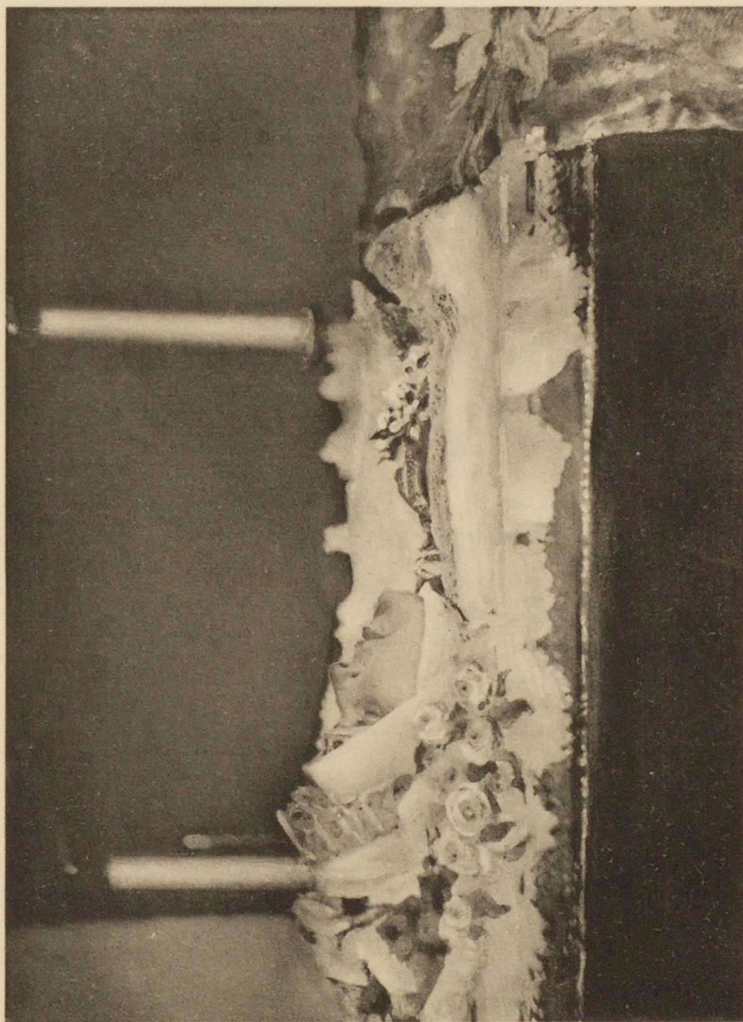
а слѣдовательно снята земля имъ болѣе для мануфактурнаго заведенія, нежели какъ для огорода, вопреки заключеннаго Бардыгинымъ контракта, безъ прибавки цѣны въ пользу города, хотя осталъная часть земли отъ застроеннаго имъ заведенія и отдается другимъ людямъ въ содержаніе подъ огороды, обработкою которыхъ самъ Бардыгинъ не занимается, находя выгоды отдавать въ другія руки. Имѣетъ ли онъ право вопреки заключенія контракта устроить мануфактурное заведеніе на огородной землѣ, которая отъ ядовитости красокъ, истекающихъ изъ онаго, можетъ портиться и не скоро послѣ придти въ нормальное положеніе? И получилъ ли на то дозволеніе отъ кого слѣдуетъ или нѣтъ? И какъ купеческій сынъ, не записавшись въ гильдію, арендуетъ и дѣлаетъ торговые обороты на собственное свое лицо съ 1859 года, не имѣя на то права, отчего казна и городской доходъ имѣетъ ущербъ». Запрошенный по сему рапорту чрезъ егорьевскаго полицейскаго надзирателя 2-го участка егорьевскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ отвѣчалъ: «Я снялъ городскую землю въ 12-лѣтнее содержаніе съ правомъ, по указу Губернскаго Правленія, возвести на оной землѣ жилыхъ строеній, сараевъ, навѣсовъ и прочаго безъ ограниченія, значить сколько и что для меня нужно, съ тѣмъ только, чтобы мнѣ по истеченіи срока означенное строеніе немедленно снести. А такъ какъ я для этой постройки избралъ изъ огорода ту часть земли, которая для посѣва овощей и прежнимъ арендаторомъ и мной по недоброкачественному своему грунту для плодовъ не была засѣваема, то я, дабы земля она не была бездоходною и не причиняла мнѣ убытку, и распространилъ постройку, вслѣдствіе чего и просилъ Губернское Правленіе объ открытіи въ оныхъ строеніяхъ красильнаго и сушильнаго заведеній, что мнѣ указомъ Губернскаго Правленія чрезъ Егорьевское Городское Правленіе разрѣшено и объявлено отъ 25-го сентября 1861 года, № 9568. Слѣдовательно я открылъ заведеніе не самовольно, а съ разрѣшенія высшаго начальства; что же касается до выраженія гласныхъ о порчѣ земли отъ ядовитости красокъ, то это несправедливо, ибо я стекъ красильныхъ выкрасокъ устроилъ не на землю, а прямо въ рѣчку Гуслянку, при которой вышеупомянутое заведеніе находится. Слѣдовательно отъ этого стека вреда быть землѣ не можетъ. 1865 года, мая 12 дня».

Обращаясь по сему предмету въ губернское правленіе, дума между прочимъ говорила: «торги были произведены на отдачу принадлежащей г. Егорьевску земли 6 десятинъ собственно подъ огороды, для посѣва разнаго рода овощей, а не подъ устройство красильнаго заведенія, — почему на оное явилось лицъ, желающихъ снять оную подъ

огороды, немного; а если бы торги производить на отдачу той земли подъ устройство красильнаго заведенія, какъ торговаго, требующаго мѣстности близъ воды, то тогда явились бы лица, болѣе нуждающіяся въ подобной землѣ, и наддали бы гораздо болѣе, чѣмъ Бардыгинъ».

Рязанское губернское правленіе 22 сентября 1865 года, № 9640, сославшись на указъ свой за № 9568 (о которомъ говорилъ и Никифоръ Михайловичъ самъ), увѣдомило думу, что «за сдѣланнымъ выше-означеннымъ указомъ Губернскаго Правленія распоряженіемъ, могутъ быть предпринимаемы мѣры къ извлеченію бѣльшихъ выгодъ для городской казны съ земли, находящейся въ арендномъ содержаніи купца Бардыгина, не иначе, какъ только по окончаніи срока настоящей его аренды».

Первая супруга Никифора Михайловича Бардыгина Евдокия Теофилактовна.

Старинная кладовая Н. М. Бардыгина.

VIII.

Д

о на ряду съ торговыми успѣхами вскорѣ послѣ перенесенія фабрики на новое мѣсто въ жизни Никифора Михайловича протянулась и цѣлая полоса невзгодъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ почти совершенно осиротѣлъ и кромѣ того потерпѣлъ отъ пожаровъ.

Въ 1866 г. 23 февраля скончалась горячо любимая имъ его мать, Гликерія Александровна, всего 52 лѣтъ отъ роду, и для него потеря эта была слишкомъ чувствительна. Затѣмъ домъ, гдѣ была лавка и гдѣ, уже наверху, онъ самъ жилъ съ семействомъ, сгорѣлъ. Начали строить новый домъ, вывели первый каменный этажъ и уже сложили на дворѣ лѣсъ для постройки верха, какъ вдругъ случился въ 1868 г. новый пожаръ, самый ужасный въ исторіи Егорьевска. Сгорѣла большая часть города; сгорѣли и надворныя постройки при строящемся домѣ Никифора Михайловича, обгорѣлъ даже сложенный на землѣ лѣсъ; сгорѣла и новая его фабрика. Правда, по существу фабричное дѣло его отъ этого не пострадало, ибо кладовая со всѣми запасами при домѣ осталась цѣла; когда послѣ пожара, бушевавшего цѣлыя сутки, Михаилъ Ѳеодоровичъ пробрался къ ней и, отперевъ ее, увидѣлъ,

Порфирій Никифоровичъ Бардыгинъ.

Марія Владиміровна Макарьєва.

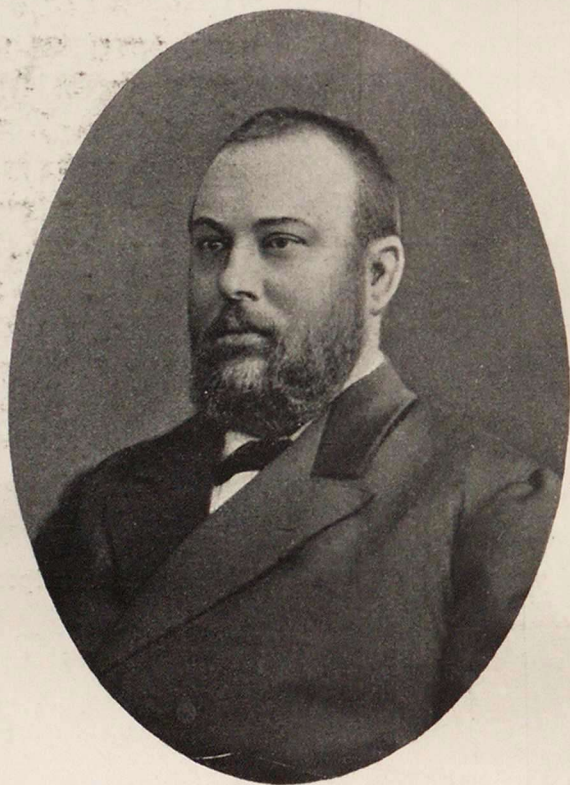
Д. Р. Востряковъ.

А. А. Найденовъ.

Германъ Осиповичъ Деккеръ.

Василій Оомичъ Ротвелль.

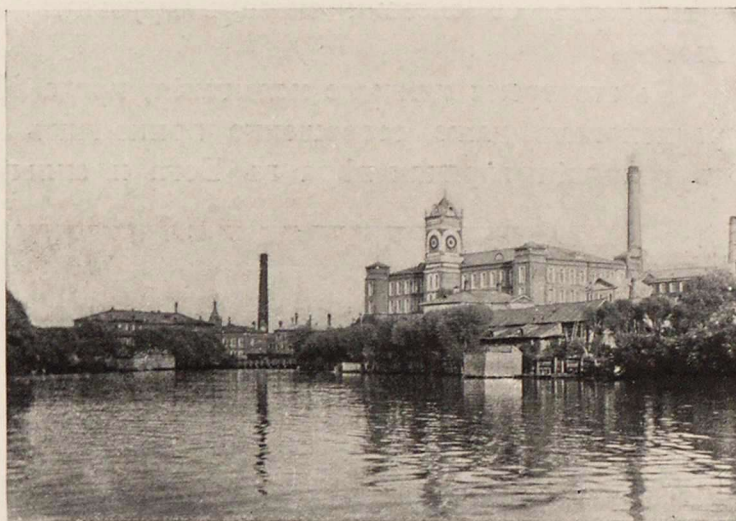
Никифоръ Михайловичъ и Марія Владиміровна Бардыгины
въ 1872 году.

что огонь ее совершенно не тронулъ, онъ перекрестился и сказалъ: «Слава Богу, мы цѣлы»⁵⁾.

Не успѣлъ Никифоръ Михайловичъ еще отстроиться, какъ въ томъ же 1868 году, 18 іюля, скончался его отецъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ (59 лѣтъ). Онъ скончался въ амбарѣ, въ которомъ послѣ пожара жило

все семейство, пока строили новый домъ. Въ слѣдующемъ году (28 декабря 1869 г.) умерла его бабушка, Авдотья Ивановна (87 лѣтъ),

а черезъ полтора года Никифора Михайловича (24 іюля 1871 г.) постигло особенно тяжелое горе: умеръ отъ холеры старшій его сынъ Порфирій, 13-ти лѣтъ, блестяще учившійся уже въ Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ въ Москвѣ, очень способный и подававшій большія надежды мальчикъ. Жена Никифора Михайловича, Авдотья Ѳеофилактовна, которая особенно любила этого своего сына, не могла перенести этой потери и 26 іюля, черезъ день послѣ сына, скончалась и сама, всего 35 лѣтъ отъ роду. Въ ней Никифоръ Михайловичъ лишился своей главной помощницы, вдохновительницы и горячо любимой подруги. Горе его было очень велико. Послѣ похоронъ, взявъ связку ключей по-

Егорьевскія фабрики, построенныя въ 1880 — 1885 годахъ.
Налѣво — самоткацкая Н. М. Бардыгина. Направо — прядильня бр. Хлудовыхъ.

Сергій Ивановичъ Щегляевъ.
Управляющій Ю. С. Нечаева - Мальцева.

койной, онъ со слезами сказалъ друзьямъ: «въ первый разъ беру ихъ».

Въ это время тяжкаго испытанія, когда Никифоръ Михайловичъ предполагалъ даже совершенно прикончить свое дѣло, его спасла отъ отчаянія горячая вѣра въ Бога и сильная, мужественная при-

Іосифъ Алексѣвичъ Никитинъ.

† 8 ноября 1905 г.

рода. Богъ послалъ ему утѣшеніе въ лицѣ второй его жены, Маріи Владиміровны (урожденной Макарьевой). Она стала для него ангеломъ-хранителемъ и какъ бы восприняла въ себя душу умершей. Она сумѣла оказать большое нравственное вліяніе на своего супруга и съ энергіей и успѣхомъ поддерживала его стремленія къ самоусовершенствованію.

Жизнь въ домѣ снова закипѣла и даже сильнѣе прежняго. Тутъ какъ-разъ словно сама судьба заставила Никифора Михайловича обнаружить свою предприимчивость и коммерческую смѣлость.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, за нѣсколько лѣтъ до Восточной войны, разразился въ Россіи промышленный кризисъ. Много фабрикан-

Кризис 70-х годов

Федоръ Сергѣевичъ Тарасовъ.

товъ пріостановили работы; нѣкоторыя фабрики закрылись вовсе. Пряжа не имѣла сбыта и цѣна ея упала. Въ это время Никифоръ Михайловичъ, кредитъ которому былъ вездѣ свободенъ, расширялъ свои покупки пряжи и раздачу работъ по деревнямъ. Этимъ онъ до известной степени избавлялъ окрестныхъ крестьянъ отъ безработицы и

объединя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличивалъ свое дѣло. Мѣстные жители удивленно покачивали головами, видя, какъ Бардыгинъ продолжалъ все болѣе вырабатывать товары на складъ въ кладовыя и «залѣзать» при этомъ въ долги. Недоброжелатели его даже злорадствовали. Но Никифоръ Михайловичъ оказался дальновиднѣе всѣхъ:

Николай Андреевичъ Ерофеевъ.

вскорѣ послѣ войны дѣла оживились, цѣна пряжи и товаровъ сильно поднялась и наготовленные имъ товары быстро разошлись и значительно его обогатили: онъ имѣлъ 300,000 капитала.

Прибыль эта воодушевила Никифора Михайловича основать механическо-ткацкое дѣло, о которомъ онъ уже давно мечталъ, и въ 1880 году онъ приступилъ къ постройкѣ самоткацкой фабрики. Въ

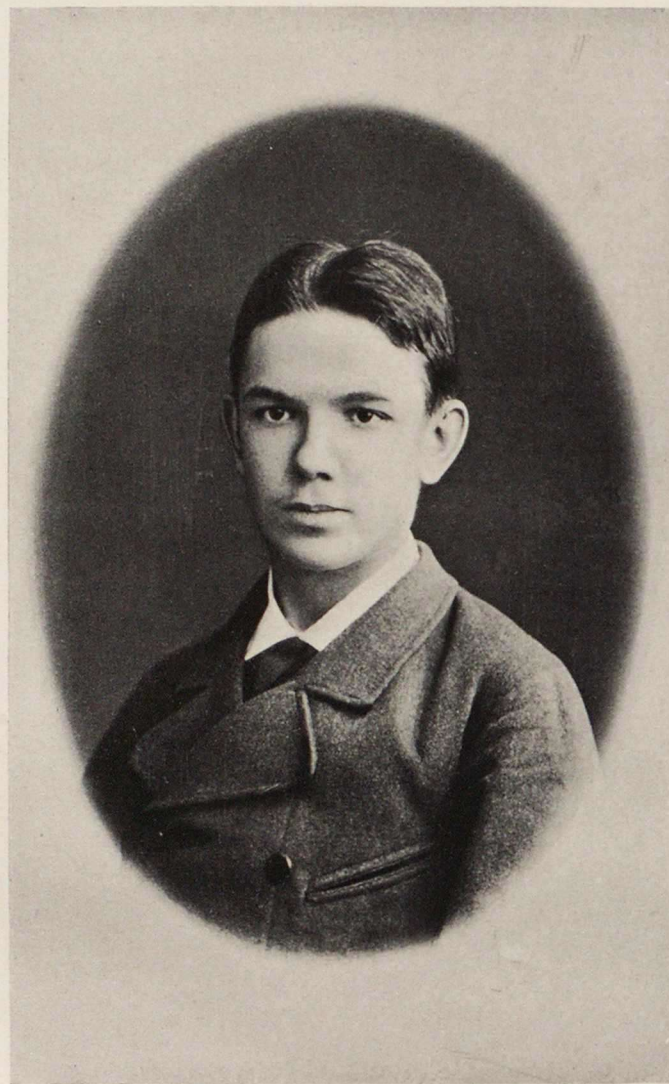
выпускъ машинъ ему содѣйствовали бр. Хлудовы. Завѣдующій ихъ ливерпульской конторой, Германъ Осиповичъ Деккеръ, велъ за Никифора Михайловича всѣ расчеты съ англійскими заводчиками, а директоръ ихъ егорьевской фабрики, Василій Ѳомичъ Ротвель, личный другъ Никифора Михайловича, былъ главнымъ руководителемъ

Николай Васильевичъ Смирновъ.
Товарно-красильный мастеръ.

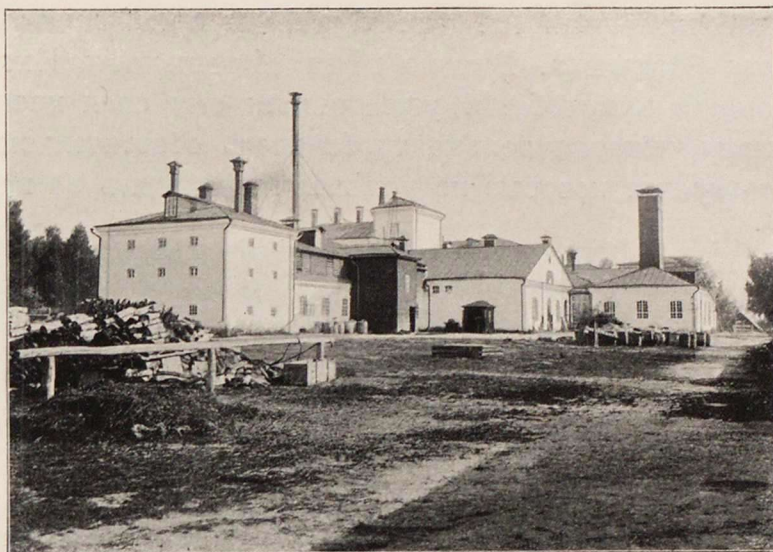
въ выборѣ машинъ и въ устройствѣ всей технической стороны дѣла. Завѣдующимъ новой фабрикой былъ назначенъ Іосифъ Алексѣевичъ Никитинъ, своякъ Никифора Михайловича, поступившій на службу къ нему съ 1875 года.

Не безъ затрудненій наладилось это дѣло. Во-первыхъ, на вы-

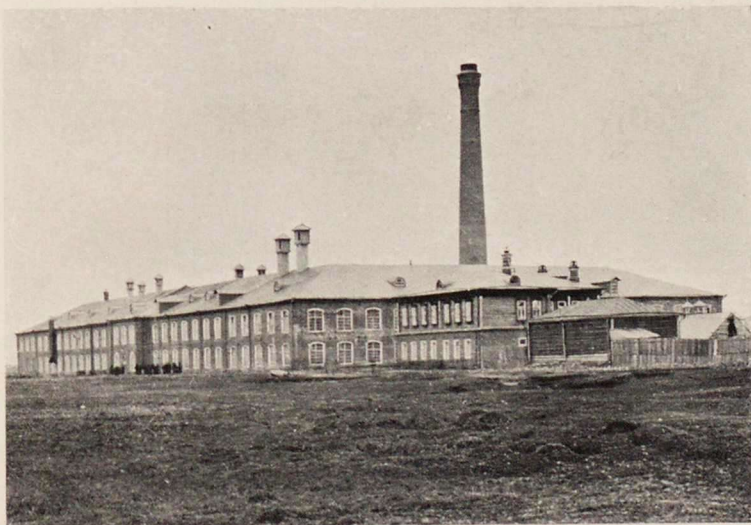
Михаиль Никифорович Бардыгинъ въ 1881 г.

писанныхъ станкахъ оказалось невыгоднымъ работать тѣ цвѣтные товары, которые работали на рукахъ и для которыхъ собственно и былъ выбранъ типъ станковъ; пришлось заправлять новые сорта, суровые, а это потребовало передѣлки большинства станковъ, число которыхъ было болѣе 300. Передѣлка ихъ

Городецкая фабрика Н. М. Бардыгина.

и заправка новыхъ суровыхъ тканей были произведены мастеромъ Оедоромъ Сергѣевичемъ Тарасовымъ, выученикомъ фабрики «Т-ва Викула Морозова», поступившимъ на службу къ Никифору Михайловичу въ 1882 году. Но перестройка эта, хотя и была необходима, сильно удорожила стоимость фабрики, и безъ того значительную для тогдашнихъ средствъ Никифора Михайловича. Притомъ же вырабатываемые суровые сорта приходилось отдавать въ крашеніе и набивку московскимъ отдѣльщикамъ, а они были неважны: въ товаръ выходило много брака, который, конечно, приходилось сбывать съ

Красильно-отдѣлочная фабрика Н. М. Бардыгина.

убыткомъ. Ко всему этому и общія торгoвыя обстоятельства опять ухудшились. Это было самое тяжелое время, которое когда-либо Никифору Михайловичу пришлось пережить въ его дѣлѣ. Выручили его крѣпкое здоровье, сильный характеръ, упорный трудъ и особенно добрыя от-

ношенія главныхъ кредиторовъ — бр. Хлудовыхъ и Ю. С. Нечаева - Мальцева. Высоко цѣня дѣятельность Никифора Михайловича, они безъ колебаній увеличивали ему свои кредиты до всей той полноты, которая только требовалась обстоятельствами. Для сбыта же товаровъ, которые не успѣвали проходить на прежнихъ рынкахъ, на-

Николай Герасимовичъ Петрашевъ.

чаты были чрезъ Ирбитскую ярмарку дѣла съ Сибирью; завѣдываніе этою отраслью было поручено Николаю Андреевичу Ерофееву, служившему у Никифора Михайловича съ 1872 года. Благодаря всему этому, Никифоръ Михайловичъ благополучно справился со всѣми невзгодами и уже въ 1882 году построилъ свою товарную красильню, чтобы выпускать готовый товаръ вполнѣ доброкачественный.

Здѣсь-то всецѣло проявилась особенная его система совершенствовать производство. Онъ все свое вниманіе обратилъ на достиженіе возможно лучшихъ результатовъ отъ крашенія. Необходимо было добиться, чтобы окраска одежныхъ тканей въ черный цвѣтъ не линяла отъ дождя и не выгорала отъ солнца. И вотъ Никифоръ Михайловичъ

Владиміръ Александровичъ Назаровъ.

совершенно не зная не только химіи, но даже и простыхъ ходячихъ рецептовъ, начинаетъ доходить самъ до всѣхъ деталей работъ, въ постоянныхъ разговорахъ со своимъ красильнымъ мастеромъ Николаемъ Васильевичемъ Смирновымъ подробно выясняетъ всѣ причины, почему что должно дѣлаться, и постепенно наводитъ того на различ-

ныя новыя комбинаціи, все болѣе и болѣе усовершенствовавшія дѣло. Результатъ оказался блестящій. Совмѣстными, послѣ длиннаго ряда опытовъ, усиліями былъ наконецъ выработанъ такой способъ окраски, благодаря которому товаръ выходилъ безусловно прочнымъ.

Выработка и примѣненіе этого способа было крупнымъ событіемъ въ дѣлѣ Никифора Михайловича, которое затѣмъ и развилось главнымъ образомъ благодаря этому обстоятельству. Замѣчательное качество товара сразу создало ему большую извѣстность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и большой, постоянно увеличивавшійся сбытъ.

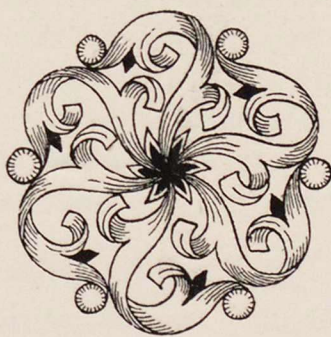
Козьма Антоновичъ Долговъ.
Мастеръ по подготовкѣ товаровъ.

Въ 1883 г. въ дѣло вступилъ сынъ Никифора Михайловича, Михаилъ Никифоровичъ, который подъ энергичнымъ руководствомъ отца началъ входить во всѣ стороны фабричнаго производства и торговли. Въ 1885 г. они уже имѣли свое печатное отдѣленіе, а въ 1889 г. построили специальную красильню для пунцоваго товара и пунцовой пряжи въ Городцѣ, на которую завѣдующимъ былъ назначенъ Николай Герасимовичъ Петрашевъ.

Съ возрастаніемъ спроса на бардыгинскіе товары росли и размѣры

красильнаго и печатнаго ихъ производства; перерабатывалось уже не только суровье своей ткацкой фабрики, но и покупное съ постороннихъ фабрикъ. Это повело къ постройкѣ въ 1894 г. новой большой красильной, печатной и отдѣлочной фабрики, на отдѣльномъ мѣстѣ, куда и были вынесены со старой всѣ красильныя, печатныя и отдѣлочныя отдѣленія. Завѣдующимъ этой фабрикой былъ приглашенъ въ 1896 году Владиміръ Александровичъ Назаровъ. Наконецъ самоткацкая фабрика была въ 1897 году расширена до 1000 станковъ.

Никифоръ Михайловичъ былъ первый изъ фабрикантовъ, стремившійся къ тому, чтобы продавать товары не скупщикамъ и посредникамъ, а по возможности непосредственно розничнымъ торговцамъ. Это повело къ необходимости постепенно открывать собственные торговые отдѣлы, кромѣ Москвы, въ Харьковѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Томскѣ и Петропавловскѣ, а также посылать товары на 12 ярмарокъ: Нижегородскую, Каменскую, Урюпинскую-Покровскую, Мензелинскую, Урюпинскую-Крещенскую, Симбирскую, Ирбитскую, Криворожскую, Тюменскую, Атбассарскую, Куяндинскую и Крестовскую. Впослѣдствіи примѣръ Н. М. Бардыгина вызвалъ подражаніе, и уже теперь очень многія крупныя мануфактуры имѣютъ свои постоянные склады въ наиболѣе значительныхъ городахъ Россійской имперіи. Въ связи съ системой мѣстныхъ коммивояжеровъ эта форма торговли, повидимому, надолго будетъ доминирующей, по крайней мѣрѣ у фабрикантовъ-мануфактуристовъ.

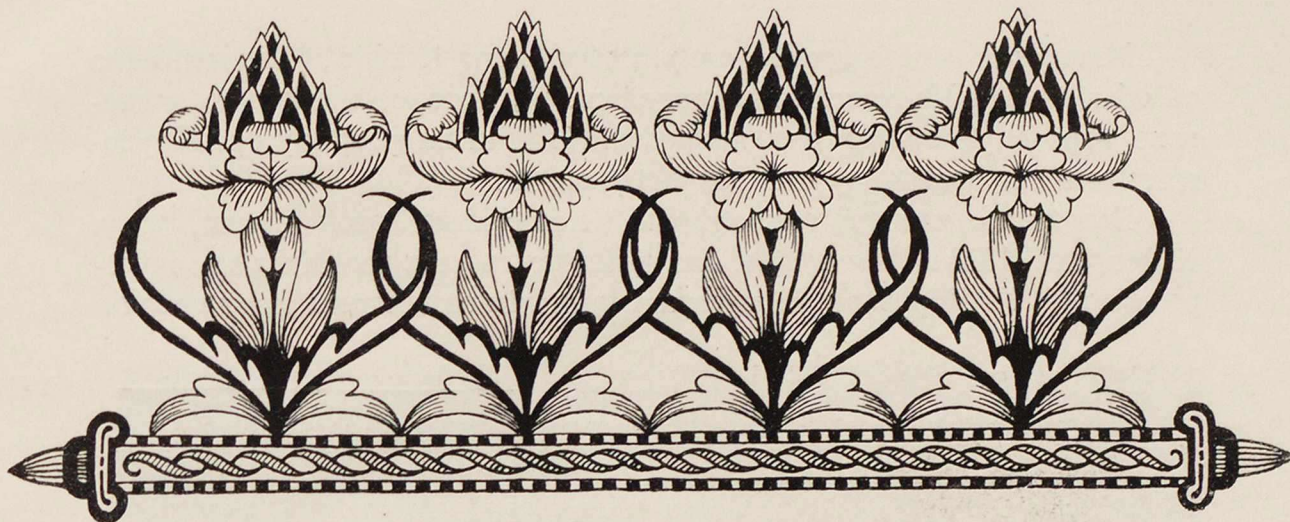
IX.

Лакъ развивалось дѣло и слагалась личная жизнь Никифора Михайловича. Изъ мелкаго булочника онъ сумѣлъ сдѣлаться крупнымъ фабрикантомъ, ни на минуту не сходя съ безукоризненнаго честнаго пути. Можно сказать, не онъ искалъ богатства, а богатство шло къ нему, давая ему возможность проявить свои основныя душевныя свойства, укрѣпленныя доброй семейной атмосферой.

Главными семейными традиціями въ домъ были церковность и широкая благотворительность. Мать Никифора Михайловича, Гликерія Александровна, говаривала, что въ молитвѣ за дѣтей она просила у Бога для нихъ только одного: чтобы они были благочестивы. Часто видали, какъ въ темныя вечера она, заперевъ свою лавочку, выносила оттуда цѣлый мѣшокъ всякихъ припасовъ, взваливала его на спину и относила

куда-нибудь въ закоулокъ къ бѣдной семьѣ. Отецъ Никифора Михайловича, Михаилъ Ѳедоровичъ, неукоснительно вставалъ совершать полунощницы. Къ нему всегда приходили погорѣльцы изъ разныхъ деревень, и онъ помогалъ имъ, чѣмъ могъ, даже когда самъ жилъ въ бѣдности, едва перебиваясь хлѣбной и бакалейной лавкой. Все это, входя въ ежедневный обиходъ семьи, неизгладимо ложилось на молодую душу и воспитывало ее въ евангельскихъ завѣтахъ любви къ ближнему и честнаго труда. Только изъ такой школы и могъ выйти тотъ прочный и прямой характеръ, который затѣмъ пошелъ въ жизни безошибочно вѣрнымъ путемъ и снискалъ всеобщее уваженіе и довѣріе. Это довѣріе было настолько велико, что, несмотря на скромные еще тогда обороты Никифора Михайловича, со введеніемъ въ дѣйствіе новаго городского положенія въ 1872 году, его выбрали первымъ городскимъ головою города Егорьевска. Было не мало богатыхъ купеческихъ семействъ, среди которыхъ можно было найти подходящихъ кандидатовъ въ городскіе головы. Эта купеческая аристократія продолжала смотрѣть на Никифора Михайловича все съ тѣмъ же недоброжелательствомъ, съ которымъ когда-то старались затормозить его молодое промышленное дѣло. Выбрали же Никифора Михайловича большинство жителей средняго и малаго достатка, которые видѣли въ немъ настоящаго мірскаго человѣка, справедливаго, независимаго и внимательнаго къ нуждамъ бѣдныхъ людей. Говорили про него: «онъ самъ нужду видѣлъ и самъ въ люди вышелъ». Во мнѣніи горожанъ эти качества служили порукой за то, что Никифоръ Михайловичъ поведетъ и дѣла города такъ же хорошо, какъ свои собственныя. И это довѣріе, оказанное ему горожанами именно въ это время, Никифоръ Михайловичъ всегда особенно глубоко цѣнилъ.

Съ этихъ поръ Никифоръ Михайловичъ выступаетъ на поприщѣ общественной дѣятельности, сначала въ должности городского головы, а затѣмъ и въ другихъ должностяхъ по общественному избранію: въ церкви, городѣ и земствѣ.

Х.

было уже сказано, что Никифоръ Михайловичъ принялъ городское хозяйство совершенно разстроеннымъ. Прилегающія къ городу выгонныя земли, лѣсныя дачи и пр. расхищаль каждый, кто хотѣлъ, и городъ не получалъ съ нихъ почти никакого дохода; не имѣлось даже точныхъ плановъ этихъ владѣній. Городскіе доходы почти цѣликомъ состояли изъ налоговъ (всегда болѣе или менѣе обременительныхъ), далеко не покрывавшихъ расходовъ даже на самыя существенныя нужды; недоимки и дефициты переходили изъ года въ годъ и ни о какихъ серьезныхъ общепользыхъ начинаніяхъ не могло быть и рѣчи.

Никифоръ Михайловичъ обратилъ вниманіе прежде всего на земельныя имущества, какъ могущія создать крупный источникъ дохода. Кромѣ пустошей подъ лѣсомъ и лугами въ окрестностяхъ, много было городской земли и на краю самого города, захваченной даромъ или не приносившей дохода. Съ этихъ-то мѣстъ и началъ Никифоръ Михайловичъ. Тутъ, когда онъ выступилъ на защиту городского достоянія, ему сразу пришлось повести борьбу съ разными учрежденіями и лицами, а особенно съ его личными главнѣйшими кредиторами.

Между прочимъ, крупное, тянувшееся около 10 лѣтъ, дѣло возникло съ обществомъ Московско-Рязанской ж. д., которое незаконно захватило городскую землю для проведенія вѣтки на фабрику бр. Хлудовыхъ и подъ постройку станціи Егорьевскъ.

Выяснивъ черезъ землеѣровъ количество этой земли, дума 15 февраля 1873 года постановила пригласить для веденія дѣла повѣреннаго К. И. Порозова, съ которымъ условія заключены были доволь-

Коломенская дорога въ городскомъ лѣсу «Самгино».

но внушительныя: онъ долженъ былъ вести все дѣло на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы послѣ его выигрыша взысканная сумма была раздѣлена пополамъ; въ случаѣ же проигрыша онъ не получалъ ничего. Черезъ нѣсколько лѣтъ разныхъ проволочекъ выяснилось, что дѣло клонится въ пользу города и желѣзнодорожныя сооруженія придется снести. Тогда правленіе фабрики бр. Хлудовыхъ обратилось къ городу съ предложеніемъ продать товариществу какъ арендуемую у города землю подъ ихъ фабриками, такъ равно и занятую вѣткой желѣзной дороги съ тѣмъ, чтобы городъ затѣмъ отъ претензій къ обществу

желѣзной дороги отказался. Дума согласилась, и по ея постановленію отъ 17 февраля было рѣшено продать землю бр. Хлудовымъ въ количествѣ 23 десятинъ за 50,000 руб., на чемъ и закончилось это дѣло, одно время сильно обострившее отношенія между Никифоромъ Михайловичемъ и бр. Хлудовыми.

Еще болѣе крупное дѣло, по пустоши Самгино, тянувшееся въ судѣ съ 1818 года, было также удачно закончено Никифоромъ Михайло-

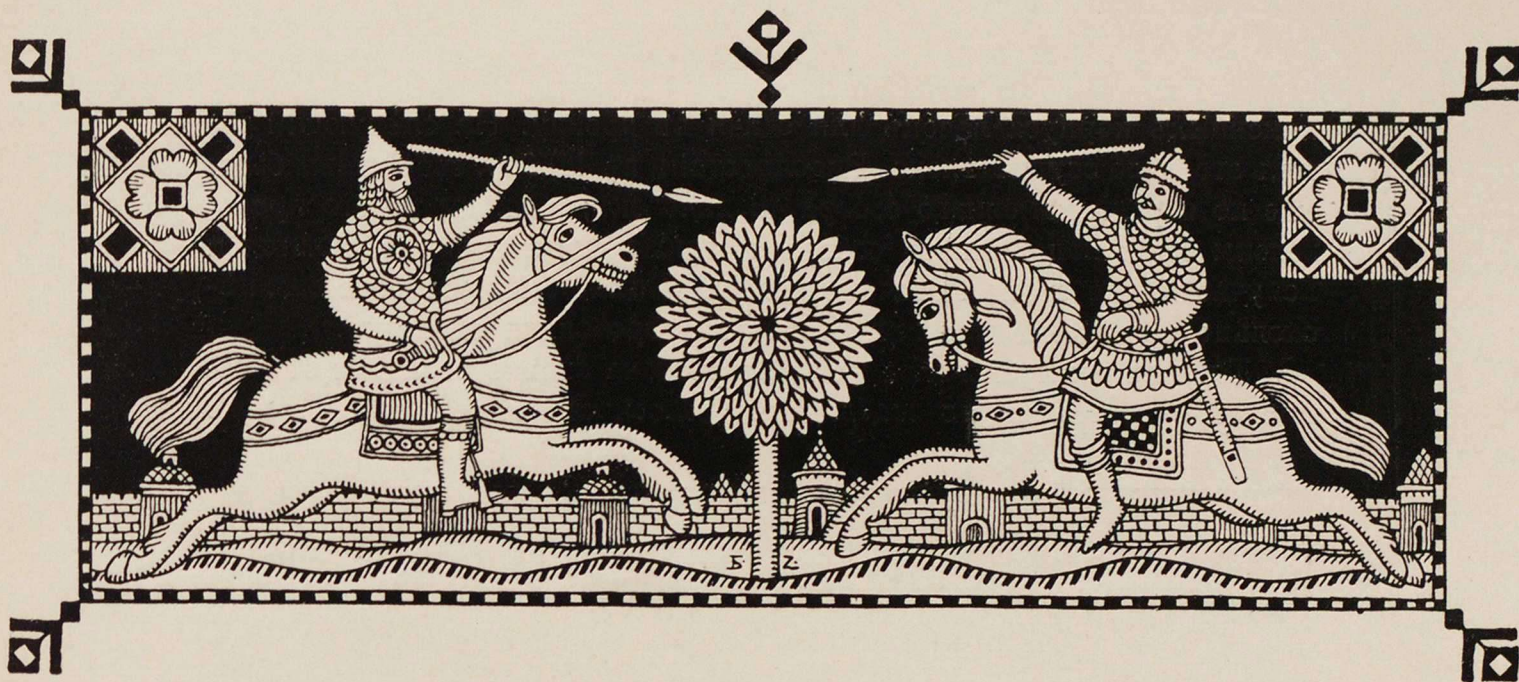

Дачи горожанъ въ городскомъ лѣсу «Самгино».

вичемъ. Эта самая обширная городская пустошь находилась въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи городского общества, крестьянъ дер. Русанцевой и купца В. Д. Клопова. Возникали всевозможныя пререканія и городу почти невозможно было пользоваться землей. Никифоръ Михайловичъ поднялъ вопросъ объ упорядоченіи такого положенія дѣлъ; черезъ того же повѣреннаго возбуждено было судебное дѣло и въ 1888 году по полюбовному размежеванію составленъ былъ планъ и полюбовная сказка, утвержденная рязанскимъ окружнымъ судомъ, послѣ чего во владѣніи города оказалось 466 десятинъ 1800 кв. саж. подъ лѣсомъ и лугами.

Почти въ такомъ же положеніи, какъ Самгино, были и другія пустоши города. Вездѣ приходилось вновь размежевываться съ другими владѣльцами, такъ какъ планы, составленные въ 1812 г., не сходились съ дѣйствительными городскими владѣніями. На всѣ пустоши были составлены новые планы, и послѣ возстановленія границъ городъ оказался владѣльцемъ цѣнныхъ угодій въ 8-ми пустошахъ, всего 982 десятины, стоимостью до 300,000 р.

XI.

Уакрѣпивъ такимъ образомъ за городомъ его земельныя имущества и упорядочивъ ихъ доходность, Никифоръ Михайловичъ съ первыхъ же лѣтъ своего управленія городомъ значительно поднялъ и другіе его доходы. При его вступленіи въ должность головы, эти доходы едва достигали 10,000 рублей. Въ 1876 г., т.-е. въ концѣ перваго же четырехлѣтія, они возросли почти въ десять разъ, дойдя до 96,937 руб. Эти цифры говорятъ сами за себя.

Теперь въ рукахъ Никифора Михайловича были уже нѣкоторыя средства, чтобы оправдать расходы на дѣла самыя важныя, отъ которыхъ зависитъ все благоустройство города. Необходимо было упорядочить торговлю, защититься отъ пожаровъ, улучшить санитарное состояніе Егорьевска. И вотъ съ перваго же года управленія Никифора Михайловича начинается непрерывный рядъ городскихъ сооруженій.

Базарная торговля велась раньше кое-какъ, въ передвижныхъ деревянныхъ лавочкахъ на Соборной площади, которыя также были разбросаны и въ другихъ мѣстахъ города. 17 ноября 1872 г. Никифоръ Михайловичъ предложилъ думѣ построить на Соборной площади два

каменныхъ корпуса лавокъ для сдачи въ аренду. На слѣдующій же годъ это было осуществлено. Впослѣдствіи, въ 1876 г., сооружены были еще по оградѣ каменнаго собора 46 лавочекъ; расходы на это произведены были пополамъ съ соборомъ; также пополамъ раздѣляется и получаемый съ этихъ лавочекъ доходъ. Позже было устроено еще нѣсколько помѣщеній для магазиновъ въ городскихъ зданіяхъ.

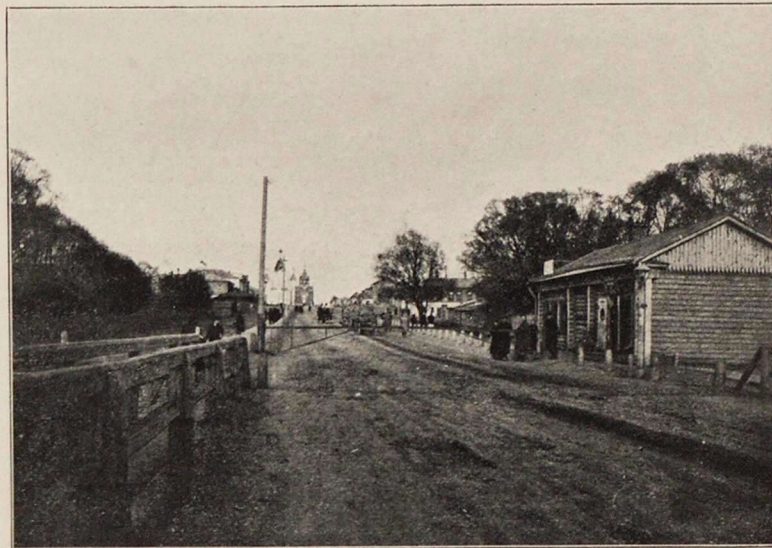
Торговля и промышленность Егорьевска сильно страдали отъ совершенно невозможнаго сообщенія съ своей станціей, затруднявшаго

Корпуса лавокъ.

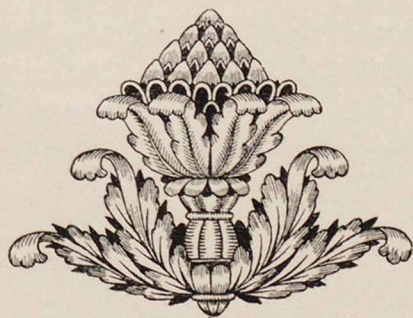
и доставку и отправленіе товаровъ и проѣздъ пассажировъ, ибо дорога по обѣ стороны переѣзда черезъ рѣку не только весною и осенью обращалась въ топкую грязь, но и лѣтомъ нерѣдко затрудняла перевозку тяжестей. 29 сентября 1872 г. Никифоръ Михайловичъ поднялъ въ думѣ вопросъ объ устройствѣ къ станціи мощенаго подъѣздного пути. Для этого нужно было соорудить новый мостъ черезъ рѣчку, сдѣлать насыпь и устроить шоссе, что и было исполнено. Для покрытія сдѣланной на это затраты былъ установленъ сборъ за проѣздъ по новому шоссе съ cadaго груженаго воза по 2 копѣйки.

Затѣмъ естественно было уже позаботиться объ устройствѣ мостовыхъ въ городѣ, о которыхъ до того помину не было: грязь повсюду была невылазная. Особенно чувствовалась эта бѣда на площадяхъ въ базарные дни, а осенью по городу мѣстами были почти непроходимыя болота, какъ, на примѣръ, на Сѣнной площади. Устройство мостовыхъ въ управленіе Никифора Михайловича шло непрерывно въ широкихъ размѣрахъ. Ежегодно мостовыя удлинялись, ремонтировались, а временами прокладывались вновь сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда постановленій думы.

Шоссе къ вокзалу.

Съ 30 ноября 1875 года поднимается вопросъ объ устройствѣ уличнаго освѣщенія, котораго также не существовало. По ночамъ городъ погружался въ полную тьму. Такъ какъ нужда въ освѣщеніи была велика, то сѣть фонарей расширялась безостановочно и быстро. Такъ, когда жители Огородной улицы просили поставить имъ хоть одинъ фонарь, у нихъ поставленъ былъ 31.

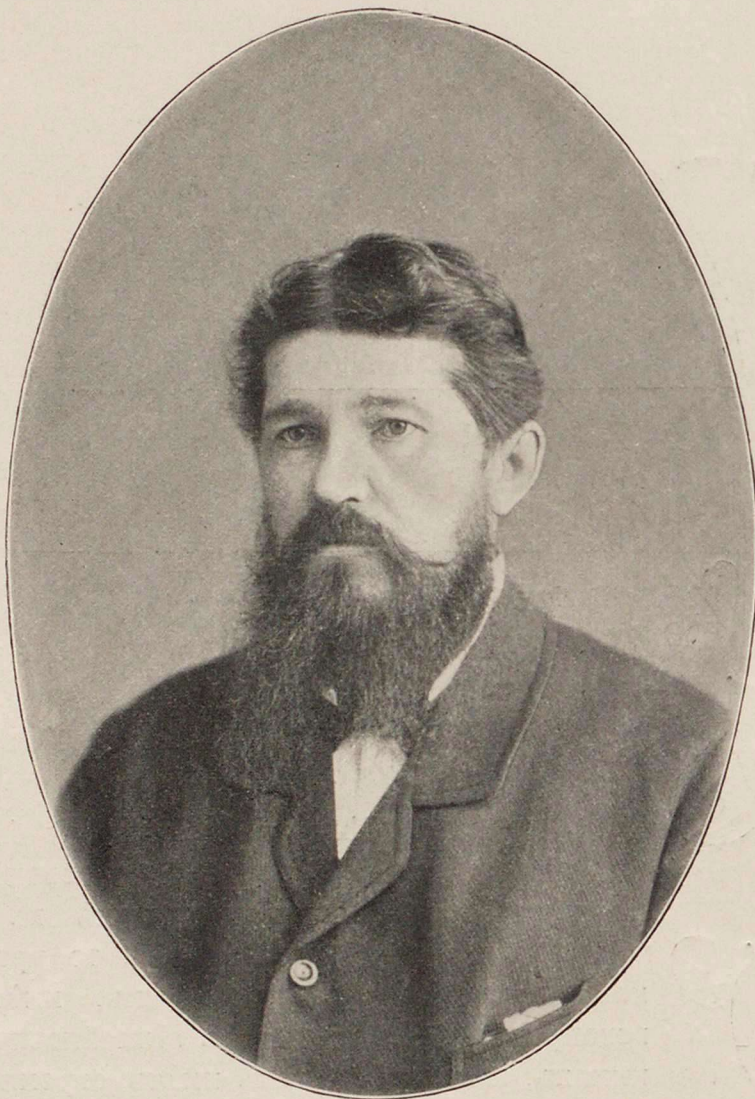

Первый Общественный «Бардыгинскій» садъ.

XII.

Самымъ крупнымъ дѣломъ по внѣшнему благоустройству города было сооруженіе водопровода, который Никифоръ Михайловичъ задумалъ въ первое-же четырехлѣтіе своей службы. Въ то время едва-ли какіе города, кромѣ столичныхъ, имѣли у себя водопроводы. Но Никифоръ Михайловичъ ясно понималъ, какое это будетъ имѣть огромное значеніе и для здоровья жителей, и для защиты ихъ имущества отъ пожаровъ. Кромѣ того, это полагало предѣлъ эксплуатаціи трактирщиками тѣхъ жителей, которые, не имѣя своихъ колодцевъ, были вынуждены брать воду у нихъ за плату. 17 февраля 1875 г. былъ впервые возбужденъ въ Думѣ вопросъ о водопроводѣ; въ докладѣ, составленномъ по порученію Никифора Михайловича, были приведены всѣ доводы, какіе только можно было выставить, до экономическихъ выгодъ въ расходѣ чая, мыла при

стиркѣ и т. п. включительно. Никифоръ Михайловичъ понималъ нерѣшительность горожанъ, не привыкшихъ еще къ расходамъ на такія крупныя сооруженія. Дума постановила составить проектъ и смѣту и представить подробныя соображенія. 19 ноября все это было управой представлено, и дума опредѣлила: построить водокачку, глав-

Осипъ Кондратьевичъ Князевъ.

ный резервуаръ и бассейны на трехъ центральныхъ площадяхъ, съ употребленіемъ на это изъ городскихъ суммъ до 25,000 руб. Никифоръ Михайловичъ предложилъ еще обратиться къ частнымъ пожертвованіямъ, и тутъ-же по подпискѣ было собрано 7607 руб., въ числѣ которыхъ 5000 рублей подписалъ онъ самъ. 28 ноября постановленіе

думы было уже утверждено губернаторомъ. Въ томъ-же году выхлопотано было разрѣшеніе на безошлинный ввозъ машинъ и пріобрѣтены были котель, паровая машина и насосы, дававшіе 4000 ведеръ воды въ часъ. На рѣкѣ Гусянкѣ, выше города, устроенъ былъ прудъ и на берегу его каменное зданіе для машинъ. Всѣ постройки велись безъ всякихъ

Иванъ Семеновичъ Карцовъ.

подрядовъ, хозяйственнымъ способомъ, и въ этомъ дѣлѣ огромную помощь оказали Никифору Михайловичу: фабрикантъ Осипъ Кондратьевичъ Князевъ своими энергичными трудами по надзору за технической частью, которую онъ хорошо зналъ, и Иванъ Семеновичъ Карцовъ,

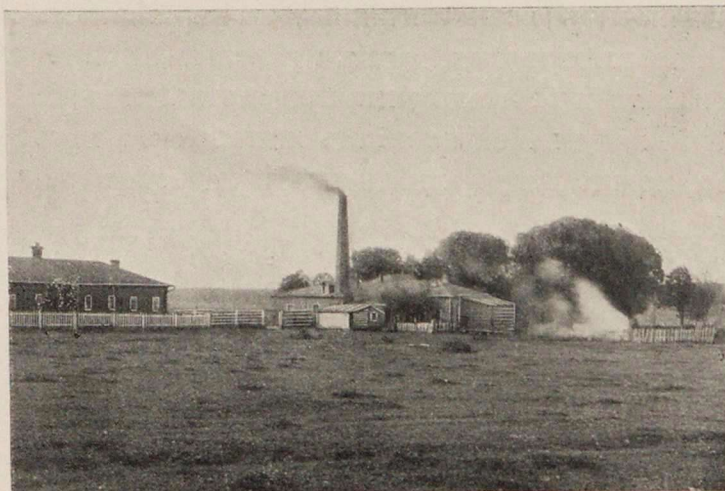
Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ въ 1875 г.

котораго Никифоръ Михайловичъ всегда цѣнилъ, какъ вѣрнаго и трудолюбиваго помощника по должности товарища головы. Въ 1877 г. водопроводъ уже былъ успѣшно и благополучно пущенъ въ ходъ. Немедленно начали проводить воду по заявленіямъ жителей на прочія улицы города и скоро ее можно было имѣть почти на всѣхъ перекресткахъ.

Николай Саввичъ Абаза.

Первоначальное пожертвованіе Никифора Михайловича въ 5000 рублей было только нѣкоторою официальною долею того, что имъ было лично израсходовано при постройкѣ. Во всѣхъ городскихъ сооруженіяхъ всегда находился во главѣ строительной комиссіи; пользуясь

Городская водокачка.

увѣренности, что это его «самоуправство» окажется городу только выгоднымъ. Случалось, что когда у города не оказывалось наличныхъ средствъ на какое-либо предпріятіе, задуманное Никифоровъ Михайловичемъ, онъ кредитовалъ городъ самъ, предоставляя возвращать ему деньги по мѣрѣ возможности, не связывая сроками и не начисляя процентовъ. Возвращалось, конечно, не все; остальное считалось пожертвованнымъ.

этимъ, онъ строилъ по своему усмотрѣнію, всегда гораздо шире, чѣмъ было положено въ думѣ, и обыкновенно перерасходъ уплачивалъ изъ своихъ средствъ. Всѣ знали это свойство его и потому, обыкновенно, никто не вмѣшивался въ его распоряженія, въ полной

Одинъ изъ бассейновъ на площади.

Видъ изъ кабинета Н. М. Бардыгина.

Впослѣдствіи водопроводное дѣло было еще усовершенствовано. Такъ какъ вода въ прудѣ часто загрязнялась, то Никифоръ Михайловичъ на свой счетъ устроилъ возлѣ пруда 5 артезианск. скважинъ. Изъ одной

Пожарное депо.

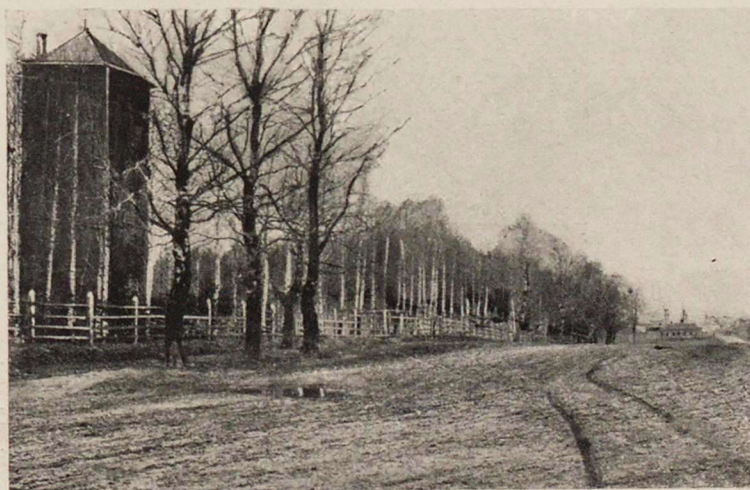

Въ городскомъ Бардыгинскомъ саду.

изъ нихъ, глубиною въ 45 саж., и подается теперь вода въ городъ; остальные—11-саженныя—остаются въ запасъ на случай ремонта главнаго источника. Пренныя машины уже не могли подавать воду изъ такихъ глубокихъ колодезь; поэтому былъ

установленъ воздушный элеваторъ системы «Мамутъ», подающій въ часъ 8000 ведеръ, а пренныя машины съ прудомъ остались резервными на случай какихъ-либо поломокъ въ дѣйствующей системѣ.

Серьезное вниманіе обращалъ Никифоръ Михайло-

Водонапорная башня. Нескучный садъ.

вичъ на защиту города отъ пожаровъ. Мы уже видѣли, что еще его отецъ особенно близко принималъ къ сердцу положеніе погорѣльцевъ. Эта черта была унаслѣдована и сыномъ. На каждый возникавшій въ городѣ пожаръ, во всякое время дня и ночи, Никифоръ Михайловичъ

Егорьевскій исправникъ Евгеній Яковлевичъ Арбузовъ.

пріѣзжалъ первый и самъ распоряжался тушеніемъ. Пострадавшіе отъ пожара бѣдные горожане всегда находили въ его лицѣ своего защитника. Онъ всегда умѣлъ своимъ хозяйственнымъ взглядомъ отыскать у города источникъ для денежной или натуральной имъ помощи. Какъ образчикъ этихъ заботъ, приведемъ постановленіе думы 6 іюня

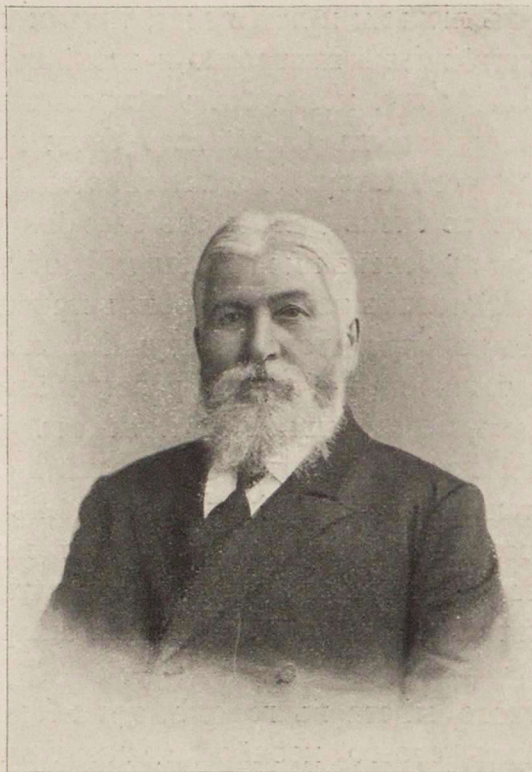
1873 года, которымъ бесплатно отпущено погорѣльцамъ (пострадавшимъ отъ пожаровъ съ 27 на 28 мая) десять десятинъ городского лѣса въ пустоши «Мастищи». Лѣсъ отпущенъ былъ не только съ правомъ рубки для построекъ, но даже съ правомъ продавать часть его, въ случаѣ нужды въ деньгахъ. А для исполненія этого постановленія была наряжена комиссія изъ самихъ погорѣльцевъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ управы.

Заботами Никифора Михайловича была усилена городская пожарная команда какъ людьми и лошадьми, такъ и необходимымъ инвентаремъ. Впослѣдствіи было выстроено и специальное зданіе для пожарнаго депо. Въ 1877 году, когда былъ устроенъ и пущенъ въ ходъ водопроводъ, на центральныхъ бассейнахъ были придѣланы пожарные краны и рукава, чрезъ которые вода могла подаваться на мѣсто пожара, если оно было не очень далеко отъ бассейновъ, напоромъ изъ ихъ баковъ, не требуя ни бочекъ ни насосовъ. На обѣихъ своихъ фабрикахъ Никифоръ Михайловичъ также устроилъ приспособленія для подачи изъ фабричныхъ водопроводовъ въ случаѣ пожара воды въ бочки пожарнаго обоза, а также на небольшія разстоянія и рукавами. Благодаря этимъ мѣрамъ и всегдашней помощи отъ фабрики бр. Хлудовыхъ, обладающей первокласснымъ пожарнымъ обозомъ до паровой помпы включительно, городъ былъ поставленъ въ отношеніи быстроты борьбы съ возникающими пожарами такъ высоко, что страховые общества перевели его въ одинъ изъ высшихъ классовъ, что дало горожанамъ навсегда большія сбереженія на расходахъ по страхованію.

Не было ни одного мѣста въ городѣ, куда-бы Никифоръ Михайловичъ не направлялъ своего хозяйственнаго ока. Неподалеку отъ кладбища была площадь, постоянно заваливаемая мусоромъ. Никифоръ Михайловичъ предложилъ устроить здѣсь садъ, на который 19 ноября 1875 года и было городомъ отпущено 200 рублей. Мѣсто было огорожено и сдѣланы посадки. Впослѣдствіи, въ 1897 году, въ ознаменованіе 25-лѣтія службы Никифора Михайловича въ должности головы, садъ этотъ былъ названъ «Бардыгинскимъ». 23 сентября 1879 года постановлено огородить и другое мѣсто у главнаго водопроводнаго бассейна, гдѣ образовалась самосѣвомъ отъ деревьевъ большой дороги роща подъ названіемъ «Нескучный садъ».

Должно отмѣтить, что первый садъ былъ разбитъ по плану тогдашняго рязанскаго губернатора Н. С. Абазы, который весьма сочувственно и съ особеннымъ довѣріемъ относился ко всей дѣятельности Никифора Михайловича. Въ свою очередь Никифоръ Михай-

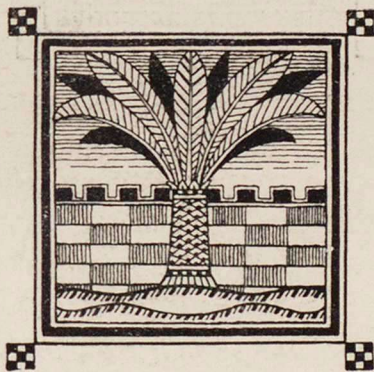
ловичъ особенно тепло вспоминалъ этого симпатичнѣйшаго дѣятеля эпохи Царя-Освободителя и то время, когда дѣйствовало городское положеніе Императора Александра II. Тогда со стороны представителей власти не встрѣчалось никакихъ препятствій начинаніямъ города въ его благоустройствѣ. Въ Петербургѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ говорилъ Никифору Михайловичу: «дѣлайте все, что городу надо, какъ знаете; не входите только въ долги».

И. Д. Денисовъ.

Въ самомъ-же Егорьевскѣ Никифоръ Михайловичъ встрѣчалъ всегда самую дѣятельную помощь со стороны тогдашняго уѣзднаго исправника Евгенія Яковлевича Арбузова, съ которымъ Никифоръ Михайловичъ былъ въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ. Однако слѣдуетъ указать, что прочныя, добрыя отношенія установились между ними лишь послѣ крупнаго недоразумѣнія, которое имѣло характеръ столкновенія стараго порядка вещей съ новымъ и которое поэтому привлекло на себя тогда даже вниманіе печати. Случилось такъ что на одномъ пожарѣ, вспыхнувшемъ противъ дома Никифора Михайловича въ 1872 году, онъ поставилъ собственную свою пожар-

ную трубу и своихъ людей дѣйствовать со стороны именно своего дома. Исправникъ же приказалъ было полиціи перевести трубу Никифора Михайловича на другое мѣсто, а когда завѣдывавшій ею приказчикъ, егорьевскій мѣщанинъ И. Д. Денисовъ, отказался исполнить это требованіе, его арестовали и хотѣли насильно взять трубу. Никифоръ Михайловичъ трубу не далъ, а за арестъ приказчика подалъ на исправника жалобу. Такимъ образомъ исправникъ являлся представителемъ стараго дореформеннаго строя, когда никто безъ ужаса и подумать не могъ не исполнить какого-бы то ни было требованія начальника, а Никифоръ Михайловичъ являлся представителемъ новаго порядка, когда каждый гражданинъ уже могъ пользоваться всѣми своими законными правами безбоязненно. Дѣло было рѣшено въ пользу Никифора Михайловича. Е. Я. Арбузовъ, къ его великой чести, созналъ свою ошибку и справедливость взглядовъ Никифора Михайловича, и они стали съ тѣхъ поръ искренними друзьями, что много содѣйствовало успѣшности всесторонняго благоустройства Егорьевска.

XIII.

Въ самого начала своей общественной дѣятельности Никифоръ Михайловичъ обратилъ свое вниманіе на просвѣщеніе родного города. Прежнія маленькія начальныя училища (мужское, существовавшее съ 1817 года, и женское—съ 1862 г.) не могли, конечно, удовлетворить потребности города въ образованіи. Здѣсь тѣсно сливается дѣятельность Никифора Михайловича какъ городского головы, какъ церковнаго старосты и какъ земскаго гласнаго. Онъ съ большимъ участіемъ отнесся къ инициативѣ тогдашняго егорьевскаго предводителя дворянства, Константина Михайловича Афанасьева, открыть въ Егорьевскѣ мужскую прогимназію соединенными средствами города и земства. 2 января 1873 года онъ внесъ въ думу докладъ, въ которомъ сообщалось, что уѣздное земство отпускаетъ на это дѣло 5000 рублей. Дума постановила отпустить 3000 р., Никифоръ Михайловичъ присоединилъ своихъ 1000 рублей и кромѣ того рѣшено было обратиться къ частнымъ жертвователямъ. Постановлено было также отпускать отъ города на наемъ помѣщенія ежегодно 300 рублей въ добавленіе къ 600 руб. земскихъ и въ слѣдующемъ (1874 г.) уже была открыта четырехклассная прогимназія. Потребность въ образованіи была такъ велика, что съ первыхъ-же годовъ выяснилась недостаточность четырехъ классовъ.

15 февраля 1878 года въ думѣ постановлено хлопотать о прибавленіи 5 и 6 классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ открытіи женской прогимназіи. Городъ принялъ на себя одну треть всѣхъ расходовъ, остальные двѣ трети приходились на счетъ уѣзднаго земства (большая часть бюджета котораго получается также съ обложенія городскихъ имуществъ). Ходатай-

Александръ Николаевичъ Волковъ.

ство уважено было только наполовину: 5 и 6 классы открыты, а въ открытіи женской прогимназіи было отказано. Отказано также было въ 1883 году и въ прибавленіи 7 и 8 классовъ съ пособіемъ отъ казны. Нѣсколько разъ потомъ возбуждался вопросъ объ этихъ послѣднихъ классахъ, но каждый разъ неуспѣшно, и Никифоръ Михайловичъ такъ и не дожидь до образованія полной гимназіи.

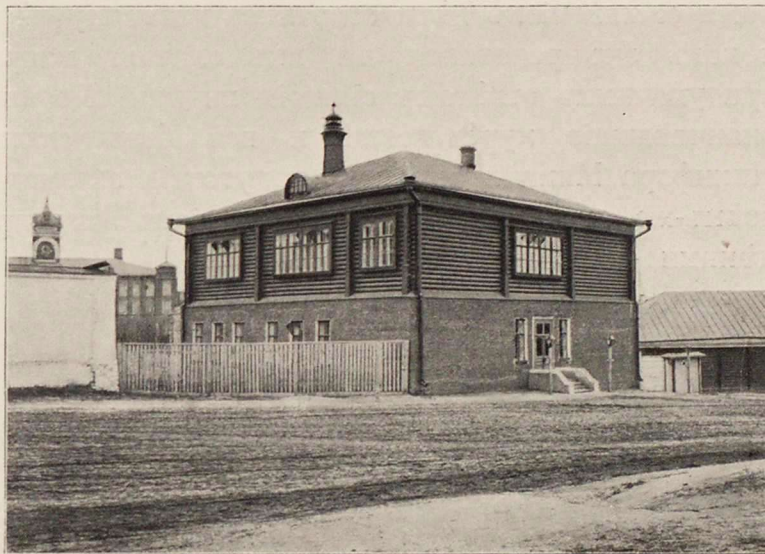
Что касается женской прогимназіи, то совмѣстно съ земствомъ постепенно создали ее, придя на помощь частному предпріятію. 19 мая 1893 г. учитель мужской прогимназіи А. Н. Волковъ заявилъ о своемъ желаніи открыть 2-классное женское училище по программѣ гимназіи съ тѣмъ условіемъ, чтобы городъ ассигновалъ сумму на наемъ по-

мѣщенія. Дума назначила 300 рублей, и изъ этого-то частнаго училища скоро и выросла полная женская гимназія. 27 мая 1894 г. постановлено было выдавать А. Н. Волкову ежегодно по 500 руб. въ виду прибавленія 3-го класса. 19 ноября 1895 года, когда появился и 4-й классъ, расходъ отъ города былъ увеличенъ еще на 1250 рублей и тогда-же постановлено ходатайствовать о переводѣ частной прогимназіи въ вѣденіе города и земства. Ходатайство было удовлетворено и 29 мая 1897 г. постановлено отвести городскую землю подъ постройку для нея собственнаго дома, который и былъ вскорѣ возведенъ. Но преобразование и этой прогимназіи въ полную гимназію совершилось уже послѣ смерти Никифора Михайловича.

Содѣйствуя посильно устроенію среднихъ учебныхъ заведеній,

Никифоръ Михайловичъ еще болѣе заботился и объ улучшеніи низшихъ. Не всѣ дѣти, конечно, могли поступать въ гимназію; но весьма многіе не могли также удовлетвориться и начальной одноклассной школой. Никифоръ Михайловичъ хорошо понималъ неудовлетворительность и слабость познаній, даваемыхъ ею. Поэтому 19 ноября 1875 г. онъ возбудилъ вопросъ объ открытіи въ женскомъ начальномъ училищѣ второго класса, при бесплатномъ обученіи. Проектъ былъ принятъ думою. Также и мужское начальное училище было фактически измѣнено въ двухклассное. Въ 1893 году начальное образованіе въ Егорьевскѣ было еще значительно расширено устройствомъ двухкласснаго церковно-приходскаго училища. Наконецъ, въ 1900 году Никифоръ Михайловичъ возбудилъ вопросъ объ основаніи въ Егорьевскѣ новаго училища, съ болѣе высокимъ курсомъ, но осуществить этого ему не пришлось за болѣзнь и вскорѣ послѣдовавшей смертью его.

Никифоръ Михайловичъ состоялъ почетнымъ попечителемъ всѣхъ начальныхъ училищъ Егорьевска. Онъ горячо любилъ дѣтей. Передъ большими праздниками онъ любилъ приходить

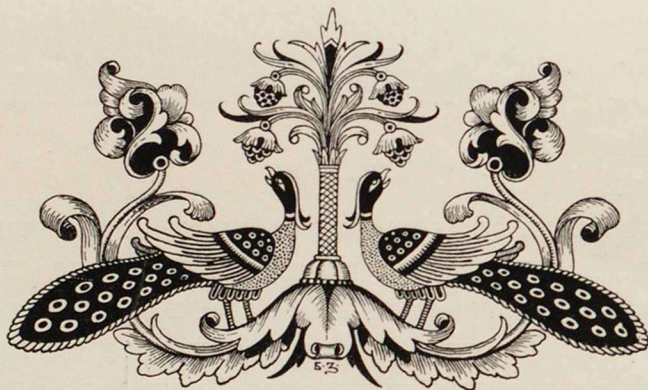

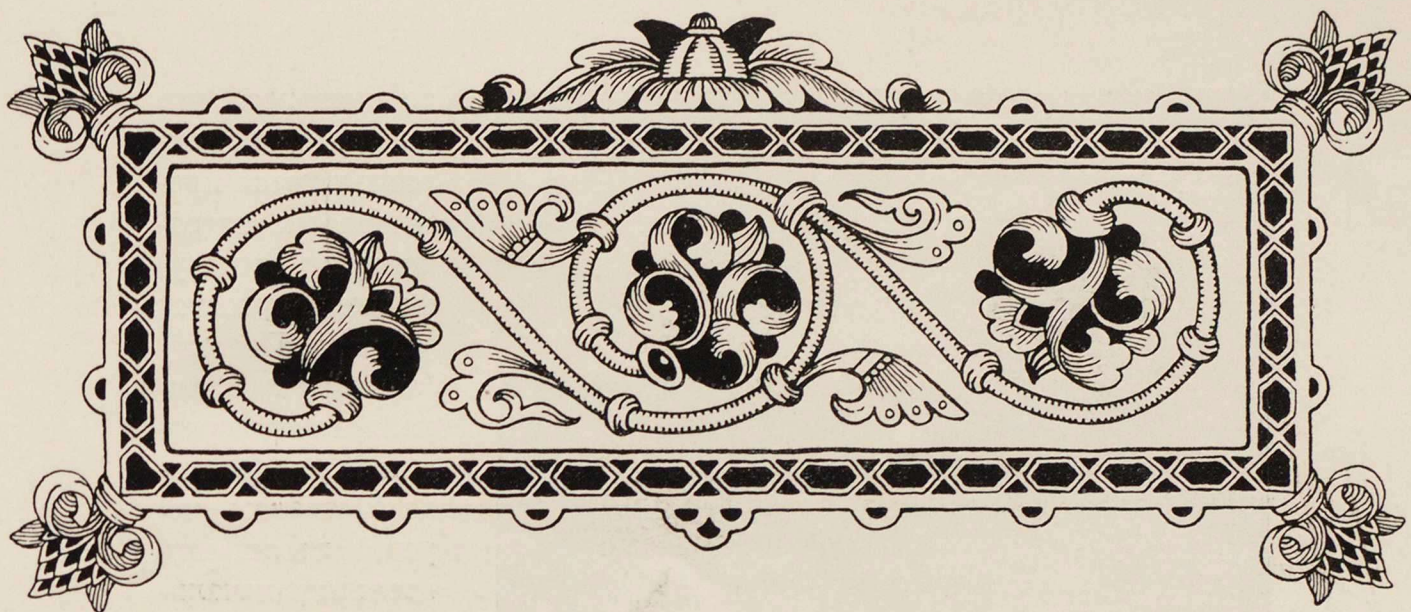
Женская гимназія.

въ школы и бесѣдовать съ учениками, объясняя имъ значеніе наступающаго праздника. Большимъ его удовольствіемъ было слушать «славленіе Христа» дѣтьми. Ежегодно на второй день Рождества Христова обѣ мужскія школы Егорьевска по очереди являлись къ нему въ домъ въ полномъ составѣ и «славили», послѣ чего Никифоръ Михайловичъ бесѣдовалъ со школярами и одаривалъ каждого конфетами и деньгами. Этимъ онъ желалъ хотя отчасти поддержать и сохранить все болѣе и болѣе вымирающій, къ сожалѣнію, старинный рождественскій обычай. Онъ наблюдалъ также, чтобы ученики обязательно посѣщали храмъ Божій по воскреснымъ днямъ и ввелъ обычай, чтобы въ воскресные дни великаго поста старшіе классы пѣли за поздними обѣдами вмѣстѣ съ хоромъ.

Никифоръ Михайловичъ неупустительно присутствовалъ на всѣхъ выпускныхъ экзаменахъ и самъ спрашивалъ дѣтей. Своими вопросами онъ желалъ всегда выяснитъ прежде всего то, насколько школа, особенно церковно-приходская, поддерживаетъ и развиваетъ въ сознаніи дѣтей навыки повседневнаго благочестія, начатки которыхъ должны полагать въ своихъ дѣтяхъ христіанскія семьи. Далѣе онъ съ особенною любовью слѣдилъ за тѣмъ, чтобы дѣтямъ сообщались хотя и общія, но ясныя представленія о великихъ реформахъ Царя-Освободителя, дабы всѣ они понимали огромное ихъ значеніе для народной жизни и приучались бы благоговѣть предъ памятью Великаго Государя-Мученика.

Наконецъ любилъ Никифоръ Михайловичъ задавать самъ и математическія умственные задачи. Надо было видѣть, съ какимъ оживленіемъ дѣти старались дать ему вѣрный, полный отвѣтъ и какъ онъ радовался на ихъ сначала напрягавшіяся, а затѣмъ при удачныхъ отвѣтахъ сіявшія личики! По окончаніи экзаменовъ оканчивавшіе курсъ всегда и всѣ безъ исключенія получали отъ Никифора Михайловича въ напутствіе экземпляры Новаго Завѣта, всѣмъ-же оканчивавшимъ съ отличіемъ онъ кромѣ того раздавалъ цѣнныя «наградныя» книги.

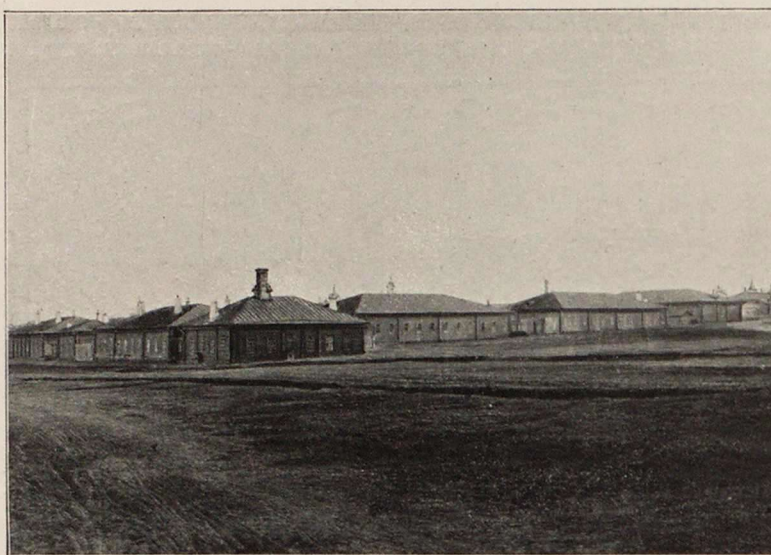
XIV.

Важнымъ событіемъ въ хозяйственной жизни Егорьевска была постройка военныхъ казармъ и переведеніе въ городъ 139-го Моршанскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1892 г., на основаніи новой Высочайше утвержденной дислокаціи войскъ, въ Егорьевскъ назначены были 2 батальона 139-го Моршанскаго пѣхотнаго полка. Городъ оказался въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ отвести спеціальныя помѣщенія было негдѣ и приходилось готовиться размѣщать солдатъ по обывательскимъ домамъ. Тогда Никифоръ

Михайловичъ вошелъ въ думу съ докладомъ о постройкѣ для войска казармъ. Предложеніе его было единогласно принято, но было затрудненіе въ томъ, что городъ не имѣлъ никакихъ средствъ для такой крупной постройки. Никифоръ Михайловичъ пришелъ городу на помощь: онъ вызвался строить казармы на свой собственный счетъ, а городъ долженъ былъ возвращать ему деньги опять-же по мѣрѣ возможности.

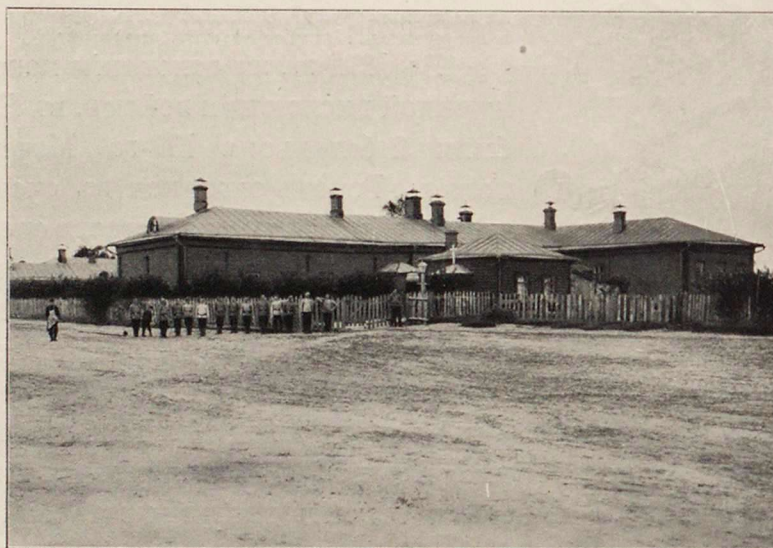
Казармы были выстроены по барачной системѣ, одноэтажныя, деревянныя и съ гигиенической точки зрѣнія считаются образцовыми. Капиталь былъ затраченъ не малый. Когда-же расквартировали въ казармахъ 2 назначенные батальона, безъ штабныхъ частей,

Первыя воинскія казармы.

то оказалось, что не только не оправдываются проценты на затраченную сумму, но еще получается убытокъ. Поэтому Никифоръ Михайловичъ предложилъ думѣ ходатайствовать передъ высшимъ военнымъ начальствомъ о переводѣ въ Егорьевскъ всего Моршанска-

го полка, предложивъ опять свою помощь на постройку новыхъ казармъ. Ходатайство было уважено, построены были вторыя казармы въ углу Владимірской и Московской дорогъ и кромѣ того были куплены и отдѣланы пустовавшія фабричныя зданія Карцовыхъ, а на дворѣ ихъ построенъ еще новый корпусъ. Когда такимъ образомъ въ Егорьевскѣ сосредоточился весь полкъ, то произведенныя расходы если и не приносили дохода, то, во всякомъ случаѣ, уже и не доставляли убытковъ.

Госпиталь военный.

Впослѣдствіи Никифоръ Михайловичъ возбудилъ ходатайство о переведеніи г. Егорьевска въ высшій разрядъ по платежу отъ казны вознагражденія за размѣщеніе войскъ, результатъ котораго, благопріятный для города, былъ использованъ послѣднимъ уже послѣ смерти его инициатора.

На этомъ мы и закончимъ изложеніе общественной дѣятельности Никифора Михайловича Бардыгина. Обзоръ этотъ, разумѣется, неполонъ и едва отражаетъ собою только главные внѣшніе моменты его работы. Вся ея мелкая ежедневная сторона совершенно ускользаетъ. Но если-бы даже перечестъ всѣ труды постановленій Егорьевской городской думы съ 1872 по 1901 г., гдѣ каждый докладъ, каждый протоколъ есть живое отраженіе матеріальнаго и духовнаго роста города и гдѣ на каждой страницѣ вѣетъ духъ перваго работника и вдохновителя всего дѣла—Никифора Михайловича,—то и это еще не дало-бы полной картины всего имъ дѣланнаго и сдѣланнаго. Многое существенное и важное не попало ни въ какую запись; во многихъ случаяхъ Никифоръ Михайловичъ, какъ инициаторъ дѣла, сознательно оставался въ сторонѣ; наконецъ много израсходовано денегъ, не занесенныхъ ни въ какіе отчеты; вотъ, почему совершенно бесполезно приводить цифры, говоря о его пожертвованіяхъ; официальные свѣдѣнія о нихъ всегда меньше дѣйствительныхъ выдачъ. Между прочимъ, на примѣръ, официально почти нѣтъ свѣдѣній о трудахъ Никифора Михайловича для сохраненія и развитія дѣятельности Егорьевскаго городского банка. А между тѣмъ этотъ банкъ былъ тоже однимъ изъ любимыхъ дѣтищъ Никифора Михайловича и ему было посвящено не мало его трудовъ и заботъ, хотя непосредственно онъ имъ и не руководилъ. «Хозяйскій глазъ» Никифора Михайловича выразился въ томъ, что въ то время, когда другіе городскіе банки испытывали крахи или наживали дефициты, а то и вовсе расхищались, Егорьевскій банкъ продолжалъ неуклонно расти, сравнительно легко справляясь съ различными финансовыми кризисами. Судя по обзору банка, поднесенному Никифору Михайловичу по случаю 25-лѣтія службы его городу долголѣтнимъ дѣтелемъ банка Александромъ Никитичемъ Радугинымъ, основной капиталъ банка, составлявшій въ 1871 г. 28,167 р. 72 к., въ 1897 г. возросъ до 85,633 р. 99 к., т.-е. болѣе, чѣмъ утроился; запасный капиталъ изъ 6428 р. 23 к. за то-же время обратился въ 34,387 р. 29 к., т.-е. увеличился болѣе, чѣмъ въ 5 разъ; за все это время вкладовъ поступило на 3,144,594 р. 47 к., выдано на 3,125,761 р. 47 к. и городъ получилъ изъ прибылей банка на свои потребности 110,105 р.

Изъ упомянутаго обзора необходимо привести выписку о правительственной ревизіи банка, характерную для Никифора Михайловича, какъ общественнаго дѣателя. Дѣло было въ то время, когда послѣ знаменитаго «Рыковского краха» (расхищенія общественнаго банка въ Скопинѣ) всѣ общественные городскіе банки находились въ тяжеломъ положеніи и многіе изъ нихъ погибли. И о егорьевскомъ банкѣ въ то время ходило

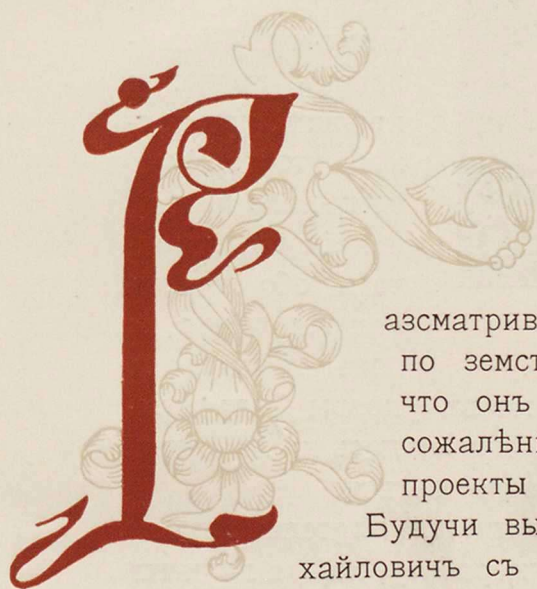
много неблагопріятныхъ слуховъ, подрывавшихъ его кредитъ. Тогда, 16 января 1885 года, Никифоръ Михайловичъ предложилъ городской думѣ ходатайствовать о производствѣ правительственной ревизіи, дабы, говорилъ онъ, не повредили банку распространяемые о немъ ложные слухи. «Противъ такого предложенія,—говорится въ обзорѣ,—высказалось большинство гласныхъ, указывая, что для таковой ревизіи нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ ревизіонная комиссія ежегодно давала и даетъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, и что лучшаго едва-ли можетъ дать и правительственная ревизія; что-же касается ложныхъ слуховъ, то на таковые обращать вниманія не слѣдуетъ. Тогда Никифоръ Михайловичъ дѣлаетъ вторично это предложеніе, добавляя, что онъ также раздѣляетъ мнѣніе гласныхъ, что правительственная ревизія не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, чѣмъ сдѣлано городской ревизіонной комиссіей, но авторитетъ правительственной ревизіи принесетъ громадную пользу. Послѣ чего городская дума предложеніе Никифора Михайловича единогласно принимаетъ».

Правительственная ревизія состоялась, и производившій ее чиновникъ особыхъ порученій Министерства Финансовъ, г. Голубевъ, далъ заключеніе о полной благонадежности банка. Тѣмъ печальнѣе отмѣтить, что, вскорѣ послѣ этого періода, въ силу вышедшаго тогда новаго нормальнаго положенія о городскихъ банкахъ, и Егорьевскій общественный банкъ долженъ былъ сократить почти вчетверо размѣръ выдаваемыхъ имъ въ ссуду суммъ, которыя въ 70-хъ годахъ достигали 1,000,000 р., что сослужило огромную службу начинавшей тогда развиваться промышленной и торговой жизни города.

Такое попечительное отношеніе Никифора Михайловича ко всѣмъ сторонамъ жизни города Егорьевска проистекало изъ того широкаго взгляда, который онъ имѣлъ на должность городского головы вообще. По его мнѣнію, въ городахъ должны существовать избираемые, какъ и теперь думой городскія управы, какъ органы исполнительныя, съ особымъ предсѣдателемъ и необходимымъ, по размѣру городского хозяйства, числомъ членовъ. Градскій-же голова, избираемый всѣмъ населеніемъ города, долженъ быть предсѣдателемъ думы и по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ ея комиссій, и имѣть ближайшее наблюденіе, какъ выборный уполномоченный города, не только за дѣятельностью городской управы и всѣхъ органовъ городского самоуправленія, но и за всею жизнью города вообще, и такимъ образомъ имѣть для города то-же значеніе, которое для уѣзда имѣетъ предводитель дворянства.

XV.

Лазматривая дѣятельность Никифора Михайловича по земству, приходится отмѣтить, что изъ того, что онъ задумывалъ, осуществить здѣсь ему, къ сожалѣнію, удалось лишь немного. Но и самые его проекты и предложенія всѣ заслуживаютъ вниманія. Будучи выбранъ земскимъ гласнымъ, Никифоръ Михайловичъ съ такимъ-же горячимъ участіемъ отнесся къ интересамъ земства, съ какимъ относился къ городскимъ. Между тѣмъ, положеніе дѣлъ тамъ было совершенно противоположно тому, что было въ городѣ. Предсѣдателемъ земской управы былъ уѣздный предводитель дворянства Константинъ Михайловичъ Аванасьевъ. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ и «баринъ», въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ довѣрился образовавшейся около него сильной партіи, которая эксплуатировала его въ своихъ

интересахъ и, прикрываясь его именемъ, привела земское хозяйство въ полное разстройство. Никифоръ Михайловичъ, какъ человекъ строго смотрѣвшій на малѣйшее нарушеніе долга, начинаетъ протестовать. Видя, какъ эти господа заботятся не о благосостояніи народа, а о декоративной сторонѣ земской жизни и плодятъ бесполезныя и дорого стоящія должности,—онъ начинаетъ предлагать мѣры къ упорядоченію дѣла. Этимъ онъ, конечно, сразу вызвалъ со стороны заинтересованныхъ враждебное къ себѣ отношеніе. Но нашлись и сочувствующіе, и чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ становилось больше. 30 сентября 1875 года Никифора Михайловича избрали членомъ ревизіонной комиссіи. Тутъ ему пришлось натолкнуться на такія вещи,

Земскій пріютъ.

которыхъ онъ и не предполагалъ. Обнаружены были большія злоупотребленія и между прочимъ оказалась растрата земскихъ суммъ. Никифоръ Михайловичъ, по долгу присяги, при полномъ отсутствіи кому-либо личной непріязни, умолчать обо всемъ этомъ, конечно, не могъ. Началось

разслѣдованіе, въ результатъ котораго составъ управы былъ перемѣненъ. Но хотя положеніе дѣлъ въ земствѣ измѣнилось къ лучшему, однако, прежняя закваска продолжала долго держаться.

Партія недовольныхъ, устранившая отъ активной дѣятельности, не желала сдаваться и продолжала свою вредную работу, изъ-за личныхъ счетовъ проваливая самыя полезныя начинанія. А когда проекты исходили отъ Никифора Михайловича, то какъ-бы они ни были разумны,—имъ почти никогда не удавалось осуществляться. Такъ, 24 сентября 1878 г. онъ предложилъ избрать комиссію для обсужденія вопроса объ учрежденіи земскаго банка. Комиссія была составлена, и онъ выбранъ членомъ ея. 26 сентября 1879 г. онъ представилъ замѣчательный докладъ, въ которомъ предлагалъ учредить банкъ не въ видѣ коммерческа-

го учрежденія, а въ видѣ вспомогательной земской ссудной кассы. Мотивированъ докладъ слѣдующимъ образомъ: «Хозяйство крестьянское въ такомъ упадкѣ, что неотступно взываетъ о помощи и требуетъ хотя и не крупнаго, но необходимаго, скорого и дешеваго кредита. А потому комиссія рѣшила, что учрежденіе, которое-бы открывало кредитъ всему народонаселенію и преимущественно крестьянамъ, и притомъ кредитъ дешевый и необременительный, существенно необходимо». Однако въ томъ-же земскомъ собраніи этотъ проектъ былъ отклоненъ. Такая-же участь постигла и другой его замѣчательный проектъ по поводу нищенства, внесенный въ ту же сессію. Для прекращенія нищенства въ уѣздѣ Никифоръ Михайловичъ предлагалъ слѣдующую мѣру. Каждое сельское общество обязуется знать всѣхъ своихъ бѣдныхъ и не допускать ихъ къ прошенію милостыни; для этого общество должно собирать извѣстную сумму, разложивъ ее соотвѣтственно цензу на домохозяевъ, и выдавать нуждающимся. Въ случаяхъ-же, когда эта сумма по разнымъ серьезнымъ причинамъ, какъ,

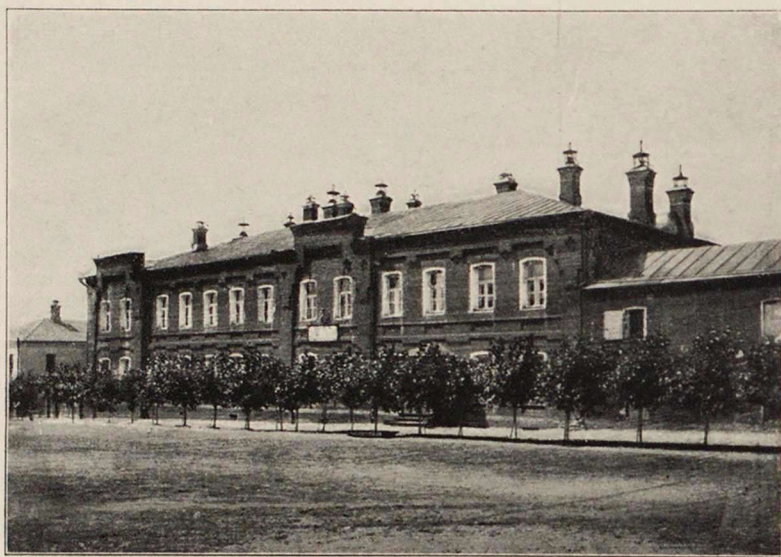

Земская больница.

напримѣръ, послѣ неурожаевъ, пожаровъ и проч., не можетъ быть собрана, — сельское общество черезъ своего старосту должно обращаться съ просьбой о пособіи изъ капитала всей волости. Наконецъ, если и волость окажется не въ состояніи удовлетворить этой нуждѣ, то ходатайствовать передъ земской управой объ отпускѣ пособія изъ земскихъ суммъ. А для этого земство должно образовать специальный капиталъ, на первый разъ хотя-бы всего изъ 3-хъ тысячъ, и расходовать изъ него только половину, оставляя другую въ запасѣ.

Проектъ этотъ былъ отложенъ до слѣдующаго года. А въ 1880 г., 25 сентября, постановлено препроводить докладъ о нищенствѣ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія, гдѣ, конечно, ему суждено было загдохнуть.

Но съ этого-же времени значеніе и роль Никифора Михайловича въ земствѣ начинаетъ расти. 23 сентября 1880 г. онъ былъ избранъ завѣдывающимъ пансіономъ прогимназіи и ея почетнымъ попечителемъ. Въ томъ-же году избранъ въ губернскіе гласные отъ Егорьевскаго уѣзда. Наконецъ, въ 1886 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ земской управы и за трехлѣтіе до 1889 года успѣлъ сдѣлать много хорошаго. Отъ жалованья онъ, конечно, отказался и 7200 р., причитавшіеся ему за трехлѣтіе, просилъ употребить на устройство пріюта для неизлѣчимо-больныхъ при земской больницѣ. Онъ впервые поставилъ правильно врачебную помощь въ уѣздѣ. Раньше земскіе врачи жили въ городѣ; по его старанію положено начало устройству лечеб-

Егорьевская мужская гимназія.

ныхъ пунктовъ, гдѣ должны были находиться врачи; между прочимъ, выстроена новая больница въ селѣ Красномъ, вмѣсто фельдшерскаго пункта, и открыта больница въ с. Дмитровскомъ Погостѣ въ арендуемомъ у священника зданіи. Затѣмъ образованы акушерскіе пункты. Для Егорь-

евской земской больницы по его настоянію выстроено новое большое зданіе, а старое обращено подъ вышеупомянутый пріютъ. Также заботился Никифоръ Михайловичъ о санитарныхъ улучшеніяхъ, особенно въ школахъ, которыхъ при немъ было вновь открыто нѣсколько; установилъ строгій надзоръ за привитіемъ оспы. Много сдѣлано имъ для улучшенія дорогъ и были устроены два большихъ моста черезъ рѣку Цну при селѣ Жабкахъ; онъ поставилъ образцово отчетность. Словомъ, имъ сдѣлано все, что только было возможно за три года при его и безъ того сложныхъ обязанностяхъ. При этомъ правой рукой его, дѣятельнѣйшимъ его помощникомъ и исполнителемъ проводимыхъ имъ мѣропріятій былъ членъ управы Дмитрій Владиміровичъ Макарьевъ.

XVI.

удачи въ земствѣ, конечно, не поколебали Никифора Михайловича. Его христіанское сердце подвигло его при первой-же возможности осуществить въ городѣ то святое дѣло помощи неимущимъ, по которому первая его предложенія заглохли когда-то въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ. Дѣло это явилось однимъ изъ самыхъ крупныхъ его начинаній, любопытнымъ какъ по ширинѣ замысла, такъ и по энергіи въ его осуществленіи.

Въ серединѣ 90-хъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ усиленно заговорили объ учрежденіи домовъ трудолюбія, которые должны были замѣнить прежніе рабочіе дома и, развившись повсюду, вернуть къ трудовой жизни многихъ бездомныхъ и безработныхъ людей. За образецъ предполагалось поставить домъ, учрежденный о. Іоанномъ Кронштадтскимъ при церковномъ попечительствѣ Андреевскаго собора. Никифоръ Михайловичъ возымѣлъ надежду, что разъ въ правительственныхъ кругахъ такъ усердно заговорили объ этой идеѣ, то непременно разработанъ будетъ, наконецъ, и законопроектъ о цѣлесообразномъ воздѣйствіи на трудоспособныхъ попрошайекъ, которые въ сущности и представляютъ главнѣйшее и едва-ли не единственное затрудненіе къ надлежащему упорядоченію дѣла помощи бѣднымъ и безъ чего цѣлесообразная постановка этого дѣла невозможна. Въ этой увѣренности, Никифоръ Михайловичъ опять горячо взялся за тотъ свой проектъ о

помощи нищимъ, съ которымъ онъ потерпѣлъ неудачу въ земствѣ. Онъ вошелъ съ этимъ вопросомъ въ городскую думу, 18 сентября 1895 года была образована комиссія подъ его предсѣдательствомъ для составленія устава «общества для пособія бѣднымъ гор. Егорьевска», который и былъ утвержденъ 16 іюля 1898 г.

Протоіерей о. Александръ Свѣтловъ.

Въ отчетѣ за первый годъ существованія этого общества мы находимъ весьма обстоятельное и поучительное объясненіе причинъ возникновенія и задачъ общества. Тамъ говорится, что прежній способъ помощи бѣднымъ путемъ подачи милостыни, пригодный въ древнія патріархальныя времена, теперь долженъ быть оставленъ, такъ какъ люди, подавая милостыню, совершенно не знаютъ положенія тѣхъ,

кто ее беретъ, а потому съ одной стороны оставляютъ безъ надлежащей серьезной помощи дѣйствительно нуждающихся, а съ другой стороны поощряютъ промышлять нищенствомъ многихъ проходимцевъ и этимъ способствуютъ развитію праздности и другихъ поро-

Николай Дмитріевичъ Змѣевъ.
Егорьевскій исправникъ.

ковъ. Теперь же гораздо цѣлесообразнѣе всякую подобную жертву передавать въ организованное учрежденіе и затѣмъ туда-же направлять и всякаго обращающагося за подаваніемъ. Общество-же съ своей стороны, при посредствѣ дежурныхъ членовъ правленія, можетъ и обязано вникнуть въ положеніе всякаго пришедшаго, узнать

его нужды и, въ зависимости отъ опредѣлившихся обстоятельствъ, оказать ему ту или иную помощь.

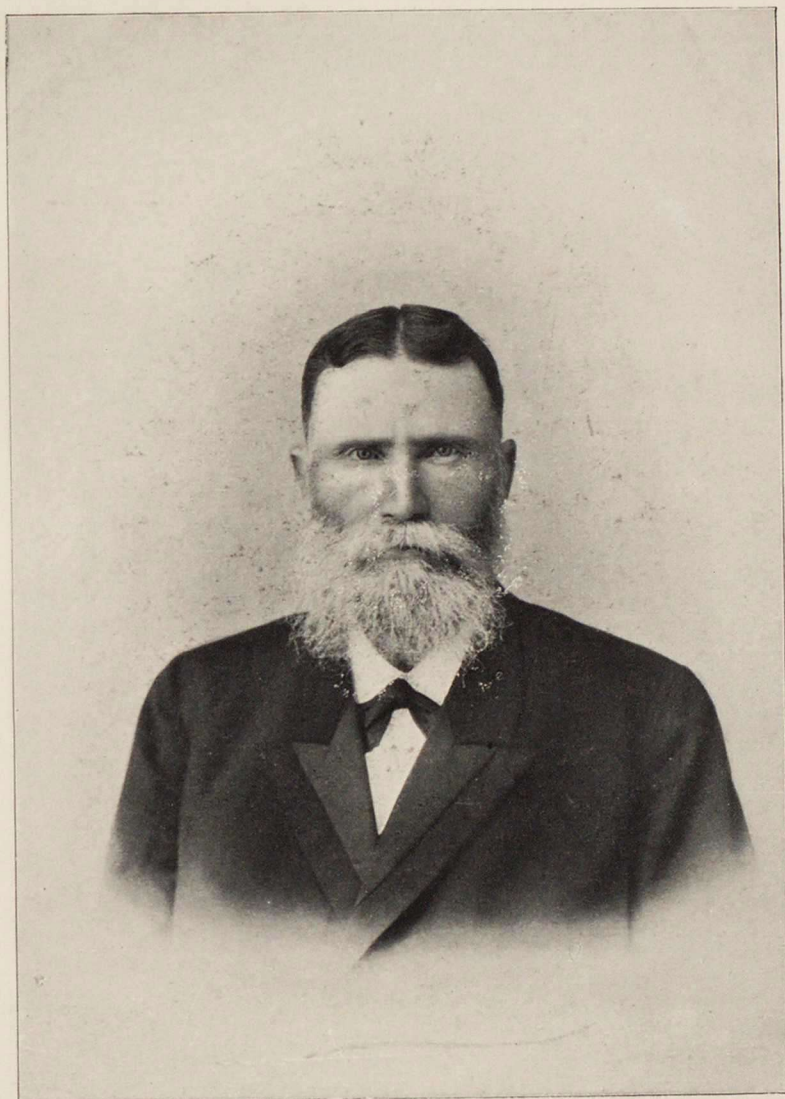
Всѣ бѣдные, по мысли Никифора Михайловича, раздѣляются на три категоріи: одни совершенно неспособны къ труду по болѣзни или старости — для такихъ долженъ быть устроенъ пріютъ; другіе работоспособны, но нравственно испорчены — для такихъ надлежало учредить артельное общежитіе, организованное съ одной стороны для до-

Законоучитель гимназіи о. Дмитрій Протопоповъ.

ставленія имъ работы, а съ другой и для пріученія ихъ къ христіански-дисциплинированной жизни, однако, со свободнымъ выходомъ изъ учрежденія и обратнымъ въ него вступленіемъ для добровольно къ нему обращающихся; наконецъ, третьи нуждаются только въ матеріальной поддержкѣ у себя на дому или въ помощи для пріисканія занятій и т. п.; общество должно было заботиться и объ этомъ. Для возможно полнаго удовлетворенія всѣхъ такихъ нуждъ средства должны были быть составлены, во-первыхъ, изъ ежегодныхъ ассигнованій думы, во-вторыхъ — изъ частныхъ пожертвованій, въ-третьихъ — изъ членскихъ взносов и наконецъ изъ разныхъ иныхъ статей. Между

прочимъ, при организаціи кружечнаго сбора на кружкахъ постановлено было помѣщать, во-первыхъ, слова псалма: «блаженъ призирая на нища и убога: въ день лють избавитъ его Господь»,—а во-вторыхъ то самое воззваніе, съ которымъ издревле обычно обращаются неи-

Аѳанасій Степановичъ Абрамовъ.

мушіе за подаваніемъ: «подайте милостыню Христа ради». Сохранить его рѣшено было для напоминанія того, что падающая въ кружку лепта идетъ именно на то доброе дѣло, на которое православные христіане привыкли давать, кто что можетъ, каждому къ нимъ обращающемуся именемъ Христовымъ.

Для начала этого добраго дѣла было испрошено благословеніе о. Іоанна Кронштадтскаго, которому сообщено было о желаніи, по его примѣру, устроить и въ Егорьевскѣ домъ трудолюбія. Въ отвѣтъ на это досточтимый пастырь прислалъ вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ 200 рублей на первый починъ.

А. Н. Радугинъ.

Никифоръ Михайловичъ обратился къ гражданамъ города съ воззваніемъ, приглашая явиться 13 сентября 1898 г. для записи въ члены и для избранія правленія. По постановленію думы, для такого избранія достаточно было первыхъ 30 человѣкъ. Ихъ на самомъ дѣлѣ явилось уже къ первому собранію 85; избрано было изъ 18-ти чело-

вѣкъ правленіе подъ предсѣдательствомъ самого Никифора Михайловича. Тутъ-же на первомъ собраніи составили по имѣющимся въ городской управѣ свѣдѣніямъ списокъ всѣхъ лицъ города, имѣвшихъ свыше 600 руб. годового дохода. Общество обратилось ко всѣмъ имъ съ воззваніемъ, а затѣмъ члены правленія, раздѣливъ между собой городъ на участки, лично обошли всѣхъ и приглашали каждого вступить въ члены. Послѣ этого число членовъ общества достигло 486. Съ самаго начала у общества составились и немалыя средства. Дума отпустила, вмѣсто ассигнованныхъ ранѣе 1000 руб., 3500 рублей, и притомъ, какъ ежегодное пожертвованіе. Изъ частныхъ пожертвованій первымъ было пожертвованіе 1000 рублей маститаго соборнаго протоіерея о. Але-

Домъ О-ва для пособія бѣднымъ.

ксандра Свѣтлова, скромно представившаго его отъ неизвѣстнаго лица. Членскіе взносы за 1899 г. достигли суммы 2400 рублей; была устроена лотерея-аллегри, давшая 686 рублей чистой прибыли; получена значительная выручка отъ работъ артели. Капиталь на постройку дома трудолюбія по почину о. Іоанна Кронштадтскаго изъ 200 руб. выросъ въ 17,399 р. 29 к., въ томъ числѣ пожертвовано было бр. Хлудовыми 10,000 р. и Никифоромъ Михайловичемъ 5,000 р. Всѣ суммы общества къ концу перваго-же года послѣ открытія достигли цифры 44,500 р.

Немедленно по открытіи общества закипѣла работа. При всестороннемъ содѣйствіи исправника Николая Дмитріевича Змѣева, который лично сочувствовалъ учрежденію такого общества, особенно съ такимъ энергичнымъ руководителемъ во главѣ, какъ Никифоръ Михайловичъ, составленъ былъ списокъ всѣхъ нищихъ Егорьевска и всѣхъ бездомныхъ босяковъ, или «котовъ», какъ ихъ здѣсь называли. Затѣмъ они были собраны въ зданіи думы и здѣсь члены правленія личнымъ

Н. М. Бардыгинъ.

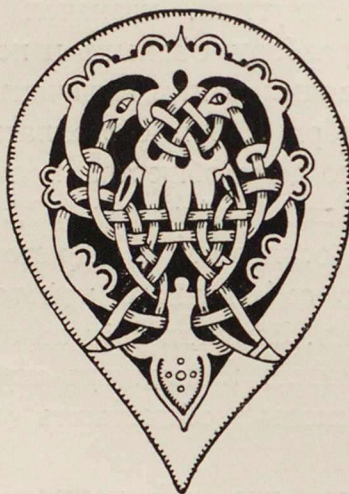
опросомъ подробно ознакомились съ положеніемъ каждого и распредѣлили ихъ по ихъ нуждамъ на категоріи. Немедленно устроенъ былъ пріютъ въ отведенномъ бесплатно Никифоромъ Михайловичемъ помѣщеніи, для престарѣлыхъ и больныхъ, всего на 22 человѣка; 10 человѣкъ помѣстили за плату въ земскій пріютъ. Затѣмъ нанято было помѣщеніе у церкви св. Александра Невского для артельного общежитія босяковъ; ихъ было 13 человѣкъ; они обязывались заниматься разными работами отъ городского самоуправления и должны были являться на пожары въ помощь городской пожарной командѣ.

Необходимо указать, что въ живомъ осуществленіи всѣхъ этихъ добрыхъ начинаній Никифору Михайловичу оказывали дружное содѣйствіе весьма многіе изъ согражданъ. Особенно-же слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность Михаила Никифоровича Бардыгина по общей организаціи общества, о. Дмитрія Протопопова и Аѳанасія Степановича Абрамова по заботамъ о преуспѣяніи артельного общежитія, особенно же объ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на поступавшихъ въ него; Іосифа Алексѣевича Никитина—по привлеченію членовъ въ общество; Александра Никитича Радугина, казначея общества, и Ивана Семеновича Карцова—по разбору бѣдныхъ и по постоянному наблюденію за ними при ежемѣсячныхъ имъ выдачахъ.

Наконецъ, 1-го октября 1899 г. состоялась закладка собственного большого двухъ-этажнаго дома общества, противъ монастыря, на Никитской площади, стоившаго обществу 30,000 рублей. 22 октября 1900 г. этотъ домъ былъ освященъ, и въ него переведены были призрѣваемые изъ прежняго собственного пріюта и земскаго и приняты новые—всего 48 человѣкъ. Впослѣдствіи въ этомъ пріютѣ было устроено отдѣленіе и для бѣдныхъ мальчиковъ-сиротъ. Съ тѣхъ поръ на благотворительные расходы обществомъ расходуется ежегодно до 10,000 рублей.

Надлежитъ отмѣтить, что всѣ начинанія общества оказались прочными; только «артельное общежитіе», несмотря на огромныя усилія и заботы, самоотверженно положенныя въ него А. С. Абрамовымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ должно было постепенно пріостановить свою дѣятельность. Но это произошло всецѣло оттого, что правительственные круги такъ-же внезапно охладѣли къ идеѣ о домахъ трудолюбія, какъ внезапно за нее въ свое время взялись; при этомъ не только не было выработано никакихъ необходимыхъ законоположеній, но, въ добромъ намѣреніи выработать таковыя, они поторопились отмѣнить соотвѣтственные старыя, и тѣмъ, лишивъ словныя общества возможности избавляться отъ своихъ порочныхъ

членовъ, уничтожили послѣдній спасительный страхъ, который до извѣстной степени поддерживалъ этихъ несчастныхъ отъ окончательнаго паденія. Нельзя поставить въ вину общества также и то обстоятельство, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по его открытіи опять на улицахъ Егорьевска появилось на улицахъ много нищихъ. Причина этого заключается въ томъ, что, къ сожалѣнію, такія организаціи существуютъ лишь въ нѣсколькихъ городахъ. Поэтому, когда по сосѣднимъ городамъ и окрестнымъ селамъ стало извѣстно, какъ Егорьевскъ хорошо устроилъ безъ исключенія всѣхъ своихъ неимущихъ, то въ него потянулись оттуда всѣ нищіе въ надеждѣ также хорошо устроиться. Конечно, пріютить и обезпечить эти массы нищихъ Егорьевскъ и не въ состояніи, да и не обязанъ.

XVII.

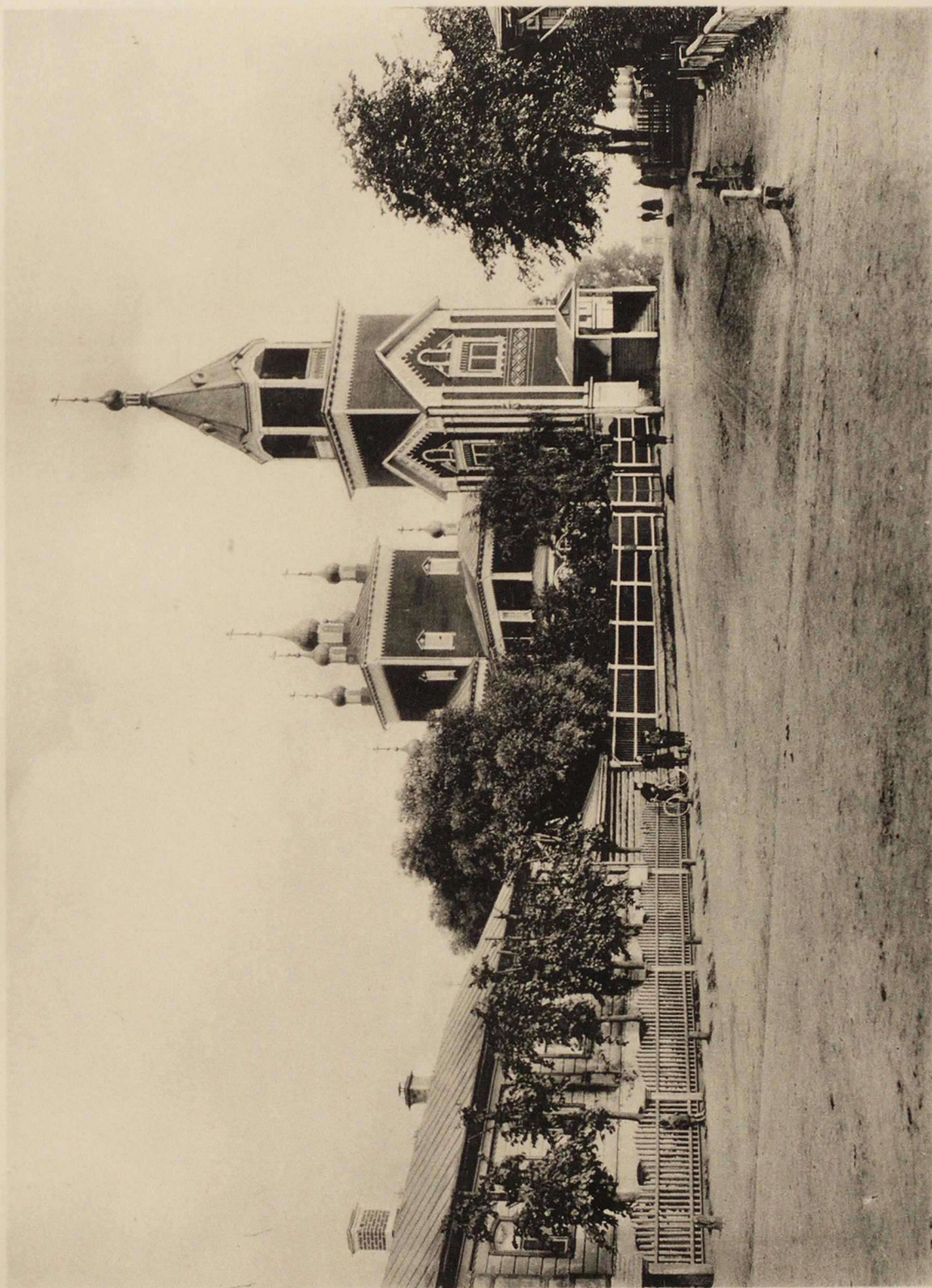
Лакова была дѣятельность Никифора Михайловича въ должности городского головы, которую мы передали здѣсь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ. О многихъ другихъ его трудахъ по этой должности здѣсь не сказано потому, что они сливаются съ дѣятельностью его на церковномъ и благотворительномъ поприщѣ. Къ описанію этой стороны его дѣятельности мы теперь и перейдемъ.

Съ молокомъ матери всосалъ Никифоръ Михайловичъ ревность къ Церкви. Прежде онъ выражалъ ее только неукоснительнымъ посѣщеніемъ церковныхъ службъ, паломничествомъ по чтимымъ монастырямъ: къ «Сергію», въ «Родовицы къ Николѣ», въ «Голутвино», куда въ старину ежегодно хаживалъ пѣшкомъ, чтеніемъ книгъ священнаго и церковно-историческаго содержанія, бесѣдами и спорами со старообрядцами. Эти споры, однако, всегда имѣли цѣлью только всестороннее выясненіе различныхъ во-

просовъ, такъ какъ Никифоръ Михайловичъ глубоко уважалъ старообрядчество и говорилъ, что во всякомъ случаѣ церковная жизнь православныхъ должна многому у него поучиться, ибо оно своимъ примѣромъ помогло русскимъ людямъ и сохранить въ себѣ исконную набожность и удержать многія дорогія черты древняго религіознаго быта и обычаи. Приобрѣтя-же средства и ставъ городскимъ головою, Никифоръ Михайловичъ ревностно принялся за украшеніе старыхъ и сооруженіе новыхъ величественныхъ храмовъ.

До начала его общественной дѣятельности въ Егорьевскѣ было 4 церкви и одна часовня. Самая древняя церковь — Георгіевскій, такъ-называемый «Красный» соборъ, деревянный, старинной своеобразной архитектуры, холодный, на такомъ высокомъ фундаментѣ, что прежде когда онъ стоялъ только на каменныхъ столбахъ, подъ нимъ прятались отъ жары и играли дѣти. Вокругъ его трапезной части устроена галлерей и весь онъ дѣйствительно окрашенъ красной краской. Внутри его интересна сѣнь надъ главнымъ престоломъ, а въ иконостасѣ замѣчательны старинныя мѣстныя иконы, изъ которыхъ о престольной иконѣ св. Георгія, украшенной старинной-же серебряной ризой, передается такой рассказъ. Когда въ 1812 году было опасеніе, что въ Егорьевскѣ могли прійти бродившіе изъ Москвы во всѣ стороны французскіе мародеры, то староста собора, Лежневъ⁶⁾, хотѣлъ вынуть ее изъ ея мѣста и укрыть на опасное время. Однако, какъ онъ ни бился, икона почему-то не выходила. Ночью ему приснилось, что онъ опять старается вынуть икону, но вдругъ св. Георгій говоритъ ему: «не безпокойся, сюда враги не придутъ!» Лежневъ рассказалъ всѣмъ объ этомъ снѣ, и граждане рѣшили оставить икону на мѣстѣ. Дѣйствительно, мародеры, хотя и подходили очень близко, но въ Егорьевскѣ не входили.

Близъ Краснаго собора стояла, какъ и теперь, церковь Казанской Божіей Матери, также деревянная, значительно позднѣйшаго происхожденія. На кладбищѣ находилась деревянная-же Никитская церковь, перенесенная въ 1792 г. изъ погоста «Гвоздня», Богородскаго уѣзда, Московской губерніи; преданіе говоритъ, что ее увезли «обыденными». Четвертый храмъ, каменный, Успенскій или Бѣлый соборъ, былъ заложенъ въ 1826 г. преосвященнымъ Филаретомъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій), въ проѣздъ его на коронаваніе Императора Николая I въ Москву⁷⁾. Соборъ былъ построенъ на пожертвованія купцовъ Аѳанасія Емельяновича Щекина, Хрисанфа Софроновича Щедрина и прихожанъ. Прихожане-лавочники сами въ свободное время носили кирпичъ на лѣса. Соборъ поражаетъ своей огромной вели-

«Красный», Георгіевскій, Соборъ.

чиной и выдержанностью стиля; длина его 95 аршинъ, а ширина 42 аршина; сооруженіе его въ то время стоило 374,108 р. 21 к., безъ росписи стѣнъ. Деньги тогда хранили не въ «банкахъ», а въ «кувшинахъ». Купецъ Щекинъ, «дѣдушка Аѳанасій», былъ слѣпой; и

Мѣстная икона св. Георгія въ Красномъ соборѣ.

когда къ нему приходили за деньгами для постройки, самъ лазялъ въ подполье и доставалъ золото изъ кувшиновъ безъ счета, горстями. Въ 1839 году, 10 и 11 сентября, новый соборъ былъ освященъ архіепископомъ рязанскимъ Гавріиломъ. Онъ вмѣщаетъ болѣе 5000 чело-

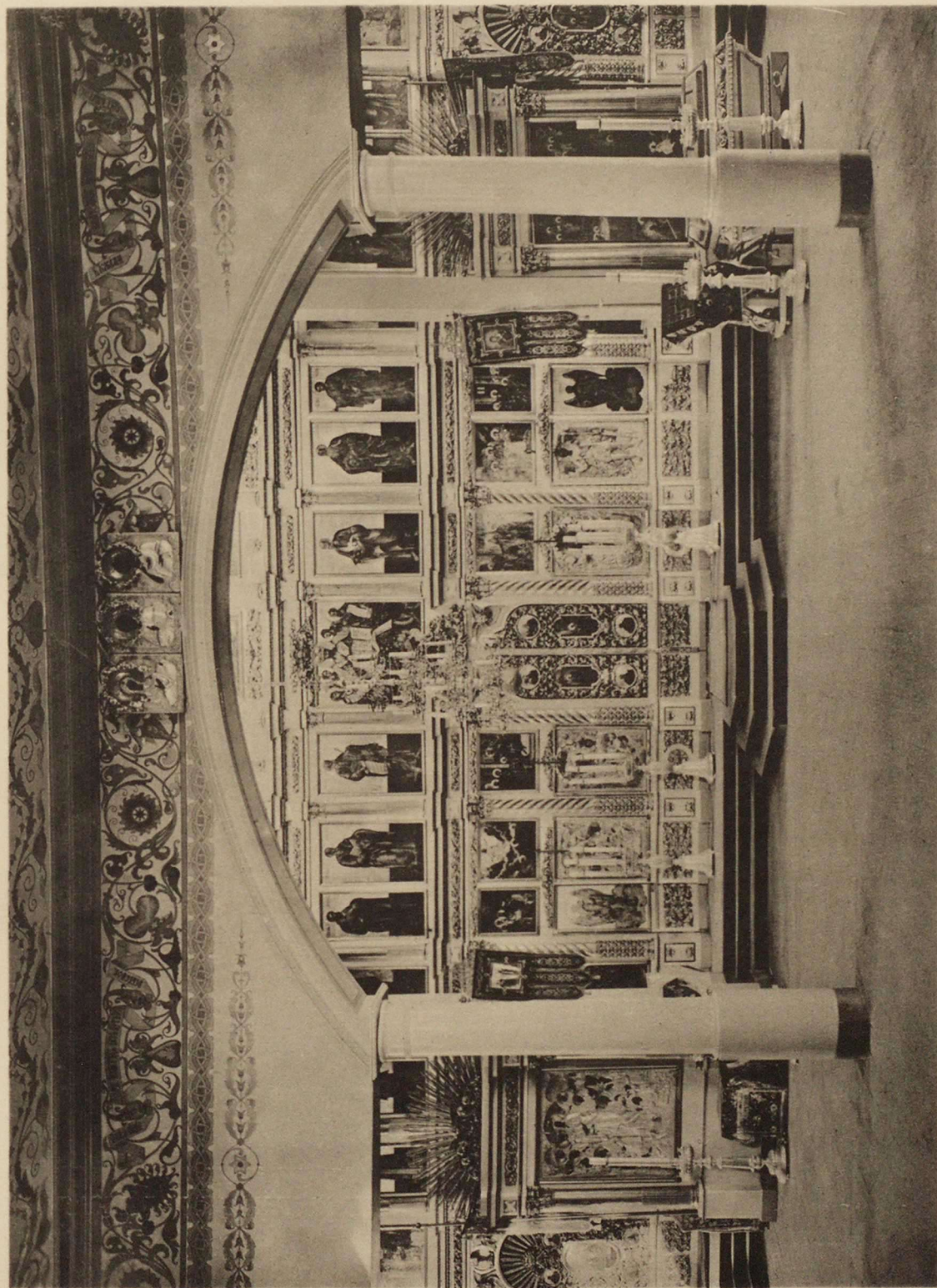
вѣкъ, а, между прочимъ, когда его строили, въ городъ было 3000 жителей и всего 2 каменныхъ дома. Весь Егорьевскъ составлялъ одинъ приходъ и кромѣ того къ нему приписаны были многія окрестныя деревни. Появленіе такого громаднаго собора, рѣдкостнаго во всей Россіи, представляется на первый взглядъ непонятнымъ. Невольно напрашивается мысль, что въ этомъ было предзнаменованіе будущаго возвышенія Егорьевска. Братья Хлудовы, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, украсили соборъ прекрасной живописью и одарили его полнымъ звономъ, въ которомъ особенно хорошъ праздничный колоколъ, вѣсящій 612 пудовъ.

Старообрядческій храмъ во имя св. Георгія.

При въѣздѣ въ городъ отъ Москвы стояла каменная часовня, сооруженная первымъ Егорьевскимъ фабрикантомъ Василиемъ Максимовичемъ Карцовымъ для храненія старинной, почитаемой иконы Святителя Николая.

Свое первое пожертвованіе на церковное дѣло Никифоръ Михайловичъ сдѣлалъ для Георгіевскаго собора: онъ подвелъ подъ него фундаментъ, оштукатурилъ внутри его стѣны и расписалъ ихъ, отдѣ-

Внутренний видъ Георгіевскаго «Краснаго» собора.

лалъ и позолотилъ стоявшій до того въ деревѣ трехпрестольный иконостасъ, снабдилъ соборъ ризницею и нѣкоторою утварью и устроилъ вокругъ него деревянную ограду.

Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на Никитскую церковь. Хотя въ 50-хъ годахъ эта церковь и была нѣсколько увеличена пристрой-

Церковь св. великомученика Никиты.

кой къ ней трапезной и колокольни, но сдѣлать ее теплой было нельзя, а потому службы въ ней совершались очень рѣдко. Никифоръ Михайловичъ искренно раздѣлялъ печалованіе горожанъ о томъ, что на родныхъ могилахъ не было ежедневной молитвы. И вотъ въ 1878 г., по его инициативѣ, при церкви былъ учрежденъ самостоятельный кладби-

щенскій причтъ. А 15 февраля 1880 г. онъ уже испросилъ у городской думы землю рядомъ съ кладбищенской оградой, на которой онъ въ томъ-же 1880 году основалъ новую трехпрестольную, теплую церковь, которая была закончена и освящена въ 1883 году. Сооруженіе этой церкви производилось Никифоромъ Михайловичемъ исключительно на свои средства.

Послѣ покушенія на жизнь Царя-Освободителя Александра II 2 апрѣля 1879 г., Никифоръ Михайловичъ въ экстренномъ собраніи думы произнесъ горячую патріотическую рѣчь и провелъ предложеніе

Бѣлый соборъ съ алтаря.

о сооруженіи въ Егорьевскѣ на средства города, на доходы банка, на суммы соборнаго приходскаго попечительства и на добровольныя пожертвованія, въ память неоднократнаго спасенія Царя-Освободителя отъ рукъ злодѣевъ, храма и часовни во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Скоро на Широкой улицѣ появилась красивая, стильная часовня. На четырехъ ея наружныхъ аркахъ сдѣланы соотвѣтствующія надписи и обозначены годы покушеній. Внутри часовни поставлена боль-

Церковь Казанской Божией Матери.

шая икона св. Александра Невского. Сверху надъ нею — сошествіе Спасителя во адъ; по сторонамъ расположены иконы святыхъ, память которыхъ совершается въ дни покушеній.

Не такъ успѣшно совершилось построение церкви. Случилось, такъ, что по какому-то техническому упущенію лопнули связи въ четырехъ главныхъ аркахъ, при чемъ арки дали трещины и осѣли замками. Къ несчастію, завѣдывавшій постройкой рязанскій архитекторъ Вейсъ вскорѣ умеръ, а его преемники не рѣшались ни на что другое, какъ

Бѣлый соборъ съ запада.

на разборку церкви. Тогда весьма удрученнаго Никифора Михайловича выручилъ извѣстный московскій архитекторъ Александръ Степановичъ Каминскій. Онъ взялся спасти сооруженіе и исполнилъ это, приложивъ къ 4 основнымъ столбамъ храма пилястры и на нихъ выведя вторыя арки. Конечно, послѣ этого пришлось дать сооруженію постоять нѣсколько лѣтъ, дабы удостовѣриться въ его прочности.

Наконецъ, 1 октября 1897 года церковь эта была освящена съ двумя придѣлами: во имя Знаменія Пресвятой Богородицы и первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Съ освященіемъ Александро-Невской церкви выдѣлился и образовался въ городѣ и второй приходъ.

Церковная дѣятельность Никифора Михайловича не ограничилась однимъ Егорьевскомъ. Между прочимъ, въ селѣ Алешинѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Егорьевска, онъ построилъ на свои средства

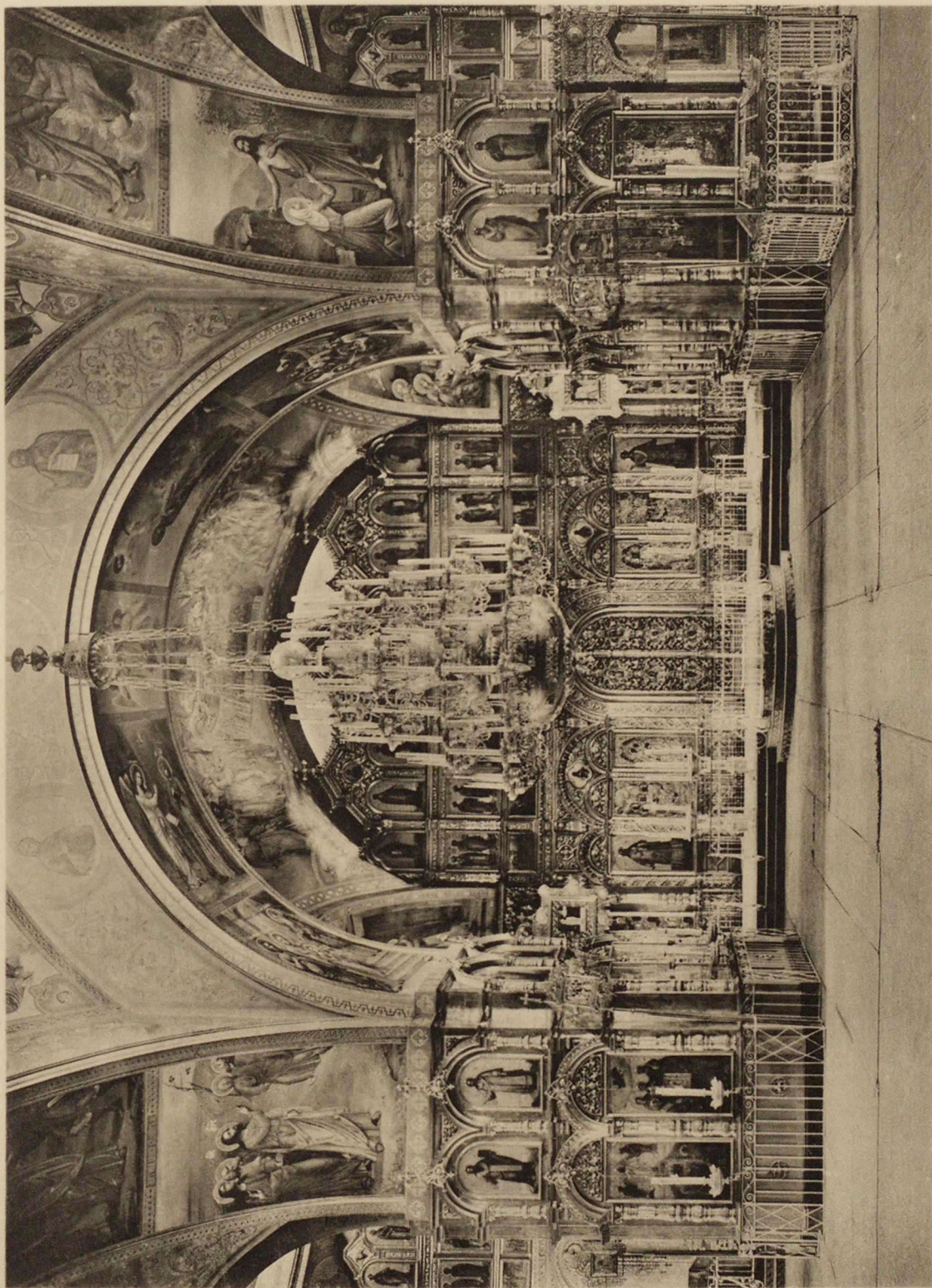
Часовня св. Николая, построенная Василиемъ Максимовичемъ Карцовымъ.

церковь, образовавъ тамъ самостоятельный приходъ. Мѣстность эта была очень отдалена отъ православнаго храма, а по сосѣдству съ

Часовня во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

ней находится знаменитый старообрядческій центръ Гуслицы. По сему-то, говорится въ послужномъ спискѣ Никифора Михайловича:

Внутри Бѣлаго Собора.

«построеніе здѣсь церкви съ отдѣльнымъ причтомъ и дома для церковно-приходской школы вызывалось крайнею необходимостью. Отдаленность церкви лишала православныхъ возможности быть въ ней даже въ большіе праздники при богослуженіи, а въ посты— у исповѣди и святаго причастія. Православные, не имѣя близъ себя храма, постоянно скорбѣли, съ завистью смотрѣли на старообрядческія моленныя, существующія въ каждой деревнѣ; а дѣти ихъ, за отсутствіемъ въ той мѣстности школъ, скудныя познанія въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ, не обѣщали въ себѣ истинныхъ сыновъ Церкви».

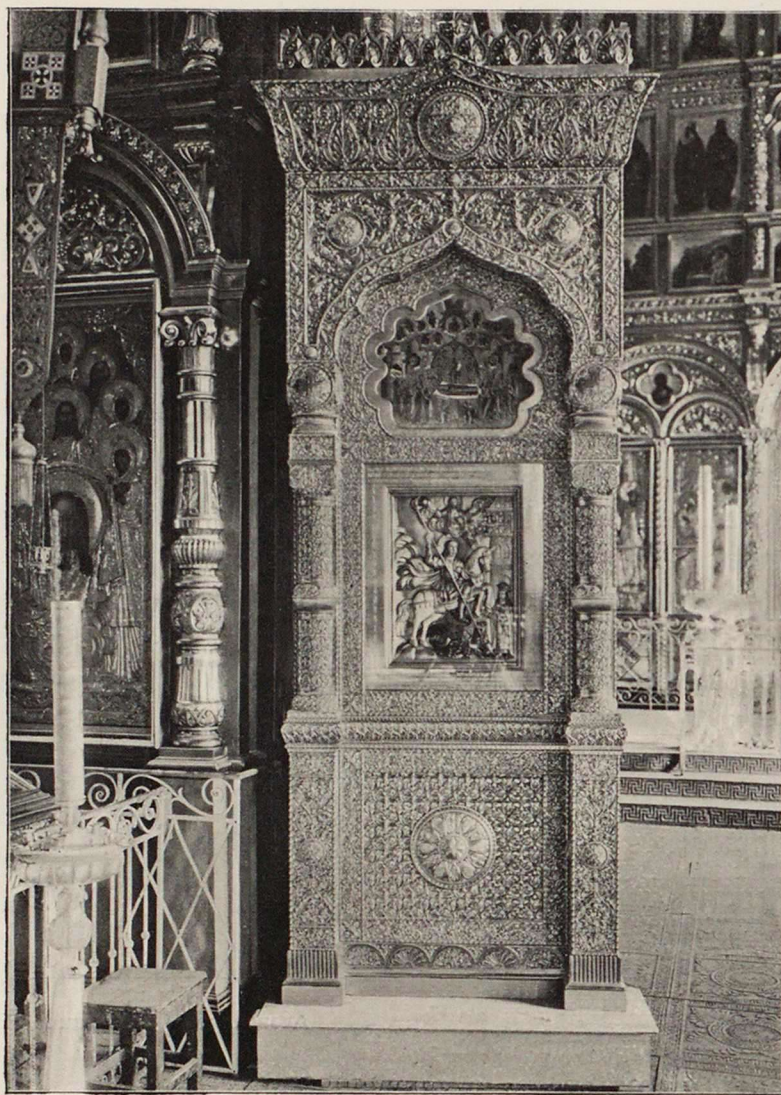
Съ 1881 года Никифоръ Михайловичъ безсмѣнно до самой смерти состоялъ церковнымъ старостою въ мѣстномъ соборѣ. На этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ много добраго. Онъ всемѣрно заботился о благолѣпії богослуженій и содѣйствовалъ утвержденію «истоваго» ихъ исполненія. По его иниціативѣ было учреждено приходское попечительство, установлены регулярныя собесѣдованія со старообрядцами. Соборомъ Никифоръ Михайловичъ занимался съ особенной любовью. Онъ ремонтировалъ все его внутреннее убранство, при чемъ возобновилъ всю ту живопись, которая въ началѣ 60-хъ годовъ была сдѣлана усердіемъ бр. Хлудовыхъ. Къ этой живописи Никифоръ Михайловичъ добавилъ еще богатый орнаментъ; кромѣ того, онъ заново отремонтировалъ всѣ иконостасы и соорудилъ серебряныя вызолоченныя одежды на главный престолъ. Затѣмъ, такъ какъ причтъ не имѣлъ церковныхъ помѣщеній, то Никифоръ Михайловичъ купилъ большую усадьбу противъ Краснаго собора и частью въ старыхъ, частью въ новыхъ зданіяхъ устроилъ квартиры для всѣхъ членовъ причта.

Когда въ царствованіе Императора Александра III было издано

Александръ Степановичъ Каминскій.

положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, Никифоръ Михайловичъ, въ принципѣ сочувствуя руководству духовенства въ воспитаніи дѣтей, однимъ изъ первыхъ отозвался на это дѣло. Рядомъ съ Краснымъ соборомъ онъ выстроилъ на свои средства каменное трехъэтажное зданіе для двухклассной церковно-приходской школы. Въ верх-

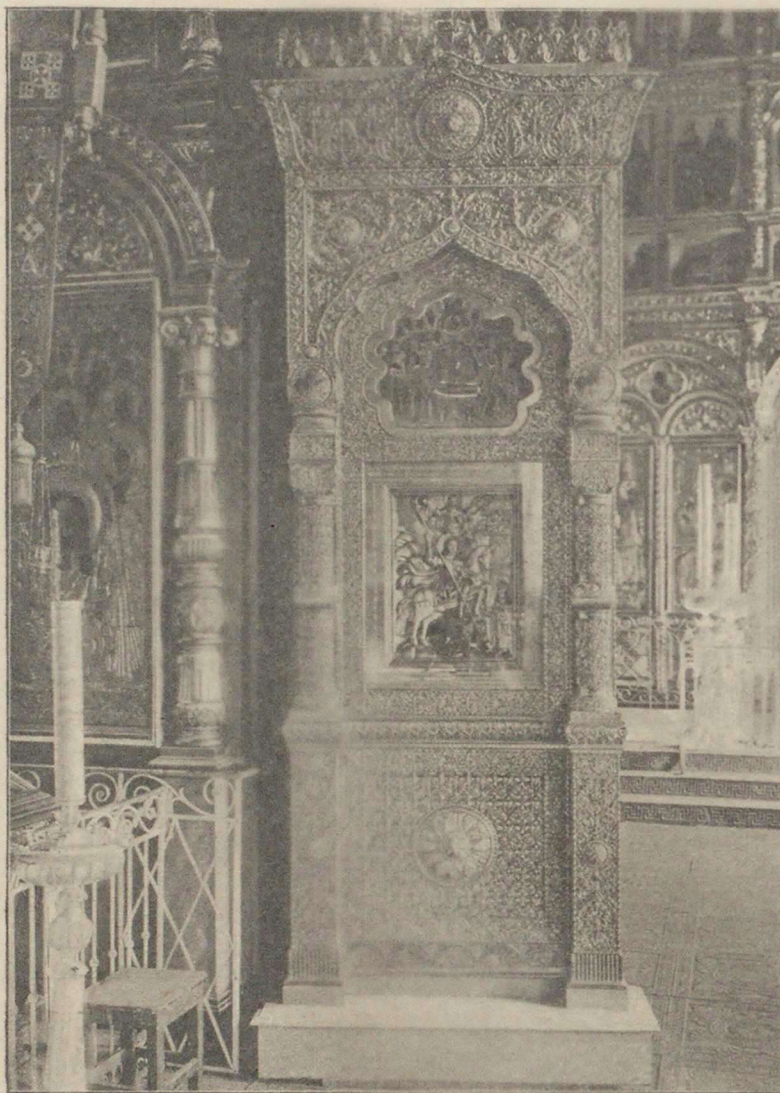
Внутри Бѣлаго Собора: кіота для храненія древней рѣзной иконы св. Георгія.

немъ этажѣ расположены квартиры для учителей, въ среднемъ — классы, а въ нижнемъ, полуподвальномъ, — помѣщенія для сторожей для ночлега дальнихъ учениковъ, а также для остановки дальнихъ прихожанъ постомъ, во время говѣнія, и подъ большіе праздники. Другая подобная школа построена имъ при вышеупомянутой

Храмъ во имя св. благовернаго князя Александра Невскаго,
сооруженный въ память неоднократнаго спасенія Царя-Освободителя отъ рукъ злодѣевъ.

положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, Никифоръ Михайловичъ, въ принципѣ сочувствуя руководству духовенства въ воспитаніи дѣтей, однимъ изъ первыхъ отозвался на это дѣло. Рядомъ съ Краснымъ соборомъ онъ выстроилъ на свои средства каменное трехъэтажное зданіе для двухклассной церковно-приходской школы. Въ верх-

Внутри Бѣлаго Собора: кіота для храненія древней рѣзаной иконы св. Георгія.

немъ этажѣ расположены квартиры для учителей, въ среднемъ — классы, а въ нижнемъ, полуподвальномъ, — помѣщенія для сторожей для ночлега дальнихъ учениковъ, а также для остановки дальнихъ прихожанъ постомъ, во время говѣнія, и подѣ большіе праздники. Другая подобная школа построена имъ при вышеупомянутой

Храмъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго,
сооруженный въ память неоднократнаго спасенія Царя-Освободителя отъ рукъ злодѣевъ.

церкви въ селѣ Алешинѣ... Третью соорудилъ онъ близъ своей дачи, въ селѣ Горкахъ; это была уже школа второклассная, которая готовила учителей для церковно-приходскихъ школъ грамоты.

Для полноты обзора церковной дѣятельности Н. М. Бардыгина, необходимо упомянуть о его стараніяхъ упорядочить праздничное времяпрепровожденіе сообразно требованіямъ Церкви.

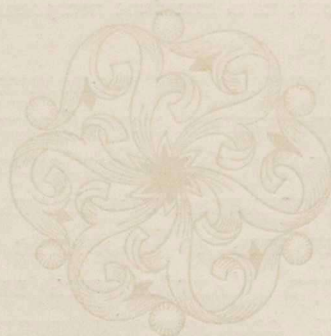
Ему, какъ чуткому христіанину, горько было видѣть, что всюду не только въ воскресные дни, но даже и въ большіе праздники шла до поздняго вечера обычная торговля, служащіе и работающіе въ ней

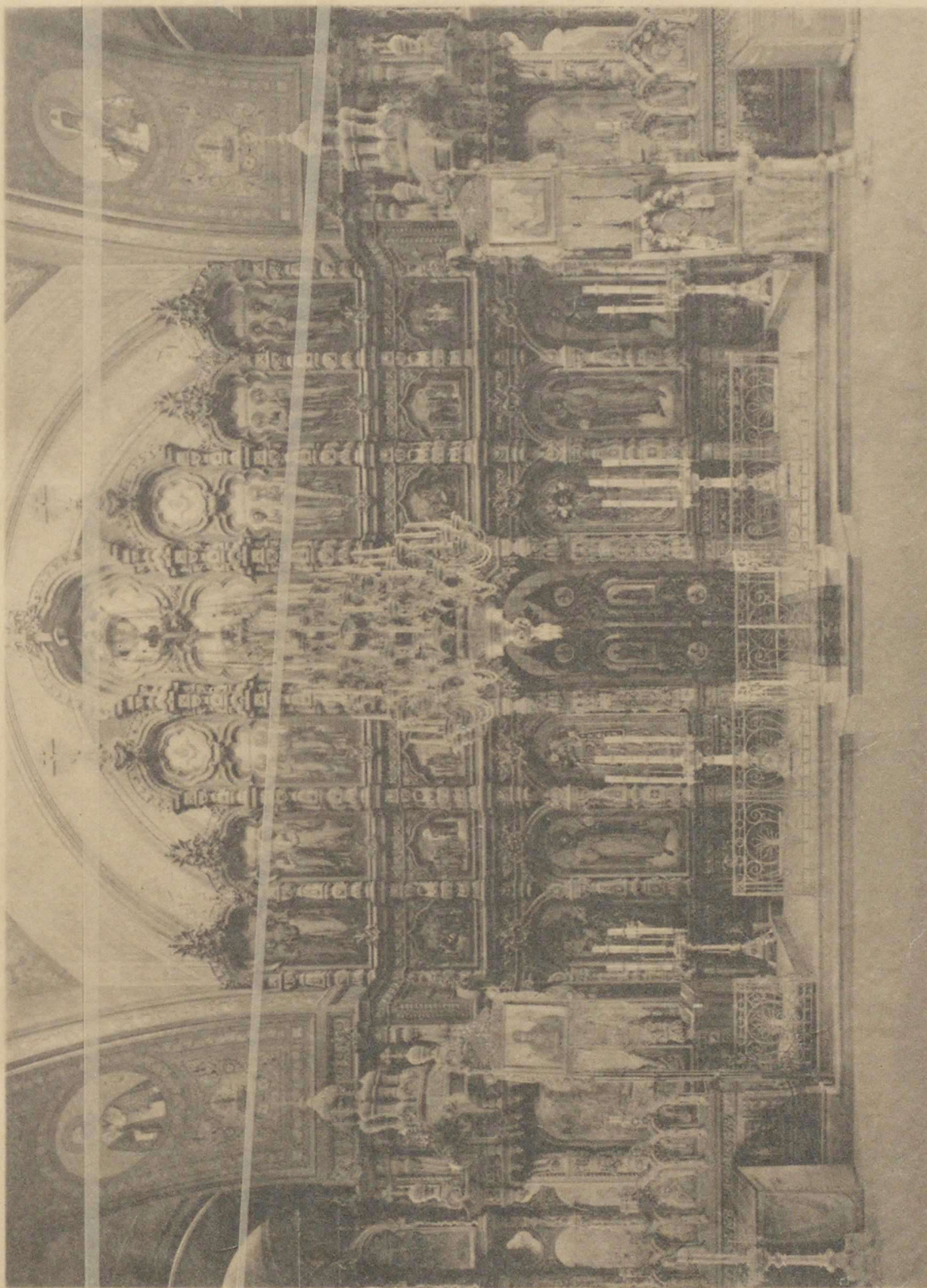

Церковно-приходская школа, какъ она была построена Н. М. Бардыгинымъ.

не имѣли ни физическаго отдыха, ни возможности удовлетворить хоть сколько-нибудь своимъ духовнымъ потребностямъ. Еще болѣе возмущало его, что въ праздники были свободно открыты винныя лавки и питейныя заведенія, отвлекая людей отъ христіанскаго провозженія времени и соблазняя ихъ на пьянство со всѣми его послѣдствіями. И вотъ, Никифоръ Михайловичъ выступаетъ въ думѣ съ докладомъ о совершенномъ воспрещеніи торговли въ воскресные и праздничные дни, за исключеніемъ торговли съѣстными припасами,

которая, по его проекту, однако, значительно сокращалась. Продажа питей совершенно воспрещалась въ большіе праздники, а въ воскресные дни сильно ограничивалась. Докладъ былъ принятъ думой съ полнымъ сочувствіемъ. Но, къ сожалѣнію, это постановленіе думы шло въ разрѣзъ съ политикою акцизнаго вѣдомства и потому было отмѣнено Рязанскимъ Губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіемъ. Тамъ противъ постановленія Егорьевской думы выдвинули цѣлый рядъ статей закона и къ каждой по нѣскольку сенатскихъ и министерскихъ разъясненій. Указали на 2 п. ст. 108 Гор. Полож., на разъясненіе къ нему Сената 26 января 1881 г., за № 727, и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 27 марта 1896 г., за № 3219; затѣмъ на ст. 14-ю Уст. о предупр. и пресѣч. прест. Изъ всего этого слѣдовало, что воспрещать торговлю въ праздники нельзя, ибо въ статьяхъ уставовъ говорится лишь о времени открытія и закрытія магазиновъ, а не о прекращеніи торговли. Наконецъ, указали на ст. 549-ю Уст. о питейн. сбор. и на разъясненіе Сената отъ 3 декабря 1891 г., за № 14492, изъ коихъ слѣдовало, что раздробительная продажа питей воспрещается лишь во время обѣдни, а затѣмъ должна совершаться невозбранно до 11 часовъ вечера. Но Никифоръ Михайловичъ не смутился, и на засѣданіи думы 9 сентября 1898 г., на которомъ было доложено объ отмѣнѣ присутствіемъ думскаго постановленія, рѣшено было разработать новый проектъ. Дѣлались различныя справки о постановкѣ дѣла въ другихъ городахъ, собирались предварительныя комиссіи и пр. До самой смерти не переставалъ Никифоръ Михайловичъ работать надъ этимъ вопросомъ, какъ это видно изъ постановленій думы 30 ноября 1900 г., 15 марта 1901 г. и др., но всѣ труды его оказались тщетными: правительство упорно продолжало проводить свою политику, до тѣхъ поръ пока не грянули событія 1905 г.

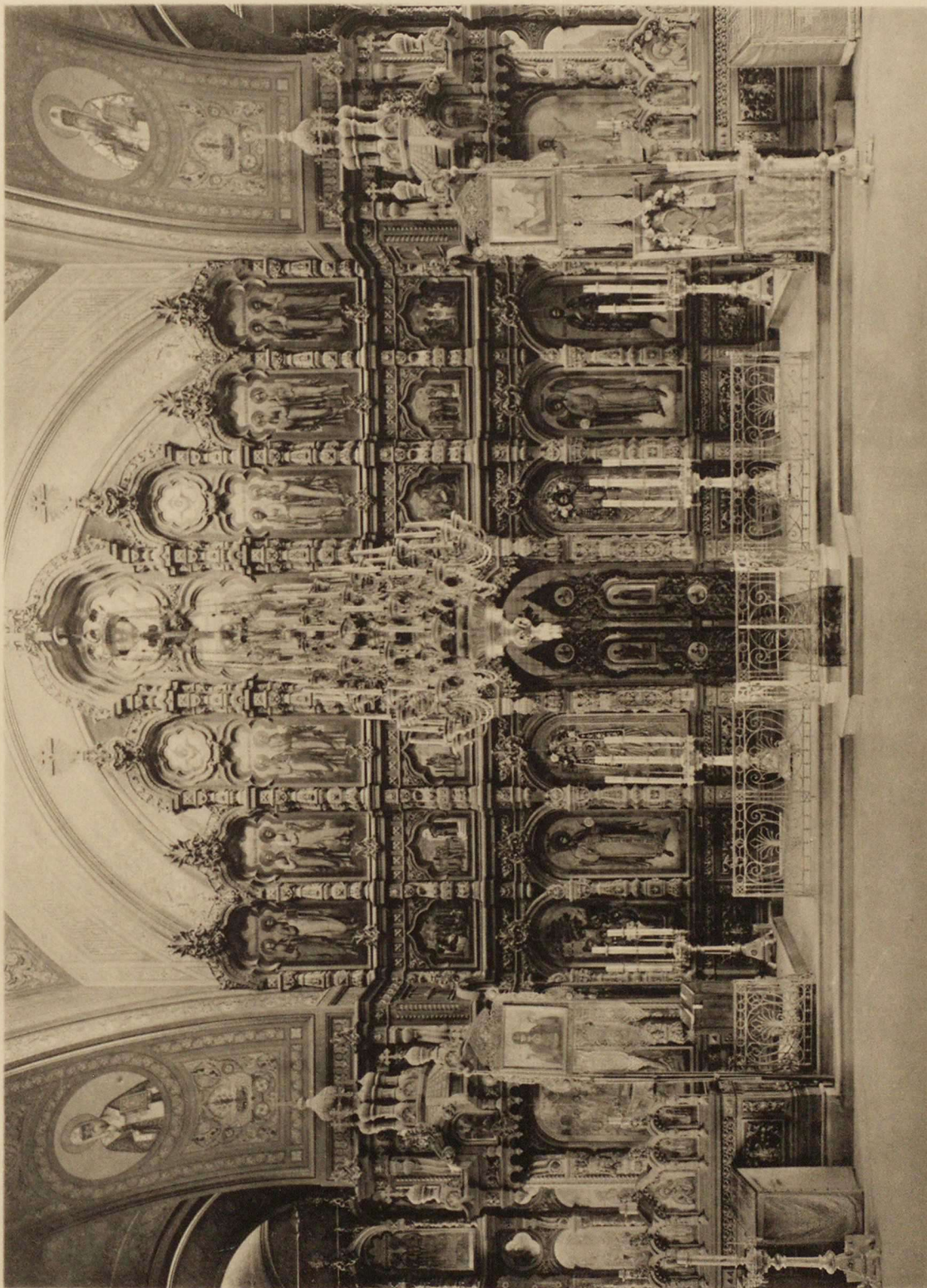

Внутри храма св. Александра Невского.

которая, по его проекту, однако, значительно сокращалась. Продажа питей совершенно воспрещалась въ большіе праздники, а въ воскресные дни сильно ограничивалась. Докладъ былъ принятъ думой съ полнымъ сочувствіемъ. Но, къ сожалѣнію, это постановленіе думы шло въ разрѣзъ съ политикою акцизнаго вѣдомства и потому было отмѣнено Рязанскимъ Губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіемъ. Тамъ противъ постановленія Егорьевской думы выдвинули цѣлый рядъ статей закона и къ каждой по нѣскольку сенатскихъ и министерскихъ разъясненій. Указали на 2 п. ст. 108 Гор. Полож., на разъясненіе къ нему Сената 26 января 1881 г., за № 727, и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 27 марта 1896 г., за № 3219; затѣмъ на ст. 14-ю Уст. о предупр. и пресѣч. прест. Изъ всего этого слѣдовало, что воспрещать торговлю въ праздники нельзя, ибо въ статьяхъ уставовъ говорится лишь о времени открытія и закрытія магазиновъ, а не о прекращеніи торговли. Наконецъ, указали на ст. 549-ю Уст. о пит. и н. сбор. и на разъясненіе Сената отъ 3 декабря 1891 г., за № 14492, изъ коихъ слѣдовало, что раздробительная продажа питей воспрещается лишь во время обѣдни, а затѣмъ должна совершаться не возбранно до 11 часовъ вечера. Но Никифоръ Михайловичъ не смутился, и на засѣданіи думы 9 сентября 1898 г., на которомъ было должно объ отмѣнѣ присутствіемъ думскаго постановленія, рѣшено было разработать новый проектъ. Дѣлались различныя справки о постановкѣ дѣла въ другихъ городахъ, собирались предварительныя комиссіи и пр. До самой смерти не переставалъ Никифоръ Михайловичъ работать надъ этимъ вопросомъ, какъ это видно изъ постановленій думы 30 ноября 1900 г., 15 марта 1901-г. и др., но всѣ труды его оказались тщетными: правительство упорно продолжало проводить свою политику, до тѣхъ поръ пока не грянули событія 1905 г.

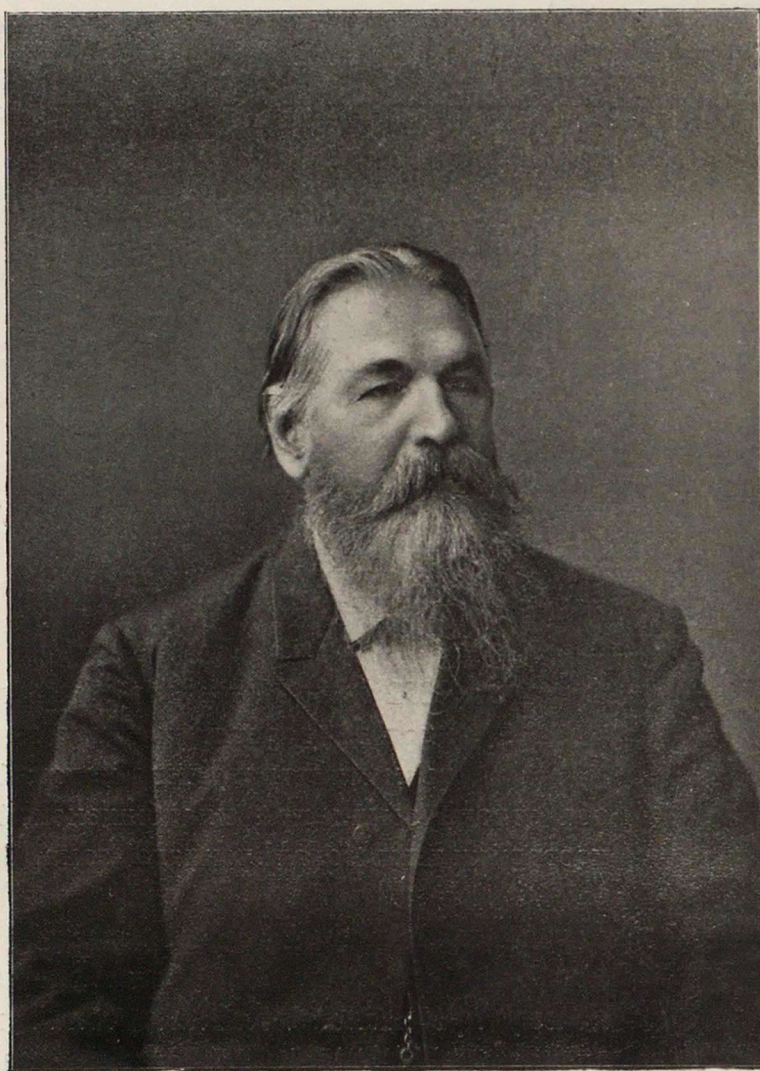
Внутри храма св. Александра Невского.

XVIII.

В

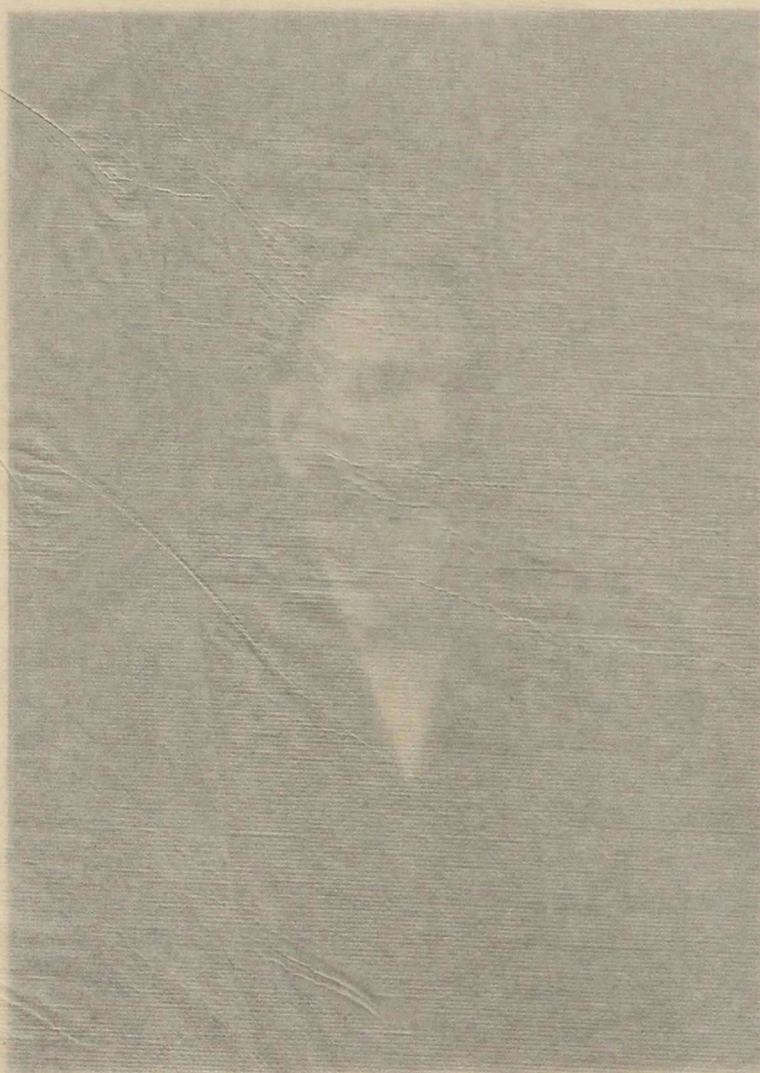
ъ 1892 году Никифоръ Михайловичъ обратился въ городскую думу съ заявленіемъ отъ неизвѣстнаго лица, ходатайствовавшего объ отводѣ земли при кладбищенской церкви для постройки тамъ богадѣленнаго дома. Земля, конечно, была отведена и на ней былъ воздвигнутъ кирпичный корпусъ въ два этажа. Богадѣльня могла-бы помѣститься и въ меньшемъ зданіи, но ему предназначалось иное, болѣе широкое назначеніе. «Неизвѣстнымъ лицомъ» на этотъ разъ была жена Никифора Михайловича, Марія Владиміровна, у которой возникла мысль учредить, кромѣ богадѣльни, еще женскую общину, а впослѣдствіи обратить кладбищенскую церковь и общину въ монастырь. Бывши значительно моложе своего супруга, она ожидала, что ей придется рано или поздно остаться вдовой, и предполагала въ этомъ монастырѣ провести тогда остатокъ дней своихъ. Все это было ея завѣтными

Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ въ 1885 году.

Свято-Троицкий Маринский девичий монастырь.

Михаил Михайлович Барышников

Свято-Троицкий Маринский девичий монастырь.

мечтами, но ей не привелось осуществить даже и построения монастыря: черезъ пять лѣтъ она скончалась неожиданно, во цвѣтъ лѣтъ, отъ внезапно открывшейся и быстро развившейся болѣзни.

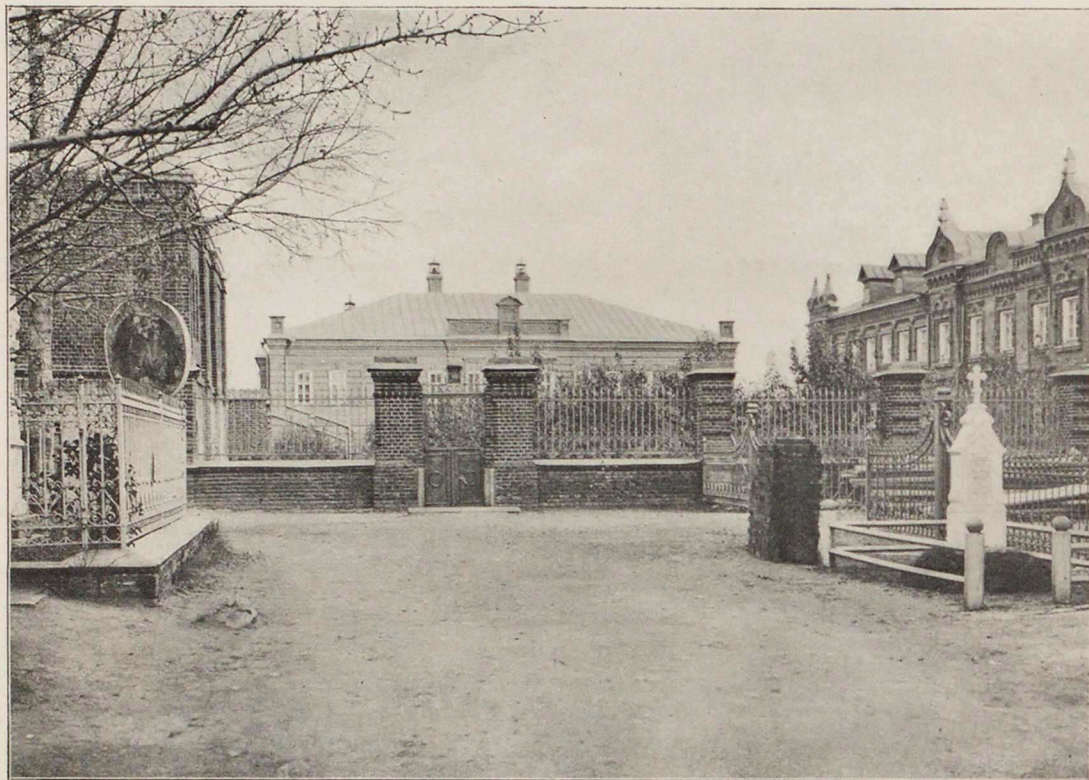
Никифоръ Михайловичъ былъ глубоко потрясенъ этой преждевременной кончиной Маріи Владиміровны, которая всегда отлича-

Иванъ Тимоѣевичъ Барютинъ.

лась крѣпкимъ здоровьемъ и при томъ строгомъ и скромномъ образѣ жизни, который она вела, должна была бы жить долго. На кіотѣ, вѣнчающемъ ея могилу, онъ помѣстилъ слова Спасителя: «бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа, въ онъ же Сынъ Человѣческій пріидетъ», и могила эта, дѣйствительно, болѣе чѣмъ что либо другое, объясняетъ здѣсь каждому смыслъ этого изрѣченія Спасителя.

Овдовѣвъ во второй разъ, Никифоръ Михайловичъ сильнѣе прежняго отдается религіозному настроенію и потому его общественная дѣятельность съ этихъ поръ принимаетъ по преимуществу характеръ церковный и благотворительный. Такъ какъ онъ чувствовалъ, что смерть незамѣнимой его подруги жизни окончательно надломила его силы, то онъ, вскорѣ послѣ этого удара, въ письмѣ къ своему сыну изложилъ свои мысли и предположенія въ этомъ отношеніи. Въ этомъ

Видъ внутри монастыря.

письмѣ онъ проситъ его устроить въ Егорьевскѣ, во-первыхъ, монастырь и, во-вторыхъ, учебное заведеніе. Никифоръ Михайловичъ опредѣлялъ приблизительныя крупныя суммы на то и другое и въ общихъ чертахъ указывалъ основанія ихъ устройства. Богъ судилъ пожить ему еще, но самъ онъ успѣлъ исполнить только часть своихъ предположеній по устройству монастыря.

Въ 1900 году Никифоръ Михайловичъ почувствовалъ себя особенно слабымъ и тогда передалъ своему сыну формальное духовное завѣщаніе, въ которомъ, однако, говорилось только о капиталѣ на довершеніе устройства монастыря. Когда же сынъ спросилъ его:

развѣ онъ отложилъ свою мысль о постройкѣ Егорьевску училища? то онъ отвѣтилъ «нѣтъ, но я не упомянулъ объ этомъ въ завѣщаніи потому, что увѣренъ, что ты самъ и безъ того, когда тебѣ это будетъ возможно, исполнишь это лучше, чѣмъ предполагаю я».

Никифоръ Михайловичъ, какъ уже сказано, всецѣло раздѣлялъ мысль покойной Маріи Владиміровны объ устройствѣ въ Егорьевскѣ женскаго монастыря. Это было ему по сердцу еще и потому, что ему хотѣлось видѣть близъ себя своихъ сестеръ-инокинь: Поликсенію (Анастасію) и Олимпіаду (Ольгу), которыхъ онъ имѣлъ въ виду перевести сюда изъ Коломенскаго Брусенскаго монастыря. Тотчасъ же послѣ смерти Маріи Владиміровны онъ приступилъ къ расширенію и украшенію построенной имъ Троицкой церкви. Подъ руководствомъ московскаго архитектора Ивана Тимоѣевича Барютина (преемника А. С. Каминскаго), который руководилъ всѣми сооруже́ніями и всѣми архитектурными работами Никифора Михайловича, расписывались стѣны священными изображеніями и орнаментомъ въ стилѣ XVII вѣка, перезолачивались иконостасы, поновлялись иконы, приобрѣталась новая утварь. Вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшно достраивалось зданіе для богадѣльни и будущей общины, и 25 августа 1898 года, въ день первой годовщины со дня смерти Маріи Владиміровны, богадѣльня была открыта.

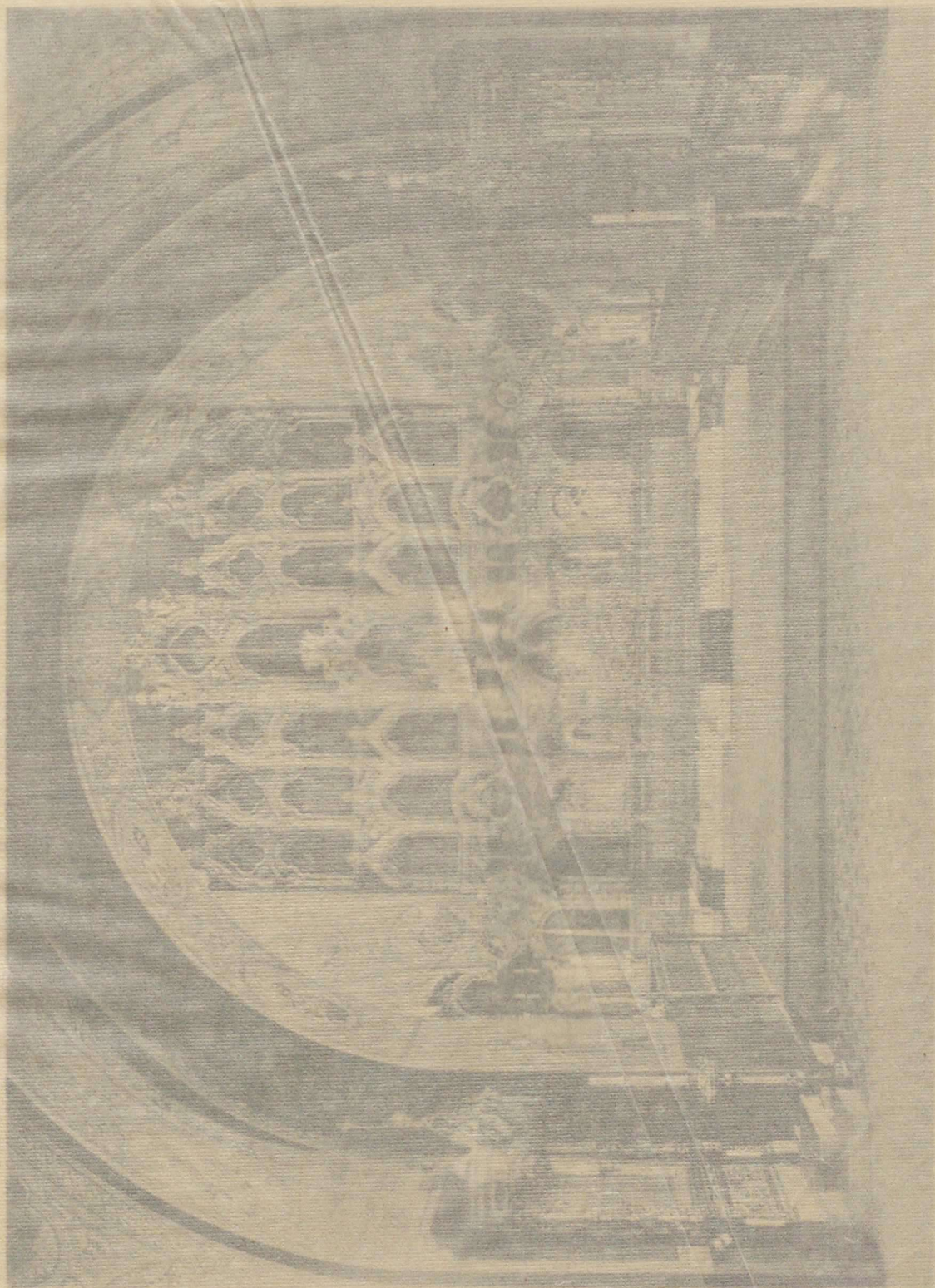
Въ 1899 году Никифоръ Михайловичъ приступилъ къ сооруже́нію второго каменнаго корпуса съ южной стороны кладбища. Тогда-же, кладбище было расширено, и вокругъ Троицкаго храма и всѣхъ окружающихъ его строеній заложена была красивая каменная ограда съ башнями. 12-го апрѣля 1899 года было подано прошеніе объ открытіи при кладбищенской церкви Свято-Троицкой женской общины, основанной, также какъ и богадѣльня, въ память покойной Маріи Владиміровны, почему общинѣ было присвоено названіе и Маріинской. Община была утверждена и, къ началу ея открытія сестеръ вмѣстѣ съ старицами-богадѣлками было уже 86 человѣкъ. Открытіе общины было приурочено ко дню второй годовщины со дня смерти Маріи Владиміровны, 25 августа 1899 года, и обставлено было большою торжественностью.

На слѣдующій годъ женская община была преобразована въ Свято-Троицкій Маріинскій общежительный монастырь. Открытіе его, приуроченное къ третьей годовщинѣ по смерти Маріи Владиміровны, 25 августа 1900 года, сопровождалось еще большимъ торжествомъ. За три дня до открытія прибыла отъ Троице-Сергіевой лавры въ благословеніе ново-учреждаемой обители икона преподобнаго Сергія, точный

снимокъ съ находящейся надъ мощами его, которая была встрѣчена крестнымъ ходомъ при множествѣ хоругвей и иконъ изъ всѣхъ егорьевскихъ церквей, при многочисленномъ духовенствѣ и среди торжественнаго праздничнаго звона. 25 августа, послѣ литургіи, прочитанъ былъ указъ св. Синода о переименованіи общины въ монастырь и совершенъ актъ врученія посоха первой игуменіи новаго монастыря, монахинѣ Олимпіадѣ.

Этимъ заканчивается несложная исторія Егорьевскаго женскаго монастыря, которому всего черезъ годъ суждено было стать и мѣстомъ упокоенія своего основателя, Никифора Михайловича.

При посѣщеніи этой обители не знаешь, чему болѣе удивляться: красотѣ-ли ея убранства и блеску новизны и свѣжести, поддерживаемому заботливыми руками сестеръ или тому старинному вѣянью, которое невольно охватываетъ посѣтителя. Вотъ передъ нами монастырскія стѣны: стильныя круглыя и четырехугольныя башни среди нихъ и по угламъ и вышки по сторонамъ Святыхъ воротъ, напоминающія вышку около Спасскихъ воротъ на стѣнѣ Московскаго Кремля, напѣваютъ о временахъ стародавнихъ. По входѣ въ ворота — какъ-бы обнимающая васъ паперть Троицкой церкви, а надъ ней высится колокольня съ башенными часами, каждую четверть часа вызванивающими мелодію, еще болѣе переносящую мысль къ Святымъ воротамъ Кремля. Вы входите въ церковь и сразу поражаетесь внутреннимъ убранствомъ. Теремный ли дворецъ Алексѣя Михайловича отдалъ сюда свои стѣны? Или каноны Дамаскина и мелодіи Знаменнаго распѣва въ видѣ пестрыхъ струй густо переплелись между собою? Позлащенный, весь изъ рѣзбы иконостасъ, священные лики на золотыхъ фонахъ, густой, безконечно разнообразный орнаментъ, сіяющая утварь и въ общемъ скромный, темноватый колоритъ, какъ и подобаетъ монастырю, что, однако, не мѣшаетъ всему наводить растроганнаго зрителя на свѣтлыя мысли, гармонирующія съ массой свѣта, льющагося извнѣ въ широкія окна храма...

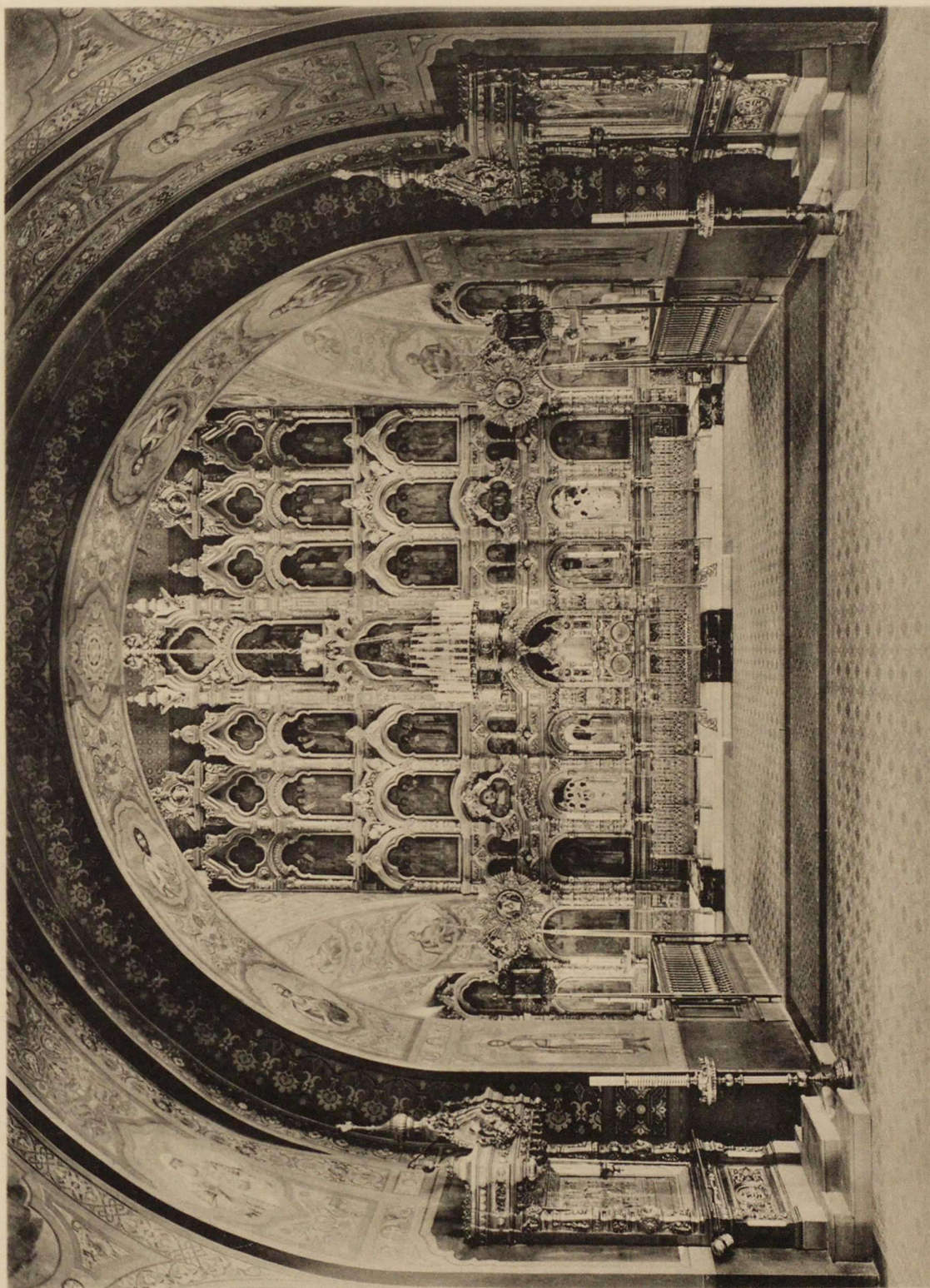

Внутри Свято-Троицкой церкви.

снимокъ съ находящейся надъ мощами его, которая была встрѣчена крестнымъ ходомъ при множествѣ хоругвей и иконъ изъ всѣхъ егорьевскихъ церквей, при многочисленномъ духовенствѣ и среди торжественнаго праздничнаго звона. 25 августа, послѣ литургіи, прочитанъ былъ указъ св. Синода о переименованіи общины въ монастырь и совершѣнъ актъ врученія посоха первой игуменѣ новаго монастыря, монахинѣ Олимпіадѣ.

Этимъ заканчивается несложная исторія Егорьевскаго женскаго монастыря, которому всего черезъ годъ суждено было стать и мѣстомъ упокоенія своего основателя, Николая Михайловича.

При посѣщеніи этой обители не можешь, чему болѣе удивляться: красотѣ-ли ея убранства и блеску позолоты и свѣдѣсти, поддерживаемому заботливыми руками сестеръ или тому старинному вѣянью, которое невольно охватываетъ посѣтителя. Едутъ передъ нами монастырскія стѣны: стильныя круглыя и четырехугольныя башни среди нихъ и по угламъ и вышки по сторонамъ. Святыхъ иррозъ, напоминающихъ эмблему около Спасскихъ воротъ на стѣнѣ Московскаго Кремля, напоминаютъ о временахъ стародавнихъ. По входѣ въ ворота — какъ-бы обаявающая васъ паперть Троицкой церкви, а надъ ней висится колоколенка съ башенными часами, каждую четверть часа извѣстивающими время. Еще болѣе переносящую мысль къ Святыхъ воротамъ Кремля, вы увидите въ церковь и сразу поражаетесь внутреннимъ убранствомъ. Неужели дворецъ Алексѣя Михайловича отдалъ сюда свои избытки? Или каноны Дамаскина и мелодіи Знаменнаго распѣва въ этихъ просторныхъ струй густо переплелись между собой? Позлащенный, какъ и резьбы иконостасъ, священные лики на золотыхъ фонахъ, густой, разнообразный орнаментъ, сіяющая утварь и въ общемъ скромный, темноватый колоритъ, какъ и подобаетъ монастырю, что, однако, не мѣшаетъ всему наводить растеряннаго зрителя на свѣтлыя мысли, гармонирующія съ массой свѣта, лиющагося извнѣ въ широкія окна храма...

Внутри Свято - Троицкой церкви.

XIX.

дѣсь кстати будетъ привести изъ монастырской лѣтописи краткія свѣдѣнія объ инокиняхъ-сестрахъ Никифора Михайловича.

«1900 года, 7 марта, скончалась проживавшая въ новооткрытой общинѣ схимонахиня Поликсенія (въ міру Анастасія Бардыгина). Съ 12-лѣтняго возраста она поступила въ Коломенскій Брусенскій монастырь и тамъ проживала до послѣднихъ чиселъ февраля 1900 года. Больная физически, истощенная отъ аскетизма и старости, она уже болѣе года еле двигалась и съ декабря 1889 года слегла въ постель. Чувствуя недалекій моментъ смерти, она выписала въ Коломну родныхъ и заявила свое непремѣнное желаніе переселиться на послѣдніе дни въ Егорьевскъ и помереть тамъ, въ новой обители. Уговоры монахинь, укоры ихъ и увѣщанія, что около 50 лѣтъ провела она въ Брусенскомъ монастырѣ и на самомъ склонѣ лѣтъ оставляетъ его, не могли остановить намѣренія монахини, и ее, больную, перевезли. Въ Егорьевскѣ

она прожила ровно 2 недѣли и 7 марта, въ 12 часовъ дня, скончалась на 62 году отъ рожденія. Она первая схимонахиня нашей обители и первую изъ монашествующихъ ее хоронили на мѣстномъ кладбищѣ».

Вторая изъ монашествующихъ сестеръ Никифора Михайловича схимонахиня Фелицата (въ міру Акилина), большая подвижница, скончалась въ Коломенскомъ Брусенскомъ монастырѣ. Семь послѣднихъ лѣтъ своей жизни она провела въ молчальничествѣ. О третьей же сестрѣ Никифора Михайловича, монахинѣ Олимпіадѣ, бывшей

Брусенскій дѣвичій монастырь въ г. Коломнѣ.

первой игуменіей Троицкаго Маріинскаго монастыря, приведемъ свѣдѣнія также изъ монастырской лѣтописи.

«Первая игуменія, изъ рода Бардыгиныхъ, въ міру называлась Ольгою. Еще дѣвочкою, часто бывая у старшихъ сестеръ своихъ, бывшихъ монахинями Коломенскаго Брусенскаго монастыря, строгихъ подвижницъ, принявшихъ впослѣдствіи схиму и извѣстныхъ подъ именами схимонахинъ Фелицаты и Поликсеніи, она возымѣла благую мысль и себя посвятить на служеніе дѣлу своего спасенія. Первыя заявленія объ этомъ желаніи встрѣтили со стороны ея родителей рѣзкій отказъ,—имъ хотѣлось воспитать ее при семьѣ и впослѣдствіи

видѣть пристроенную въ замужествѣ за какимъ-либо добрымъ человѣкомъ. Но спустя нѣкоторое время они убѣдились, что не пустое увлеченіе монашеской рясой руководить дѣвицей въ ея стремленіи, а искреннее призваніе, ниспосланное самимъ Господомъ Богомъ. 15-лѣтняя Ольга неупустительно посѣщала всѣ церковныя въ соборѣ богослуженія, уединялась отъ всѣхъ, чтобы предаваться молитвѣ и чтенію священныхъ книгъ, отказалась отъ обычныхъ дѣтскихъ развлеченій, игръ и нарядовъ, перестала вкушать скоромную пищу и одновременно не переставала упрашивать

Памятникъ надъ могилой первой настоятельницы Свято-Троицкаго Маріинскаго монастыря игуменіи Олимпіады.

родителей и умолять со слезами не лишать ее небеснаго вѣнца. Все это превозмогло родительскую настойчивость. Помолившись Богу и посовѣтовавшись со своимъ духовникомъ и крестнымъ отцомъ дочери, соборнымъ священникомъ, о. Лаврентіемъ Спасскимъ, они дали свое согласіе. Вскорѣ послѣ этого, напутствуемая молитвами и благословеніемъ, юная Ольга поступаетъ въ вышеупомянутый Коломенскій монастырь. Помѣщенная въ одной келліи со своими сестрами-монахинями, она нашла въ нихъ вѣрныхъ и строгихъ руководительницъ въ трудной монашеской жизни. Юная послушница,

старалась не отставать отъ старшихъ монахинь и сестеръ въ богомыслии и усвоеніи церковно-монастырскаго и келейнаго порядка, воспитывая въ себѣ строгую подвижницу, отдавшуюся всѣмъ сердцемъ и душою на служеніе Господу Богу и Его Пречистой Матери. Жизнь ея подъ благодатною сѣнью святой обители потекла скромно, тихо, мирно со всѣми и съ собою; она безропотно проходила всѣ послушанія, со смиреніемъ и кротостью выслушивала назиданія и добрые совѣты старшихъ и, слѣдуя неуклонно этимъ лишь путемъ, достигла того, что, несмотря на недостаточный возрастъ для монашества, была возведена въ санъ монахини: ей было всего 34 года, когда она получила вмѣстѣ съ саномъ и имя Олимпіады. На 54-мъ году Господу Богу угодно было призвать ее на многотрудное служеніе. Открывается новая женская обитель въ Егорьевскѣ, которую населяютъ дѣвицы юныя, неопытныя, не вѣдающія иноческихъ трудностей, соблазновъ и искушеній. Чтобы управлять этой утлою ладьею по бурному житейскому морю и привести ее ко спасенію, нуженъ былъ и кормчій очень свѣдушій, все испытавшій и на себѣ извѣдавшій бури и невзгоды опаснаго плаванія. И жребій палъ на тихую и кроткую монахиню Коломенскаго Брусенскаго монастыря Олимпіаду, проходившую должность казначеи въ прежней нашей общинѣ».

Игуменія Олимпіада управляла обителью всего только 6½ лѣтъ, живя въ скромномъ небольшомъ помѣщеніи среди еще болѣе скромной обстановки и подавая всему монастырю примѣръ величайшаго смиренія. Посторонніе никогда не могли отличить ее отъ прочихъ инокинь. Сестры-инокини горячо любили ее и велика была ихъ скорбь, когда 15 января 1907 года она неожиданно скончалась отъ воспаления легкихъ послѣ непродолжительной болѣзни, 60 лѣтъ отъ роду. 18-го января она была погребена преосвященнымъ Никодимомъ въ Троицкомъ храмѣ, у правой стѣны придѣла св. Никифора-патріарха. Въ надгробномъ кіотѣ надъ ея могилой поставленъ образъ Спасителя, совершившаго омовеніе ногъ своимъ ученикамъ, а внизу написаны слова Его: «образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите такожде». (См. приложение II.)

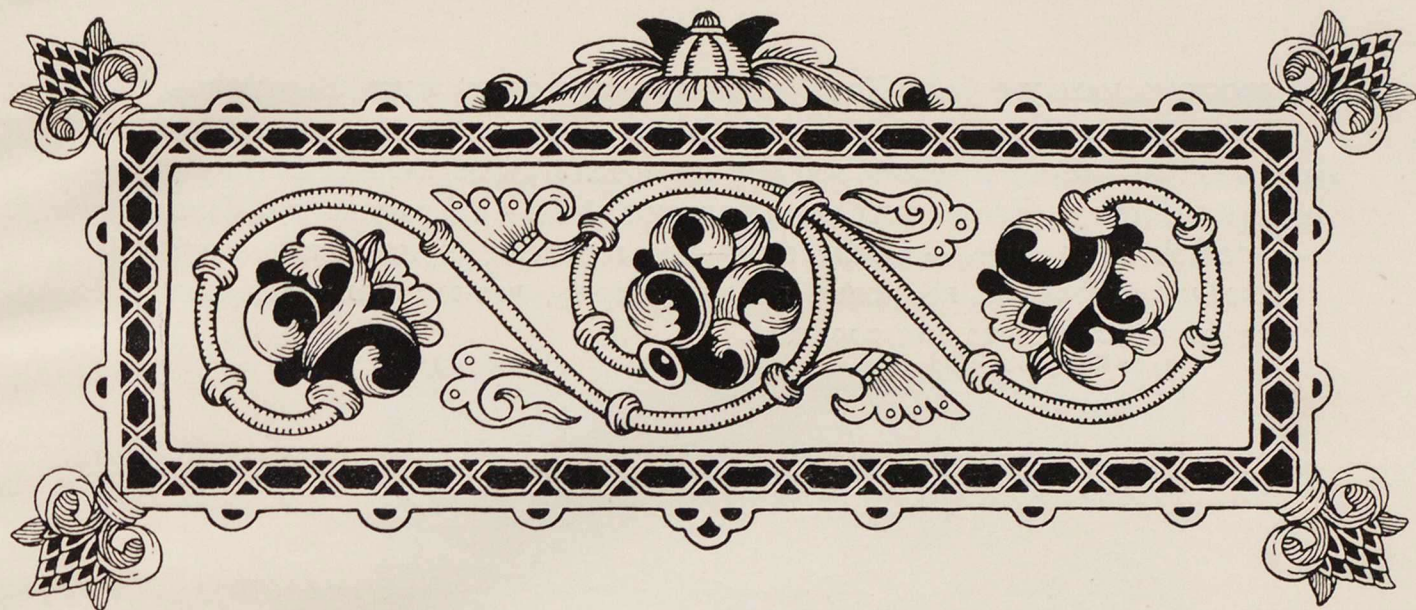
Портретъ Н. М. Бардыгина,
постановленный по постановленію Егорьевской Городской Думы въ залъ ея засѣданій.

старалась не отставать отъ старшихъ монахинь и сестеръ въ богомыслии и усвоеніи церковно-монастырскаго и келейнаго порядка, воспитывая въ себѣ строгую подвижницу, отдавшуюся всѣмъ сердцемъ и душою на служеніе Господу Богу и Его Пречистой Матери. Жизнь ея подъ благодатною сѣнью святой обители потекла скромно, тихо, мирно со всѣми и съ собою: она безропотно проходила всѣ послушанія, со смиреніемъ и кротостью выслушивала назиданія и добрые совѣты старшихъ и, слѣдуя неуклонно этимъ лишь путемъ, достигла того, что, несмотря на недостаточный возрастъ для монашества, была возведена въ санъ монахини: ей было всего 34 года, когда она получила вмѣстѣ съ саномъ и имя Олимпіады. На 34-мъ году Господу Богу угодно было призвать ее на многотрудное служеніе. Открывается новая женская обитель въ Егорьевскѣ, которую населяютъ дѣвицы юныя, неопытныя, не вѣдающія иноческихъ трудностей, соблазновъ и искушеній. Чтобы управлять этой утлою, надо по бурному житейскому морю и привести ее ко спасенію, надо быть и кормчіей очень свѣдущей, все испытавшей и на себѣ испытавшей бури и невзгоды опаснаго плаванія. И жребій палъ на тихую и кроткую монахиню Коломенскаго Брусенскаго монастыря Олимпіаду, проходившую должность казначей въ прежней нашей общинѣ.

Игуменія Олимпіада управляла обителью всего только 6½ лѣтъ, живя въ скромномъ небольшомъ помѣщеніи среди еще болѣе скромной обстановки и подавая всему монастырю примѣръ величайшаго смиренія. Посторонніе никогда не могли отличить ее отъ прочихъ инокинь. Сестры-инокини горячо любили ее и велика была ихъ скорбь, когда 15 января 1907 года она неожиданно скончалась отъ воспаленія легкихъ послѣ непродолжительной болѣзни, въ лѣтъ отъ роду. 18-го января она была погребена преосвященнымъ Исидоромъ въ Троицкомъ храмѣ, у правой стѣны придела св. Илариона-патріарха. Въ надгробномъ кіотѣ надъ ея могилой поставленъ образъ Спасителя, совершившаго омовеніе ногъ своимъ ученикамъ, а внизу написаны слова Его: «образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ омыръ, и вы творите такожде». (См. приложение II.)

Портретъ Н. М. Бардыгина,
постановленный по постановленію Егорьевской Городской Думы въ залъ ея засѣданій.

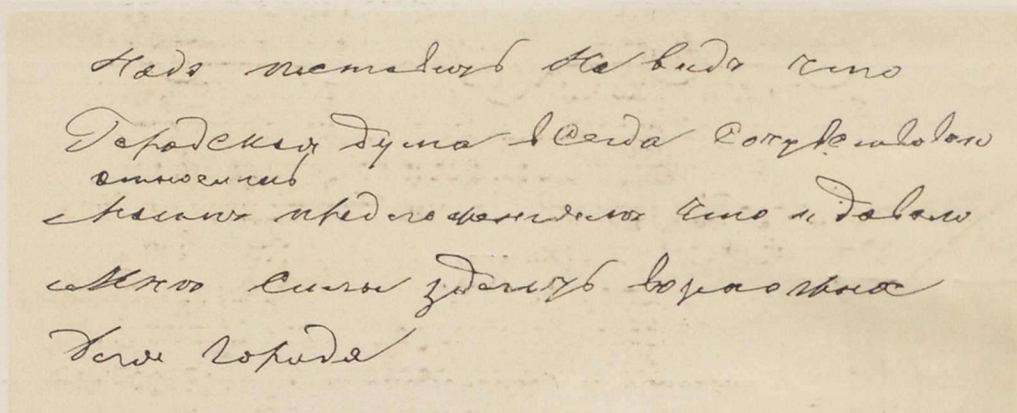
XX.

И

еустанно и безпрерывно въ теченіе 29 лѣтъ трудился Никифоръ Михайловичъ въ должности городского головы, отдавая городу всѣ свои силы и энергію. За это время Егорьевскъ постепенно превратился изъ глухого фабричнаго поселка въ большой благоустроенный городъ, благоустроенный не въ одной лишь своей матеріальной и внѣшней сторонѣ: своимъ трудомъ и нравственнымъ примѣромъ Никифоръ Михайловичъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія горожанъ, сумѣлъ сплотить ихъ и одушевить любовью къ общественному дѣлу и придать городу опредѣленную нравственную фizioномію, столь тусклую и мертвенную у огромнаго большинства русскихъ провинціальныхъ центровъ.

Можно легко представить себѣ, какъ относились егорьевскіе горожане къ своему головѣ. Его вліяніе въ городѣ было очень велико. Въ засѣданіяхъ думы его голосъ являлся самымъ компетентнымъ и мнѣніе всегда было рѣшающимъ. Постоянное переизбраніе его послѣ каждого четырехлѣтія на слѣдующее являлось для Егорьевска своего рода естественнымъ закономъ, ибо довѣріе горожанъ къ Никифору Михайловичу было безгранично. Это въ свою очередь было источникомъ неослабной энергіи для Никифора Михайловича въ его трудахъ; егорьевская городская община и ея излюбленный руководитель какъ бы

срослись между собой. Какъ понималъ эту связь самъ Бардыгинъ, видно, между прочимъ, изъ подлинныхъ его словъ въ письмѣ къ сыну по поводу присланнаго ему на просмотръ перваго опыта изданія исторіи г. Егорьевска (подъ редакціей И. Ф. Токмакова). «Надо поставить на видъ,—писалъ онъ,—что городская дума всегда сочувственно относилась къ моимъ предложеніямъ, что и давало мнѣ силы сдѣлать возможное для города».

Надо поставить на видъ что
Городская дума всегда сочувственно
относилась
къ моимъ предложеніямъ что и давало
мнѣ силы сдѣлать возможное
для города

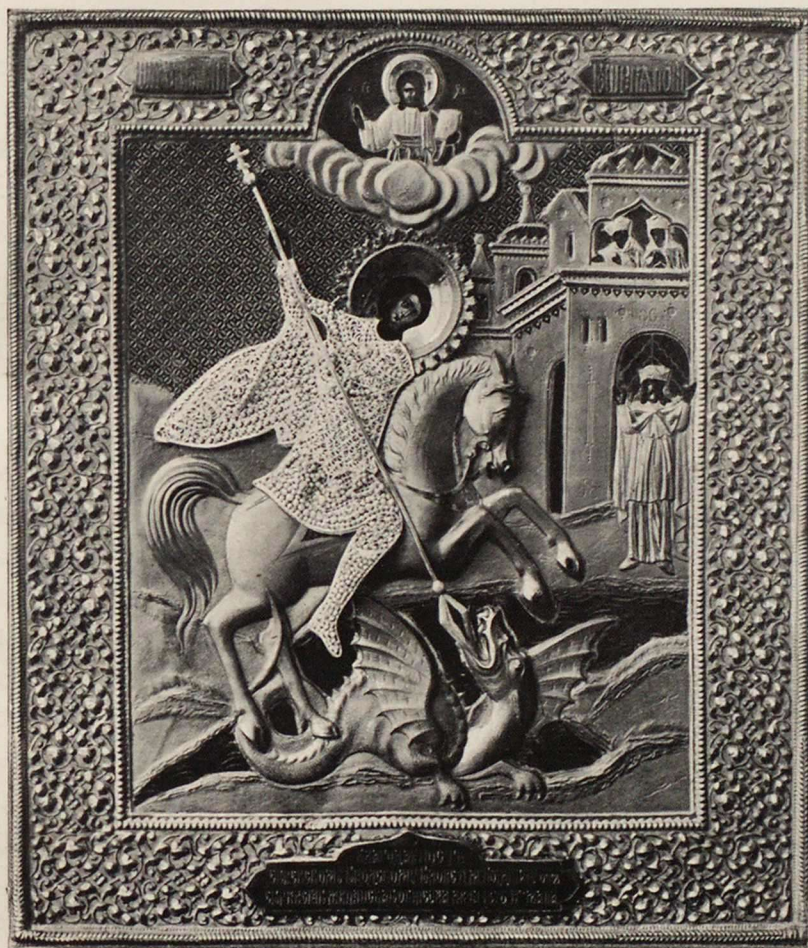
Въ концѣ перваго - же четырехлѣтія въ засѣданіи думы подѣ председательствомъ товарища городского головы 1-го декабря 1875 года было постановлено ходатайствовать о предоставленіи Никифору Михайловичу званія почетнаго гражданина, что и было утверждено. Въ 1876 г. мѣщанское общество поднесло ему икону св. Георгія и почетный адресъ, который мы выдѣляемъ изъ множества остальныхъ и помѣщаемъ здѣсь. Любопытенъ тонъ этого адреса, непосредственно искренній и всецѣло отражающій чувства огромнаго большинства егорьевскаго населенія—къ своему головѣ въ самомъ началѣ его общественной работы. Этотъ адресъ былъ всегда особенно дорогъ Никифору Михайловичу, какъ первая, окрылившая его и вполнѣ искренняя оцѣнка. Вотъ этотъ документъ.

«Милостивый Государь, уважаемый Никифоръ Михайловичъ!

Егорьевское мѣщанское общество, бывшее въ собраніи 4 числа сего мая по общественнымъ дѣламъ, постановило: за особенно дѣятельныя и полезныя дѣйствія Ваши для егорьевскаго городского общества, поднести Вамъ отъ здѣшняго мѣщанскаго общества адресъ въ знакъ благодарности и искренней признательности. Почему мы, из-

ложивъ сіе въ настоящемъ адресѣ, надѣмся на сочувственное отъ Васъ принятіе такового.

Въ настоящемъ дѣлѣ совѣсть наша вполне говоритъ, что дѣятельность Ваша для общественнаго блага блистала съ первыхъ временъ, когда только Вы участвовали въ общесловныхъ собраніяхъ, чрезъ поданіе Вами всеполезнѣйшихъ для общества мнѣній, которыя всецѣло

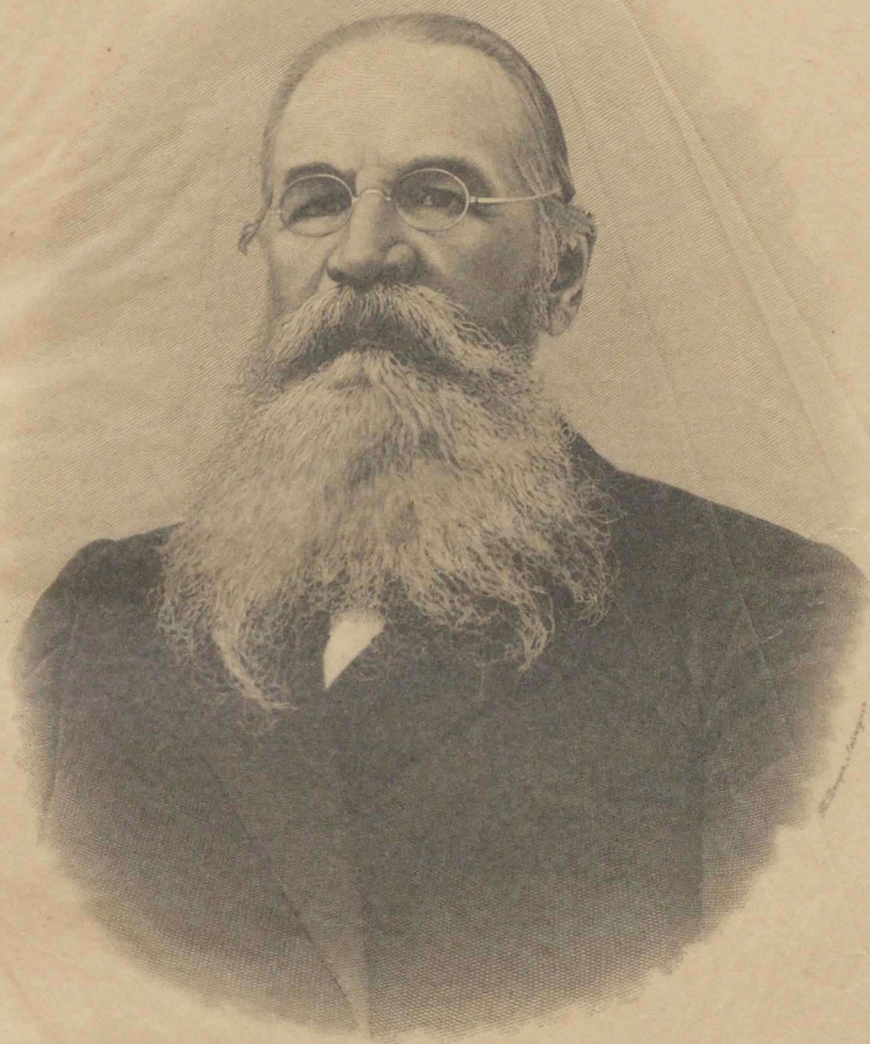

Икона св. Георгія, поднесенная Н. М. Бардыгину мѣщанскимъ обществомъ г. Егорьевска въ 1876 году.

вліяли на постановленія въ общественныхъ приговорахъ правильныхъ рѣшеній и такихъ, которыя успѣшно получали вполне полезнѣйшіе результаты для города. Затѣмъ при введеніи въ дѣйствіе новаго Городового Положенія, которымъ попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству предоставлено самому общественному управленію и когда потому городское общество особенно старалось изыскать себѣ руководителя и дѣятеля, то Вы, уважаемый Никифоръ

Михайловичъ, упрощены были городскими избирателями быть на этомъ трудномъ поприщѣ городскимъ головою. Съ принятіемъ Вами сей обязанности, мы видимъ самое дѣятельное распоряженіе къ усовершенствованію городского благоустройства и хозяйства, которыя въ короткій періодъ такъ осуществились, что нашъ городъ, полагаемъ, можно поставить примѣромъ другимъ: въ настоящее время прекращены прежде бывшіе разгулы, безпорядки и неприличія на городскихъ улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ; къ улучшенію торговли возведены цѣнные корпуса общественныхъ лавокъ, устроены вполне удобнѣйшіе городскіе вѣсы, каковыя сооруженія приносятъ для города значительный доходъ; сооружается удобная дорога съ мостомъ къ егорьевской станціи; устроены мостовыя, заведено необходимое освѣщеніе города; усовершенствуются прежнія учебныя заведенія и учреждена вновь прогимназія; на затрату-же всего этого значительной денежной суммы Вами изысканы новые источники городскихъ доходовъ безъ особенныхъ на жителей налоговъ; чрезъ принятіе благоразумныхъ распоряженій въ городѣ встрѣчающіеся пожары быстро прекращаются; и вотъ, наконецъ, къ обезпеченію полного усовершенствованія общаго благосостоянія нашего, устраивается водопроводъ съ бассейнами, на который Вы, какъ первый и соревнователь, пожертвовали изъ своей собственности значительную денежную сумму. Уважаемый Никифоръ Михайловичъ! Несмотря на принадлежащее Вамъ отъ имени всего города Егорьевска достоинство почетнаго гражданина, согласно журнала городской думы 1 декабря 1875 года, мы убѣждены, что Вы отъ мѣщанскаго нашего сословія сочувственно примете настоящую душевно-искреннѣйшую благодарность и будете увѣрены, что въ душахъ нашихъ питается одна та искренность, чтобы Господь Богъ продлилъ дѣятельность Вашу и на будущее время и чтобы Вы не оставили городъ своимъ вниманіемъ, какъ современный общественный дѣятель. Мая 11 дня 1876 года мы сіе рукоприкладствуемъ: Егорьевскій мѣщанскій староста Петръ Акимовъ Бабыкинъ».

Опускаемъ всѣ другіе адреса, въ разное время и по разнымъ случаямъ поднесенные Никифору Михайловичу, опускаемъ различные его чествованія, юбилеи, награды, за которыми онъ не гонялся, но которыя сами его искали, какъ человѣка выдающагося и занимающаго притомъ офиціальное положеніе, постановку его портрета въ залѣ засѣданія думы и пр. и пр., и попытаемся набросать хотя въ бѣглыхъ чертахъ нравственный и бытовой обликъ Никифора Михайловича.

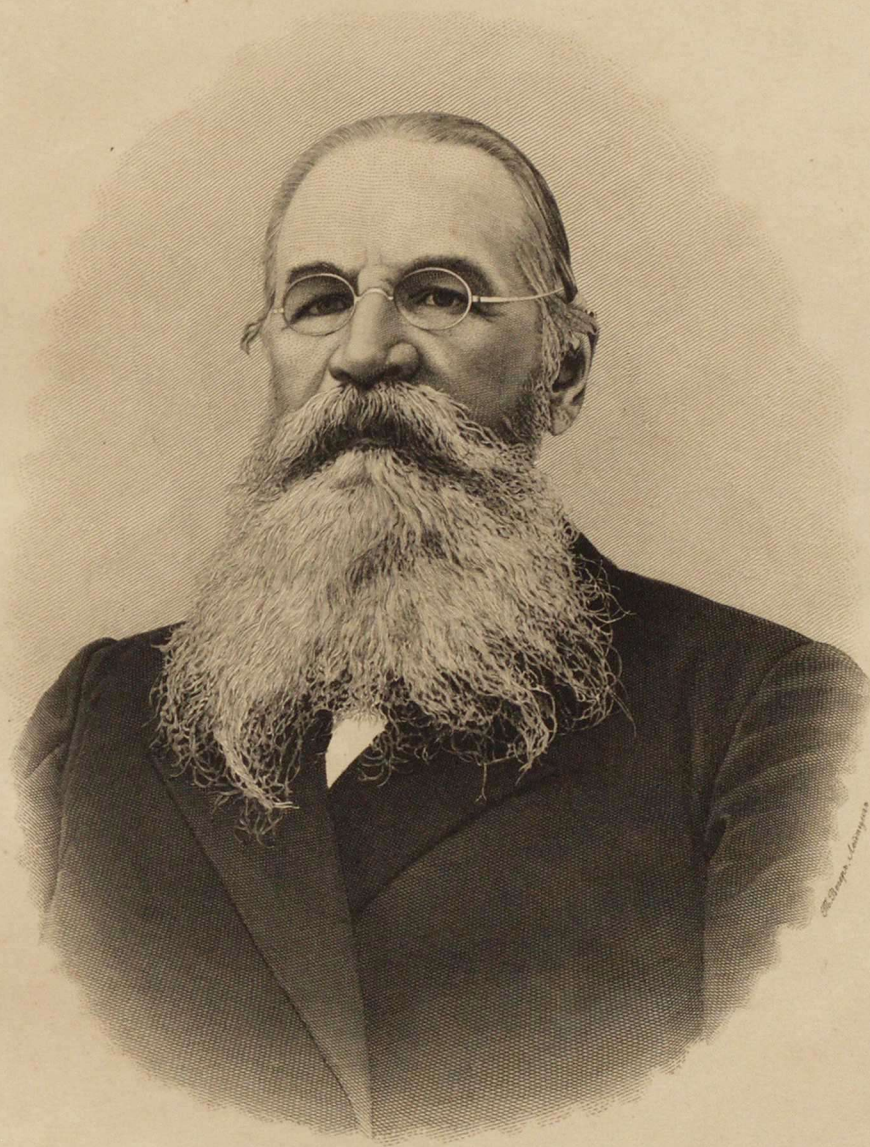
Генерал-майор
Сардеев

16

Гравюра сделана с любительской
фотографии, снятой Сергеем Бело-
ровичем Шароновым.

Михайловичъ, упрощены были городскими избирателями быть на этомъ трудномъ поприщѣ городскимъ головою. Съ принятіемъ Вами сей обязанности, мы видимъ самое дѣятельное распоряженіе къ усовершенствованію городского благоустройства и хозяйства, которыя въ короткій періодъ такъ осуществились, что нашъ городъ, полагаемъ, можно поставить примѣромъ другимъ: въ настоящее время прекращены прежде бывшіе разгулы, безпорядки и неприличія на городскихъ улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ; къ улучшенію торговли возведены цѣнные корпуса общественныхъ лавокъ, устроены вполнѣ удобнѣйшіе городскіе вѣсы, каковыя сооруженія приносятъ для города значительный доходъ; сооружается удобная дорога съ мостомъ къ егорьевской станціи; устроены мостовыя, заведено необходимое освѣщеніе города; усовершенствуются прежнія учебныя заведенія и учреждена вновь прогимназія; на затрату-же всего этого значительной денежной суммы Вами изысканы новые источники городскихъ доходовъ безъ особенныхъ на жителей налоговъ; чрезъ принятіе благоразумныхъ распоряженій въ городѣ встрѣчающіеся пожары быстро прекращаются; и вотъ, наконецъ, къ обезпеченію полного усовершенствованія общаго благосостоянія нашего, устраивается водопроводъ съ бассейнами, на который Вы, какъ первый и соревнователь, пожертвовали изъ своей собственности значительную денежную сумму. Уважаемый Никифоръ Михайловичъ! Несмотря на принадлежащее Вамъ отъ имени всего города Егорьевска достоинство почетнаго гражданина, согласно журнала городской думы 1 декабря 1875 года, мы убѣждены, что Вы отъ мѣщанскаго нашего сословія сочувственно примете настоящую душевно-искреннѣйшую благодарность и будете увѣрены, что въ душахъ нашихъ питается одна та искренность, чтобы Господь Богъ продлилъ дѣятельность Вашу и на будущее время и чтобы Вы не оставили городъ своимъ вниманіемъ, какъ современный общественный дѣятель. Мая 11 дня 1876 года мы сіе рукоприкладствуемъ: Егорьевскій мѣщанскій староста Петръ Акимовъ Бабыкинъ».

Опускаемъ всѣ другіе адреса, въ разное время и по разнымъ случаямъ поднесенные Никифору Михайловичу, опускаемъ различные его чествованія, юбилеи, награды, за которыми онъ не гонялся, но которыя сами его искали, какъ человѣка выдающагося и занимающаго притомъ официальное положеніе, постановку его портрета въ залѣ засѣданія думы и пр. и пр., и попытаемся набросать хотя въ бѣглыхъ чертахъ нравственный и бытовой обликъ Никифора Михайловича.

Генералъ Михаилъ
Федоровъ

XXI.

М

ы уже говорили, что Никифоръ Михайловичъ отличался большой набожностью, съ дѣтства унаслѣдованной отъ родителей. Это была настоящая церковность, цѣнная по своей искренности, которою искони отличался русскій человѣкъ, не потерявшій родной почвы и не порвавшій историческихъ традицій. Никифоръ Михайловичъ любилъ церковныя службы и не пропускалъ рѣшительно ни одной изъ нихъ. Онъ обыкновенно являлся въ церковь съ первымъ ударомъ колокола, неутомимо выстаивая утреню, раннюю и позднюю обѣдни. Въ богослуженіи онъ принималъ непосредственное участіе: читалъ апостолъ, пѣлъ на клиросѣ. Онъ былъ любителемъ какъ древнихъ распѣвовъ, такъ и пѣнія вообще, понималъ его, какъ немногіе даже спеціалисты. Обладая мягкимъ и красивымъ басомъ, онъ особенно хорошо исполнялъ на «преждеосвященныхъ обѣдняхъ» соло «Да исправится» Знаменнаго распѣва. Вокругъ него группировались прочіе городскіе любители церковнаго пѣнія и изъ нихъ постепенно образовался постоянный соборный хоръ.

Въ храмовые праздники, св. Георгія и въ Николинъ день, у Никифора Михайловича всегда по старинѣ совершались на дому всенощныя. Онъ вообще и во всемъ любилъ поддерживать старые обычаи, какъ это, напримѣръ, было уже упомянуто о рождественскомъ славленіи, на которое онъ, кромѣ дѣтей, принималъ хоры всѣхъ окрестныхъ церквей. Равнымъ образомъ онъ неуклонно всегда участвовалъ во всѣхъ установленныхъ крестныхъ ходахъ: вокругъ всего города, 20 мая, въ день памяти святителя Алексія; 23-го іюня, учрежденнаго послѣ большого пожара; въ поставное (послѣднее на Пасхѣ) воскресенье на-встрѣчу соборныхъ иконъ, возвращающихся изъ приходскихъ деревень послѣ пасхальнаго ихъ обхода.

Являясь такимъ образомъ истиннымъ сыномъ Церкви православной во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ ея жизни, Никифоръ Михайловичъ глубоко вникалъ во всѣ частности и внутреннихъ, существенныхъ сторонъ ея. Но это приводило его всегда къ наибольшему огорченію, чѣмъ что-либо иное. Бывши весьма близокъ ко многимъ представителямъ всѣхъ степеней церковной іерархіи, онъ ясно видѣлъ, какъ все болѣе и болѣе изсякаютъ самые источники духовнаго вліянія православной Церкви на ея сыновъ. Конечно, онъ ясно понималъ, что иначе и быть не можетъ, пока сама Церковь задыхается въ мертвящихъ формахъ полицейскаго мундира, въ который наглухо застегнуто все ея управленіе, отъ высшаго до низшаго. И онъ особенно негодовалъ на то, что образованная часть русскаго общества, естественно не удовлетворяясь такой церковью, въ огромномъ большинствѣ, не задумываясь, уходитъ отъ нея, покидая какъ-бы только внѣшнія проявленія ея жизни, а между тѣмъ отрываясь совершенно и отъ самой той скалы, на которой созидалась мощь нашего государства. «Вѣдь именно эти-то люди, — говаривалъ онъ, — просвѣщенные научными познаніями, если только они любятъ свою родину, эти-то именно люди, достигнувъ пониманія невѣрности того пути, по которому ведутъ нашу святую, но несчастную Церковь, и должны-бы были со всей энергіей взяться за ея обновленіе, за возвращеніе ея на путь истинный и такимъ образомъ возсоздать въ полной силѣ исконныя духовныя основы самага бытія великаго народа русскаго! А они умѣютъ только малодушно бѣжать, нерѣдко еще и насмѣхаясь надъ тѣми, кто въ твердомъ упованіи на лучшее будущее посильно оберегаетъ для него хотя тѣ внѣшнія крохи былого величія церкви православной, о которыхъ только и остается попеченіе въ рукахъ у насъ, мірскихъ сыновъ ея».

Любилъ Никифоръ Михайловичъ поддерживать свои связи и

со всѣми своими старинными знакомыми и со всѣми сторонами своей прежней, простой жизни. Такъ, онъ всегда бывалъ на мѣстной Никитской ярмаркѣ и самъ непремѣнно покупалъ для своего дома мѣстные зимніе запасы: сушеные грибы, антоновскія яблоки и т. п. Очевидно направляли его сюда не хозяйственныя выгоды, а душевная потребность войти въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣмъ самымъ живымъ народомъ, изъ котораго онъ самъ вышелъ и общеніемъ съ которымъ онъ питалъ свой духъ.

На Никитской ярмаркѣ.

По своей наружности Никифоръ Михайловичъ представлялъ изъ себя типъ чистаго великорусса. Онъ былъ высокаго роста, плотнаго сложенія, нѣсколько сутуловатъ, а нѣкоторая дородность дѣлала его на видъ именно такимъ могучимъ, какимъ онъ былъ какъ въ своихъ нравственныхъ, такъ и физическихъ силахъ. Онъ былъ очень легокъ въ движеніяхъ и на лѣстницы всходилъ всегда быстро. Ходилъ онъ нѣсколько склонивъ голову, какъ человекъ, привыкшій постоянно думать. Поэтому-то каждый обращавшійся къ нему становился сразу серьезнымъ, какъ только Никифоръ Михайловичъ останавливался на немъ свой спокойный, вдумчивый, но и проницательный взглядъ, кото-

рый какъ-бы спрашивалъ: «по какому серьезному дѣлу я имѣю удѣлить вамъ мое время?»

Трудолюбіе и неутомимость Никифора Михайловича служили примѣромъ всему Егорьевску. Жилъ онъ всегда въ своемъ старомъ домѣ, который онъ расширялъ и улучшалъ постоянно. Онъ поднимался ежедневно съ 4—5 часовъ утра и послѣ молитвы отправлялся въ городъ обзрѣвать обширное свое городское хозяйство, самъ вездѣ давалъ указанія, слѣдилъ за ходомъ работъ; затѣмъ посѣщалъ свои фабрики. Къ 8½ часамъ онъ возвращался домой пить чай и всегда любилъ въ этотъ часъ плотно закусить; потомъ занимался у себя въ конторѣ, а съ 11-ти часовъ засѣдалъ въ городской управѣ и работалъ тамъ

На Никитской ярмаркѣ.

до обѣда, т.-е. до второго часа. Послѣ обѣда онъ обыкновенно часъ отдыхалъ и снова отправлялся въ походъ по городу для всякихъ наблюдений. Въ 5 часовъ онъ опять пилъ чай, уже не торопясь. Это былъ его отдыхъ. Если не было нигдѣ засѣданій, то съ 6-ти до 8-ми онъ снова работалъ въ конторѣ, а послѣ ужина всегда любилъ проѣхаться и всегда, бывало, при этомъ заѣдетъ то туда, то сюда взглянуть на ночныя работы, или провѣрить ночные караулы; затѣмъ до 11-ти часовъ вечера еще занимался у себя въ кабинетѣ, чѣмъ и заканчивалъ свой трудовой день.

Никифоръ Михайловичъ былъ большимъ любителемъ лошадей, самъ выѣзжалъ молодыхъ рысаковъ и кататься на нихъ и вообще разѣзжать было его любимымъ удовольствіемъ. Онъ очень любилъ

быть на свѣжемъ воздухѣ и для лѣтняго своего пребыванія устроилъ у себя въ саду, при домѣ, по своему плану, оригинальную двухъ-

На Никитской ярмаркѣ.

этажную бесѣдку, вверху которой была его спальня, а внизу столовая. Онъ купилъ и устроилъ себѣ также и прекрасную дачу, но

На Никитской ярмаркѣ.

пока былъ здоровъ, никогда не проводилъ на ней болѣе двухъ дней сряду. Его всегда тянуло къ дѣлу, къ труду. Когда, бывало, ему скажутъ: «Вы бы, Никифоръ Михайловичъ, отдохнули, успокои-

лись»,—онъ всегда отвѣчалъ: «Кто желаетъ быть спокойнымъ, тотъ долженъ беспокоиться».

Въ отношеніяхъ съ людьми Никифоръ Михайловичъ былъ чрезвычайно простъ, не терпѣлъ никакого искусственнаго лоска, почти всѣмъ говорилъ «ты», выражался онъ всегда правильной, мѣткой и чистой родной рѣчью; словомъ, представлялъ собою яркій типъ цѣльнаго человека изъ народа. Ко всѣмъ онъ былъ привѣтливъ, никому не отказывалъ въ помощи. Когда кто приходилъ къ нему съ заявленіемъ о несправедливости обложенія, или о какихъ-либо недоразумѣніяхъ по

Домъ Никифора Михайловича Бардыгина.

городу, онъ не откладывалъ рѣшенія, а прямо вмѣстѣ съ просителемъ направлялся въ управу, требовалъ соотвѣтственное дѣло и давалъ ему правильный ходъ. Точно такъ же и дома онъ никогда не заставлялъ дожидаться приходившихъ къ нему съ просьбами: онъ всегда бросалъ другое дѣло, чай или обѣдъ и выходилъ къ пришедшему просителю, кто бы онъ ни былъ и за чѣмъ бы ни пришелъ.

Всѣ его подчиненные по службѣ, а также его собственные служащіе находили въ немъ скорѣе заботливаго отца, чѣмъ начальника, любили его и никогда не желали съ нимъ разстаться. Весьма многіе

Н. М. Бардыгинъ въ своемъ кабинетѣ.

служащіе его на фабрикахъ и въ отдѣлахъ, до главнѣйшихъ включительно, вышли изъ мальчиковъ или молодыхъ людей, которыхъ онъ обучалъ и приспособлялъ къ извѣстной дѣятельности. Онъ всегда говорилъ, что каждый человѣкъ можетъ быть хорошимъ работникомъ, надо только указать ему подходящее дѣло и собственнымъ примѣромъ научить, какъ его дѣлать. Однако, при всей своей врожденной добротѣ Никифоръ Михайловичъ былъ и неумолимо строгъ, когда замѣчалъ лѣность, небрежность, а особенно недобросовѣстность. Онъ требовалъ

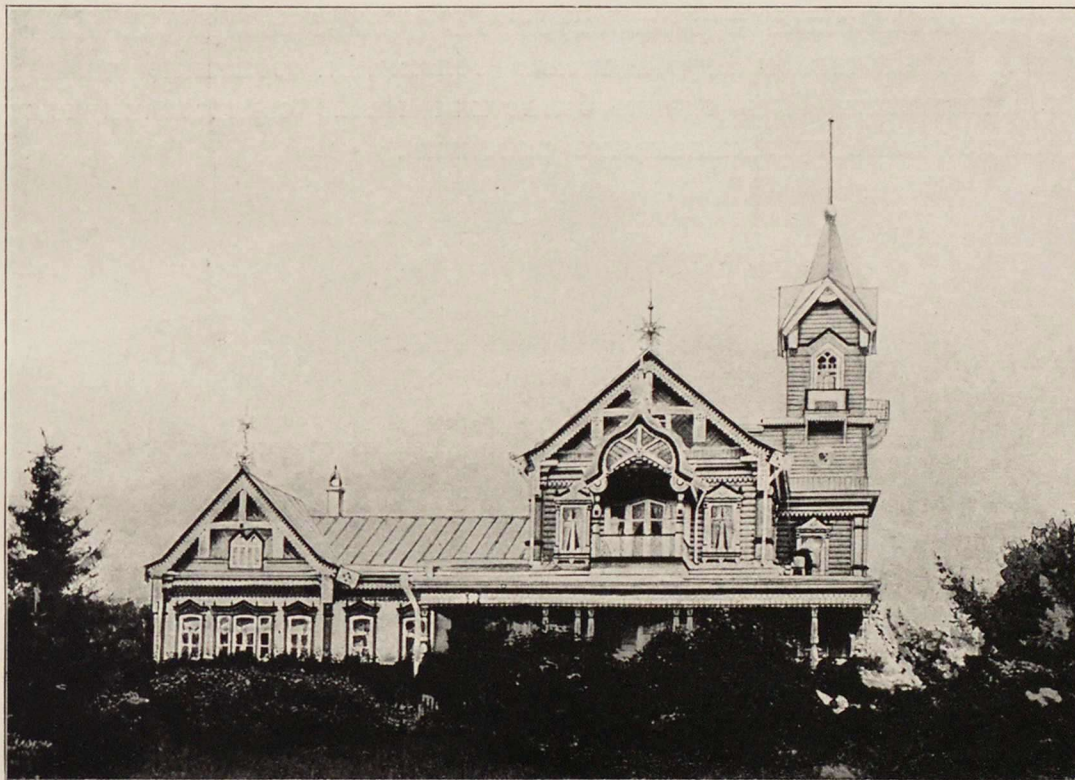

Бесѣдка Н. М. Бардыгина.

отъ всѣхъ прежде всего яснаго пониманія дѣла, а затѣмъ успѣшнаго, точнаго и добросовѣстнаго исполненія порученнаго. Результатомъ такого справедливо-строгаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевнаго отношенія было то, что всѣ его служащіе трудились съ нимъ вмѣстѣ до конца его жизни.

По отношенію къ рабочимъ своихъ фабрикъ Никифоръ Михайловичъ былъ весьма заботливъ объ ихъ справедливыхъ интересахъ, но сознательно лишь постольку, поскольку они касались его, какъ работодателя. Такъ, онъ всегда заблаговременно, въ должномъ предвидѣніи

запросовъ времени, дѣлалъ необходимыя увеличенія заработныхъ платъ и сокращенія рабочихъ часовъ. Его собственная близость къ дѣлу не допускала возможности какого-либо несправедливаго или пристрастнаго отношенія къ рабочимъ и со стороны кого-бы то ни было изъ служащихъ, смотрителей или мастеровъ. Поэтому-то на его фабрикахъ при немъ никогда не было никакихъ недоразумѣній, и въ 1894 году, въ первую забастовку на фабрикѣ бр. Хлудовыхъ, его фабрика безо-

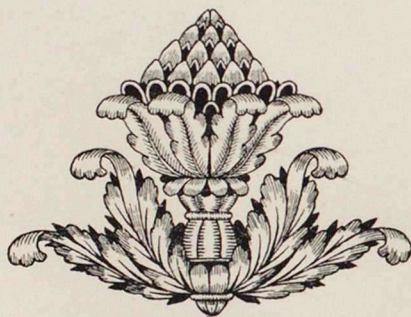

Дача Н. М. Бардыгина при д. Старой, Егорьевскаго уѣзда.

становочно работала, хотя и была нѣсколько дней окружена тысячной толпой волновавшихся забастовщиковъ.

Какъ сознательный противникъ всякой опеки надъ совершеннолѣтними и здравомыслящими людьми, въ какомъ-бы видѣ таковая ни проявлялась, Никифоръ Михайловичъ всегда осуждалъ и стремленіе навязать во что-бы то ни стало работодателямъ различныя заботы о рабочихъ, какъ напримѣръ о начальномъ ихъ образованіи, объ общей медицинской помощи имъ и ихъ семьямъ, и тому подобнымъ. По его убѣжденію взаимоотношенія между этими двумя группами населенія должны ограничиваться единственно только тѣмъ, что

проистекаетъ непосредственно изъ того дѣла, для исполненія котораго они между собой взаимно договариваются. Такъ напримѣръ, его рабочіе были застрахованы отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ съ перваго-же дня появленія такого страхованія, хотя обязательная отвѣтственность работодателей въ этомъ отношеніи тогда еще и не была установлена. Но всѣ общія потребности рабочихъ, говорилъ Никифоръ Михайловичъ, должны быть удовлетворяемы наравнѣ со всѣми прочими гражданами вѣдѣніемъ общественныхъ самоуправленій, а необходимыя для того средства должны собираться общимъ путемъ посильнаго и справедливаго обложенія, основные размѣры котораго должны быть однако болѣе или менѣе согласованы между собой по всѣмъ промышленнымъ районамъ.

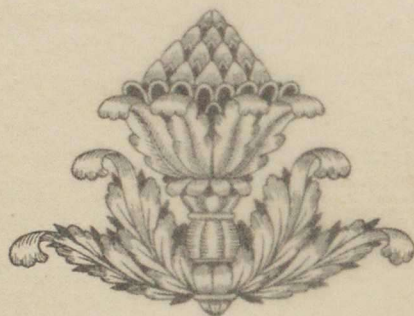

Егорьевский городской голова
Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ
со своими сослуживцами въ 1900 году.

41

проистекаетъ непосредственно изъ того дѣла, для исполненія котораго они между собой взаимно договариваются. Такъ напримѣръ, его рабочіе были застрахованы отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ съ перваго-же дня появленія такого страхованія, хотя обязательная отвѣтственность работодателей въ этомъ отношеніи тогда еще и не была установлена. Но всѣ общія потребности рабочихъ, говорилъ Никифоръ Михайловичъ, должны быть удовлетворяемы наравнѣ со всѣми прочими гражданами вѣдѣніемъ общественныхъ самоуправленій, а необходимыя для того средства должны собираться общимъ путемъ посильнаго и справедливаго обложенія, основные размѣры котораго должны быть однако болѣе или менѣе согласованы между собой по всѣмъ промышленнымъ районамъ.

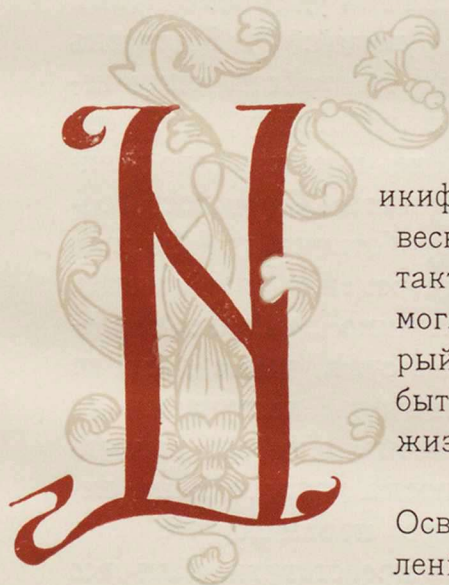

Егорьевский городской голова
Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ
со своими сослуживцами въ 1900 году.

Константинъ Михайловичъ Аанасъевъ,
Егорьевскій Предводитель Дворянства.

XXII.

Никифоръ Михайловичъ слѣдилъ непрестанно и весьма живо за теченіемъ какъ общественной, такъ и политической жизни. Да иначе и быть не могло для такого выдающагося человѣка, который притомъ-же и жилъ въ эпоху величайшихъ событій какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни горячо любимой имъ Родины.

Во внутренней жизни великія реформы Царя-Освобдителя измѣнили всѣ взаимоотношенія населенія, и то правовое положеніе, въ которое онѣ поставили прежде совершенно угнетенныя народныя массы, чувствовалось ими особенно живо. Такъ, бабушка Никифора Михайловича, Авдотья Ивановна, неоднократно говорила ему: «Ужъ я иной разъ думаю: не на томъ ли свѣтѣ я живу? Какіе вѣдь порядки-то пошли! А бывало, прежде: наруби возъ головъ, да привези возъ денегъ — и будешь правъ».

Егорьевскъ въ эпоху освободительныхъ реформъ имѣлъ предводителемъ дворянства искренняго ихъ приверженца, благороднѣйшаго Константина Михайловича Аѳанасьева. Основывая тогда между прочимъ въ Егорьевскѣ первый, всесословный, клубъ, онъ самъ обходилъ

Василій Андреевичъ Марсденъ.

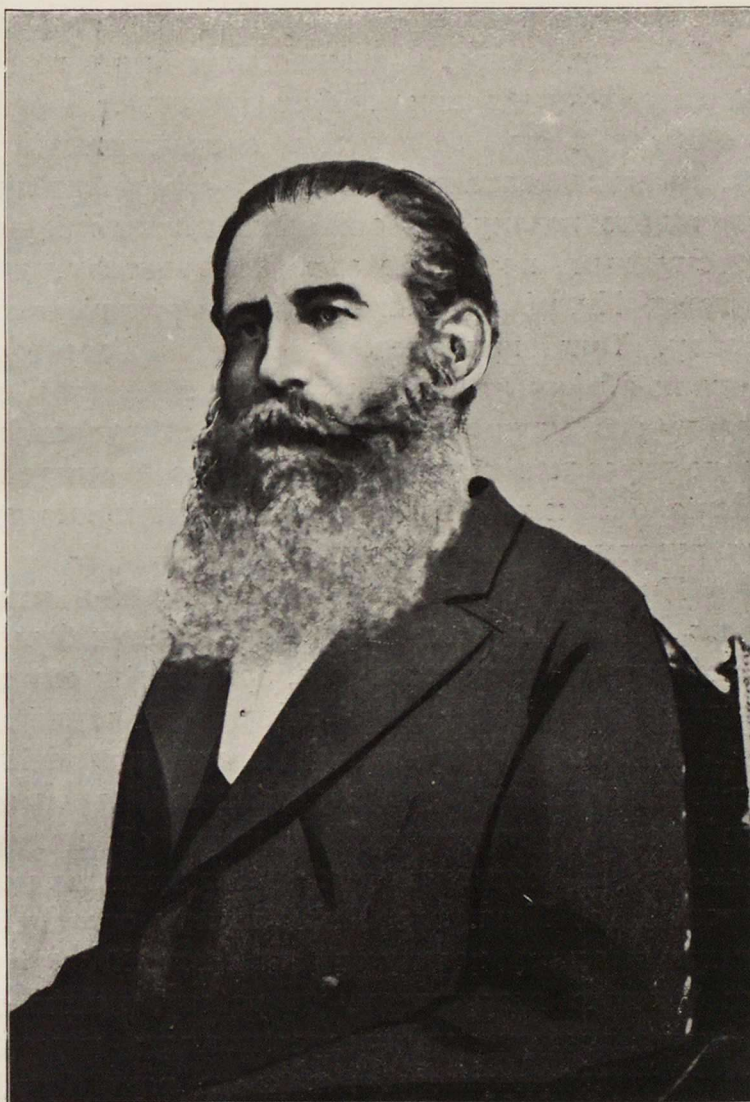
купечество и приглашалъ представителей его вступать въ него, созидая тѣмъ общее единеніе. Просилъ онъ и Михаила Ѳеодоровича отпустить въ клубъ Никифора Михайловича, объясняя ему, что теперь мы «всѣ-де равны, а потому и должны всѣ сойтись, совмѣстно работать и единодушно служить нашему отечеству». Въ 1875 году выдающееся дѣло директора фабрики бр. Хлудовыхъ, англичанина Василія Андреевича Марсдена, особенно ярко освѣтило въ Егорьевскѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпило новый порядокъ вещей. Г. Марсденъ «толкнулъ» на работѣ одну неисправную работницу, что «по старинѣ» не представляло «ничего особеннаго». Случилось, однако, что работница эта, бывшая

беременной, упала при этомъ такъ, что преждевременно разрѣшилась и умерла. Когда Марсдену сказали, что необходимо особенно озаботиться этимъ случаемъ, ибо теперь, при новомъ судѣ, такое дѣло не пройдетъ такъ просто, какъ прежде,—онъ отвѣчалъ, постучавши по карману: «я знаю русскій судъ!» Но Британецъ ошибся: вызванный вскорѣ къ судебному слѣдователю, онъ послѣ допроса былъ немедленно заключенъ въ тюрьму. Это такъ его поразило, что онъ вечеромъ-же скончался отъ удара. Можно себѣ представить, какъ все это дѣйствовало на Никифора Михайловича! Онъ жалѣлъ несчастнаго, дѣловаго англичанина, но всегда съ особеннымъ чувствомъ рассказывалъ, какой могучій лучъ свѣта и правды ворвался тогда съ этимъ дѣломъ въ егорьевскую общественную жизнь.

Во внѣшней жизни Россіи совершились великія событія Восточной войны (1876—7 гг.), за которыми послѣдовали Санъ-Стефанскій

договоръ, а затѣмъ предательство дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Никифоръ Михайловичъ дѣятельно сотрудничалъ въ организаціи помощи раненымъ, восторженно привѣтствовалъ успѣхи русскаго оружія, безгранично негодовалъ на униженіе побѣдоносной Россіи Берлинскимъ трактатомъ и щедро жертвовалъ на основанный тогда Добровольный флотъ.

Наступаетъ мрачный періодъ покушеній на жизнь Царя-Освободителя. Послѣ покушенія 1879 г. Никифоръ Михай-

Павель Никифоровичъ Троицкій.
Егорьевскій докторъ и другъ Н. М. Бардыгина.

ловичъ въ радости о спасеніи Государя поднимаетъ весь городъ на сооруженіе великолѣпнаго храма въ ознаменованіе такой великой милости Господней народу русскому. Но вотъ ненавистникамъ дѣлъ Царя-Освободителя удалось ихъ злодѣйство: священная кровь Помазанника Божія пролилась и надъ многострадальной Русью опять зарѣяли призраки порядковъ крѣпостного времени. Никифоръ Михайловичъ спѣшитъ поклониться праху Царственнаго Мученика и возвращается изъ Петербурга очень грустнымъ. А въ 1883 году, вернувшись съ коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, на которыхъ онъ былъ какъ градскій голова, онъ съ горечью уже предсказывалъ: «про-

щай молодое русское равноправіе! опять возвышается «благородное», хотя и ничтожное, меньшинство и опять горе «сѣрому» долготерпѣливому, хотя и великому большинству». Послѣдовавшія затѣмъ безцеремонныя одно за другимъ систематическія искаженія и урѣзки почти всѣхъ великихъ дѣлъ Царя-Освободителя онъ глубоко осуждалъ не только потому, что онѣ лишали живое большинство населенія существенныхъ правъ, но еще болѣе потому, что, по глубокому убѣжденію Никифора Михайловича, реакціонное теченіе вело не къ добру. Такъ, при введеніи «новаго» Городового положенія онъ въ длинной рѣчи въ думѣ подробно объяснялъ, какую большую долю правъ оно отнимало у прежняго самоуправленія. А когда послѣдовало упраздненіе мирового судебного института и было введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, онъ прямо ужаснулся: «насъ ведутъ къ пугачевщинѣ», говорилъ онъ тогда.

Никифоръ Михайловичъ былъ очень начитанъ во всѣхъ отрасляхъ, такъ что всегда поражалъ своими большими познаніями, особенно въ богословіи, исторіи, археологіи; онъ хорошо зналъ русскую литературу и внимательно слѣдилъ за теченіемъ русской общественной и политической жизни. Когда сочиненія Л. Н. Толстого направились на тотъ путь двусмысленной проповѣди о «непротивленіи», по которому много горячѣй, пытливой, энергичной молодежи было заведено въ постыдную трясину безплодныхъ мечтаній и малодушнаго прозябанія, Никифоръ Михайловичъ отправился лично къ графу, желая выяснить, почему онъ свой великій талантъ направляетъ именно на таковую разрушительную работу, вмѣсто того чтобы своимъ высокохудожественнымъ и авторитетнымъ перомъ давать руководящія положительныя указанія: «какъ-же намъ быть, и что-же въ нашихъ условіяхъ предпринять для того, чтобы дѣйствительно двинуться по пути истиннаго прогресса?»

Толстой остался для него загадкой. Но съ этихъ поръ Никифоръ Михайловичъ уже не оспаривалъ возобновившихся въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно послѣ комедіи съ усиленнымъ распространеніемъ романа «Воскресеніе» и съ послѣдовавшимъ затѣмъ лицемѣрнымъ отлученіемъ Толстого отъ церкви, подозрѣній въ томъ, что Левъ Николаевичъ своими философскими сочиненіями сознательно служитъ реакціи, разслабляя наши прогрессивные элементы тепленькой водичей пресловутаго своего «непротивленія».

Н. М. Бардыгинъ
въ Ниццѣ въ 1898 году,
съ нимъ его свать, Василій Феофилактовичъ Постниковъ, старшій внукъ Никифоръ Михайловичъ
и проводникъ В. В. Фуриковъ.

145

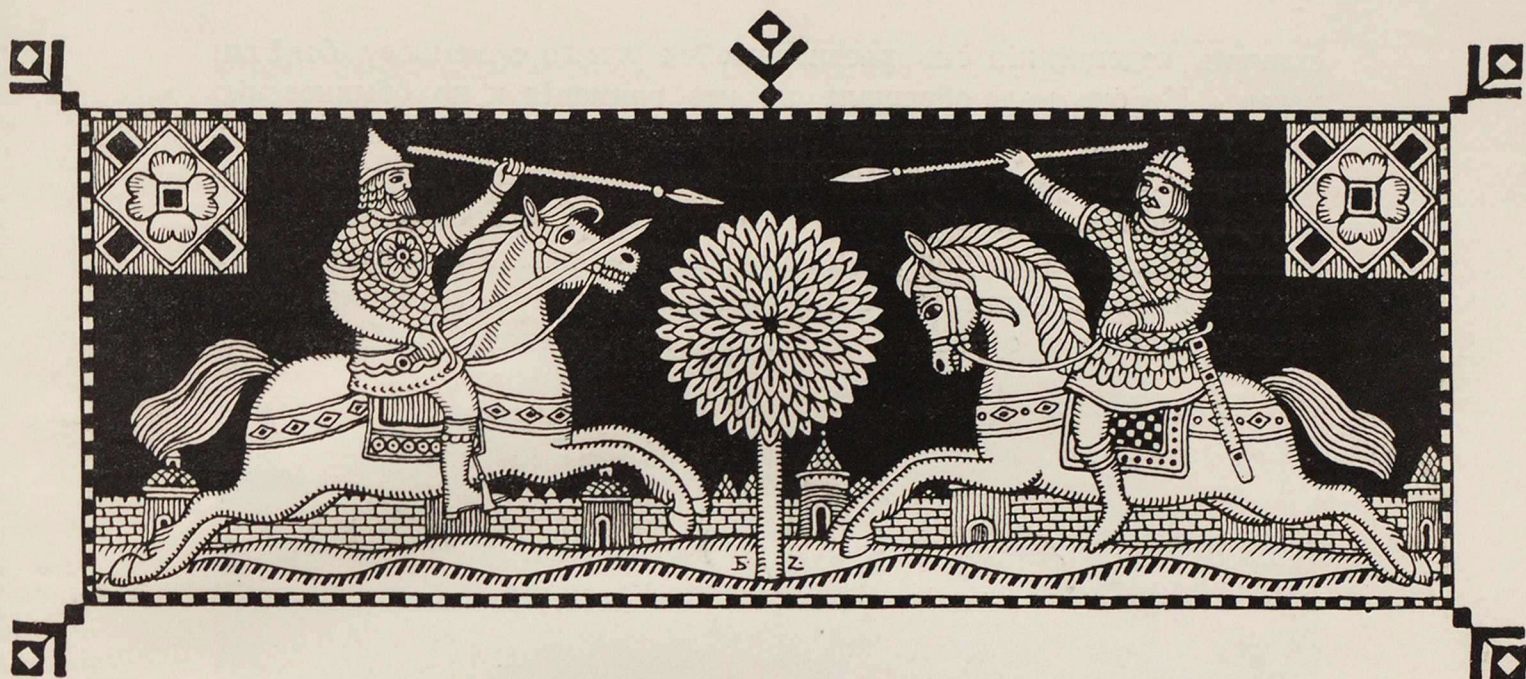
щай молодое русское равноправіе! опять возвышается «благородное», хотя и ничтожное, меньшинство и опять горе «сѣрому» долготерпѣливому, хотя и великому большинству». Послѣдовавшія затѣмъ безцеремонныя одно за другимъ систематическія искаженія и урѣзки почти всѣхъ великихъ дѣлъ Царя-Освободителя онъ глубоко осуждалъ не только потому, что онъ лишали живое большинство населенія существенныхъ правъ, но еще болѣе потому, что, по глубокому убѣжденію Никифора Михайловича, реакціонное теченіе вело не къ добру. Такъ, при введеніи «новаго» Городового положенія онъ въ длинной рѣчи въ думѣ подробно объяснялъ, какую большую долю правъ оно отнимало у прежняго самоуправленія. А когда послѣдовало упраздненіе мирового судебного института и было введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, онъ прямо ужаснулся: «насъ ведутъ къ пугачевщинѣ», говорилъ онъ тогда.

Никифоръ Михайловичъ былъ очень начитанъ во всѣхъ отрасляхъ, такъ что всегда поражалъ своими большими познаніями, особенно въ богословіи, исторіи, археологіи; онъ хорошо зналъ русскую литературу и внимательно слѣдилъ за теченіемъ русской общественной и политической жизни. Когда сочиненія Л. Н. Толстого направились на тотъ путь двусмысленной проповѣди о «непротивленіи», по которому много горячѣй, пытливой, энергичной молодежи было заведено въ постыдную трясику безплодныхъ мечтаній и малодушнаго прозябанія, Никифоръ Михайловичъ отправился лично къ графу, желая выяснить, почему онъ свой великій талантъ направляетъ именно на такую разрушительную работу, вмѣсто того чтобы своимъ высокохудожественнымъ и авторитетнымъ перомъ давать руководящія положительныя указанія: «какъ-же намъ быть, и что-же въ нашихъ условіяхъ предпринять для того, чтобы дѣйствительно двинуться по пути истиннаго прогресса?»

Толстой остался для него загадкой. Но съ этихъ поръ Никифоръ Михайловичъ уже не оспаривалъ возобновившихся въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно послѣ комедіи съ усиленнымъ распространеніемъ романа «Воскресеніе» и съ послѣдовавшимъ затѣмъ лицемѣрнымъ отлученіемъ Толстого отъ церкви, подозрѣній въ томъ, что Левъ Николаевичъ своими философскими сочиненіями сознательно служитъ реакціи, разслабляя наши прогрессивные элементы тепленькой водичей пресловутаго своего «непротивленія».

Н. М. Бардыгинъ
въ Ниццѣ въ 1898 году,
съ нимъ его свать, Василій Феофилактовичъ Постниковъ, старшій внукъ Никифоръ Михайловичъ
и проводникъ В. В. Фуриковъ.

XXIII.

Лаковъ въ краткихъ чертахъ былъ характеръ и нравственный обликъ Никифора Михайловича, выдвинувшагося изъ бѣдной простой среды русскаго самородка, сильнаго тѣми добрыми историческими и бытовыми началами, которыя нашъ великій народъ столь ревниво охранялъ въ глубинѣ своихъ семейныхъ ячеекъ, пронося ихъ черезъ всѣ соблазны внѣшней разлагающей цивилизаціи. Словно могучій дубъ, глубоко вросшій корнями въ родную землю, стоялъ Никифоръ Михайловичъ цѣлыхъ 30 лѣтъ на стражѣ дорогихъ ему церковныхъ и народныхъ началъ въ родномъ городѣ, укрѣпляя эти начала, на нихъ создавая благоустройство всего окружающаго и ведя за собой весь городъ. И вотъ, наконецъ, этотъ могучій дубъ свалился.

Послѣ смерти своей второй супруги, Маріи Владиміровны, пораженный неожиданнымъ горемъ, Никифоръ Михайловичъ началъ чув-

ствовать недомоганія отъ развивавшейся у него понемногу болѣзни почекъ. Но онъ мало обращалъ на нее вниманія и по обыкновенію своему продолжалъ усиленно работать. Этотъ чрезмѣрный трудъ значительно ускорилъ развитіе болѣзни. Къ врачебной помощи Никифоръ Михайловичъ обращаться не любилъ. Его насилу могли уговорить поѣхать за границу. Тамъ ему помогли, и пока онъ, годъ послѣ того, держался предписаннаго ему тамошними врачами режима, состоявшаго главнымъ образомъ въ покоѣ, онъ чувствовалъ себя хорошо.

Погребеніе Н. М. Бардыгина. Выносъ изъ собора.

Но затѣмъ, поправившись, онъ опять сталъ заниматься попрежнему всѣми дѣлами, не щадя себя, и на этотъ разъ заболѣлъ безнадежно. Нѣсколько разъ ѣздилъ онъ въ Крымъ для лѣченія, но избавиться отъ недуга уже не могъ. 31 мая 1901 года онъ въ послѣдній разъ присутствовалъ въ засѣданіи городской думы и послѣ того слегъ, оставляя постель лишь на короткіе періоды, а 13 ноября того же года скончался, на 67 году жизни.

Погребеніе Никифора Михайловича состоялось съ величайшей торжественностью. Прибылъ рязанскій епископъ преосвященный По-

Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ въ 1900 году.

ліевкть, архимандриты Богословскаго и Радовицкаго монастырей, собралось все духовенство города Егорьевска и ближайшихъ сель. Выносъ тѣла почившаго изъ дома въ соборъ, ктитормъ котораго онъ былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, совершенъ былъ въ зимній темный вечеръ, въ преднесеніи хоругвей, при перезвонѣ колоколовъ, торжественномъ пѣніи двухъ хоровъ, множества духовенства, при мерцаніи фонарей, задрапированныхъ траурной матеріей. Сопровождаемое массою народа, это перенесеніе производило неизгладимое впечатлѣніе. Въ соборѣ

Погребеніе Н. М. Бардыгина. Прибытіе шествія къ монастырю.

тотчасъ-же по внесеніи гроба началась заупокойная всенощная. На слѣдующій день въ 8 час. совершена была литургія, а вслѣдъ за ней погребеніе. Гробъ съ останками почившаго былъ перенесенъ торжественнымъ шествіемъ съ хоругвями, въ сопровожденіи архипастыря, многочисленнаго духовенства и многихъ пріѣхавшихъ изъ Москвы друзей покойнаго, по траурно-задрапированнымъ по постановленію Егорьевской городской думы улицамъ въ монастырскій Свято-Троицкій храмъ. Провожалъ тѣло безъ преувеличенія весь городъ. Желавшихъ непременно понести дорогого почившаго было такъ много,

что пришлось сдѣлать для постановки гроба большую платформу, подъ которой непрерывно чередовались несшіе, поддерживая ее на своихъ головахъ.

Могила Никифора Михайловича находится у стѣны въ правомъ

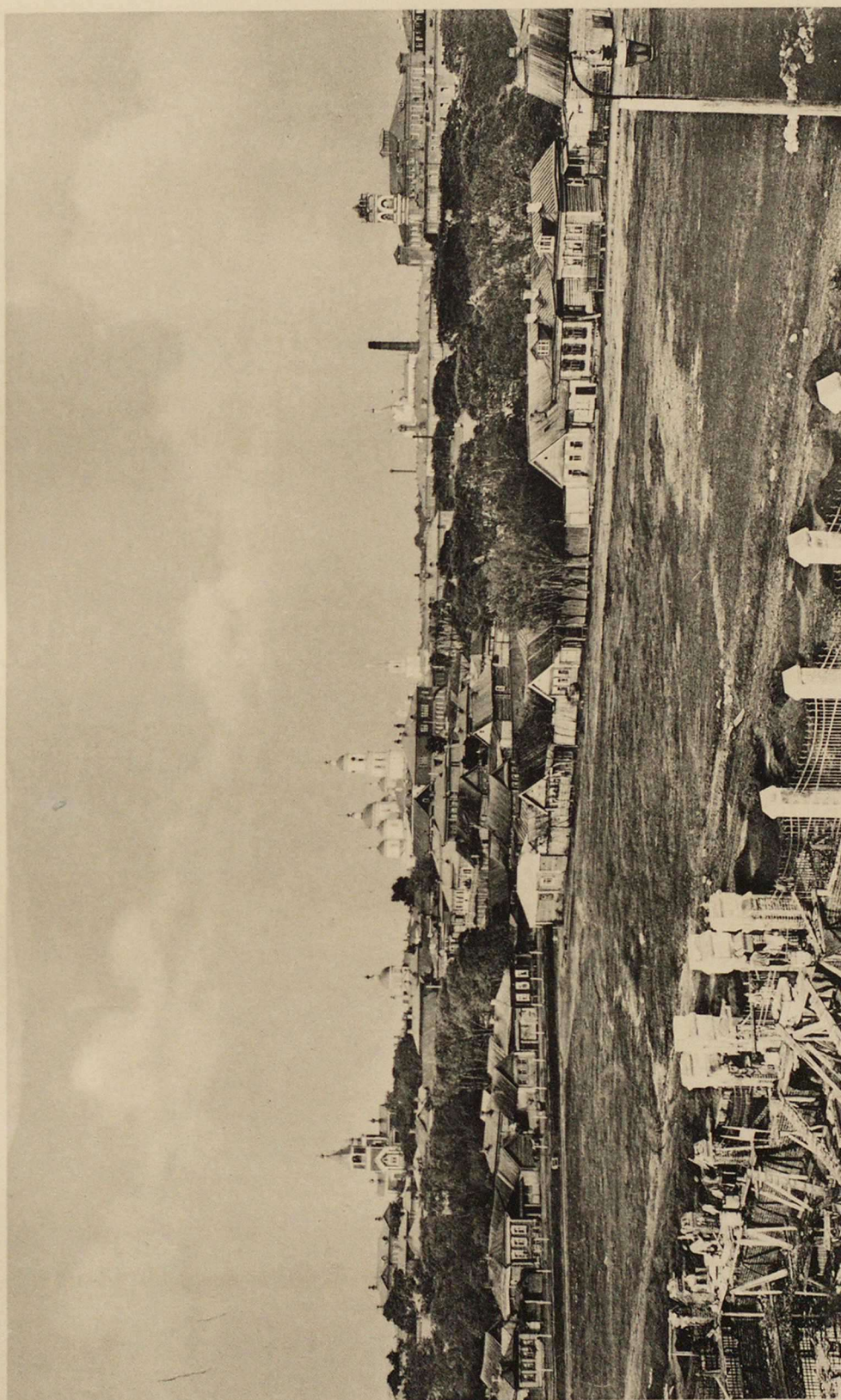
Киота надъ могилой Никифора Михайловича Бардыгина, сооруженная имъ самимъ.

придѣлъ храма во имя св. Никифора, патріарха Цареградскаго. Надъ могилой положена бѣлая мраморная плита, огороженная бронзовыми золочеными перилами; на ней сложены надгробные серебряные вѣнки, а на стѣнѣ устроена мраморная киота съ семейной иконой Бардыгиныхъ. На аркѣ помѣщено избранное самимъ Никифоромъ

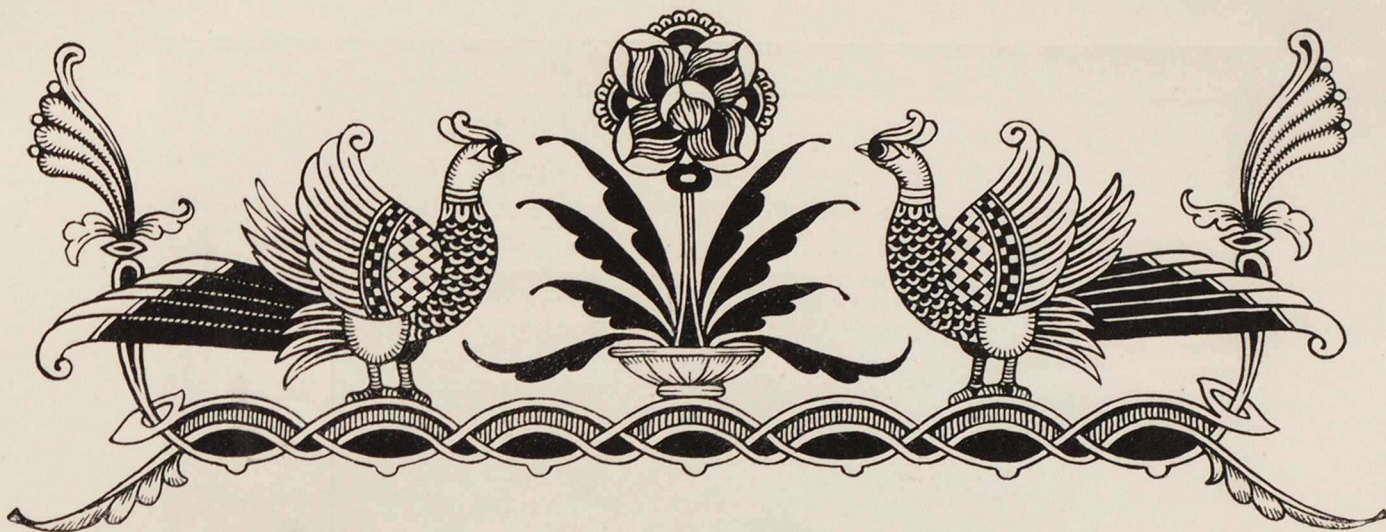
Михайловичемъ изреченіе Спасителя: «ищите прежде Царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ». Очевидно, Никифоръ Михайловичъ желалъ такимъ образомъ всѣмъ подтвердить укрѣпленное въ немъ чрезъ опытъ всей его жизни убѣжденіе, что именно только эту цѣль надлежитъ ставить своей задачей каждому трудящемуся челоѣку. Изреченіе это было и какъ-бы девизомъ всей неутомимой дѣятельности, всей трудовой жизни Никифора Михайловича, для котораго его мать просила у Бога только одного: чтобы онъ былъ благочестивъ. Дѣйствительно, онъ всюду, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, искалъ основаній для своихъ рѣшеній и дѣйствій прежде всего—во внутреннемъ голосѣ своего вѣрующаго сердца, подкрѣпляя этотъ голосъ строгой логикой изслѣдовательнаго разсужденія, всесторонне «продумывая», какъ онъ выражался ⁸⁾, всякую деталь каждаго дѣла. Оттого всѣ его начинанія, какъ зарождавшіяся въ чуткомъ и любящемъ сердцѣ и обоснованныя на выводахъ здраваго смысла, всегда оказывались успѣшными, практичными, а предпринимаемыя имъ для ихъ выполненія дѣйствія всегда завоевывали ему не только симпатіи, но и довѣріе и уваженіе со стороны безъ исключенія всѣхъ тѣхъ «ближнихъ», съ которыми только ему приходилось соприкасаться.

Въ оставленномъ имъ своему наслѣднику достояніи драгоцѣннѣйшей долей было, конечно, кристально-безупречное, честное имя почившаго. А такое имя пріобрѣтаетъ только тотъ, кто въ основу всѣхъ своихъ дѣлъ разсудительно и неуклонно полагаетъ дѣйствительное стремленіе служить людямъ и дѣлать всѣмъ добро и тѣмъ самымъ во всякомъ дѣлѣ ищетъ прежде всего Царствія Божія и правды Его.

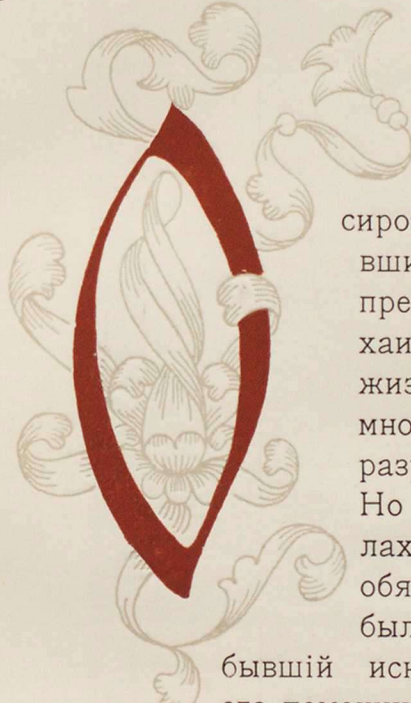

Видъ города
со стороны Техническаго училища.

XXIV.

сиротѣвшая егорьевская городская дума, собравшись для выборов новаго городского головы, прежде всего обратилась къ сыну покойнаго, Михаилу Никифоровичу Бардыгину, который при жизни отца былъ его вѣрнымъ сотрудникомъ во многихъ отрасляхъ его дѣятельности, съ просьбой разрѣшить баллотировать его въ преемники его отцу. Но Михаилъ Никифоровичъ не счелъ себя въ силахъ принять эту многотрудную и отвѣтственную обязанность. Тогда на должность городского головы былъ избранъ Дмитрій Владиміровичъ Макарьевъ, бывшій искреннимъ, ближайшимъ другомъ покойнаго и его помощникомъ, особенно по земской дѣятельности.

Съ кончиной Никифора Михайловича его завѣты не заглохли. Жизнь города подъ заботливымъ руководствомъ Дмитрія Владиміровича продолжаетъ идти тѣмъ-же вѣрнымъ и добрымъ путемъ, по которому покойный Никифоръ Михайловичъ направилъ ее своими неусыпными многолѣтними трудами. Въ короткое сравнительно время сдѣлано уже много. Такъ, сѣтъ городского водопровода усилена проложеніемъ двухъ новыхъ магистралей, а съ тѣмъ вмѣстѣ устроены во всѣхъ частяхъ города гидранты, обильно подающіе воду, что особенно важно при борьбѣ съ пожарами. Обществу пособія бѣднымъ предоставлено исключительное право эксплуатаціи въ Егорьевскѣ сине-

Дмитрій Владиміровичъ Макарьевъ,
Егорьевскій градскій голова.

матографа и оно, устроивъ таковой, получило возможность расширить свою благотворительную дѣятельность болѣе чѣмъ въ полтора раза. Приобрѣтенъ большой земельный участокъ въ центрѣ города, въ которомъ между прочимъ устраиваются городскія общественныя бани. Значительно расширена сѣтъ мостовыхъ, усовершенствовано освѣщеніе города введеніемъ всюду керосино-калильныхъ фонарей; также усовершенствовано пожарное дѣло, учрежденіемъ вольной пожарной дружины. Построены прекрасныя новыя

Дума и женское училище.

зданія для женскаго и мужскаго начальныхъ училищъ, а сами эти училища окончательно преобразованы въ двухклассныя и при нихъ открыты параллельные классы; обѣ прогимназіи преобразованы въ полныя гимназіи; расширено церковно-приходское училище, и при немъ М. Н. Бардыгинъ устроилъ прекрасную, обширную аудиторію, въ которой въ зимнее время производятся общедоступныя и общеобразовательныя чтенія, а также ведутся бесѣды со старообрядцами, которыя прежде производились въ соборѣ; на его-же пожертвованія, на ассигнованныя городомъ суммы и на частныя даванія строится грандіозная колокольня при храмѣ св. Александра Невскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михаилъ Никифоровичъ Бардыгинъ осуществилъ упомянутое выше предположеніе покойнаго отца своего Никифора Михайловича о постройкѣ для Егорьевска спеціальнаго учебнаго заведе-

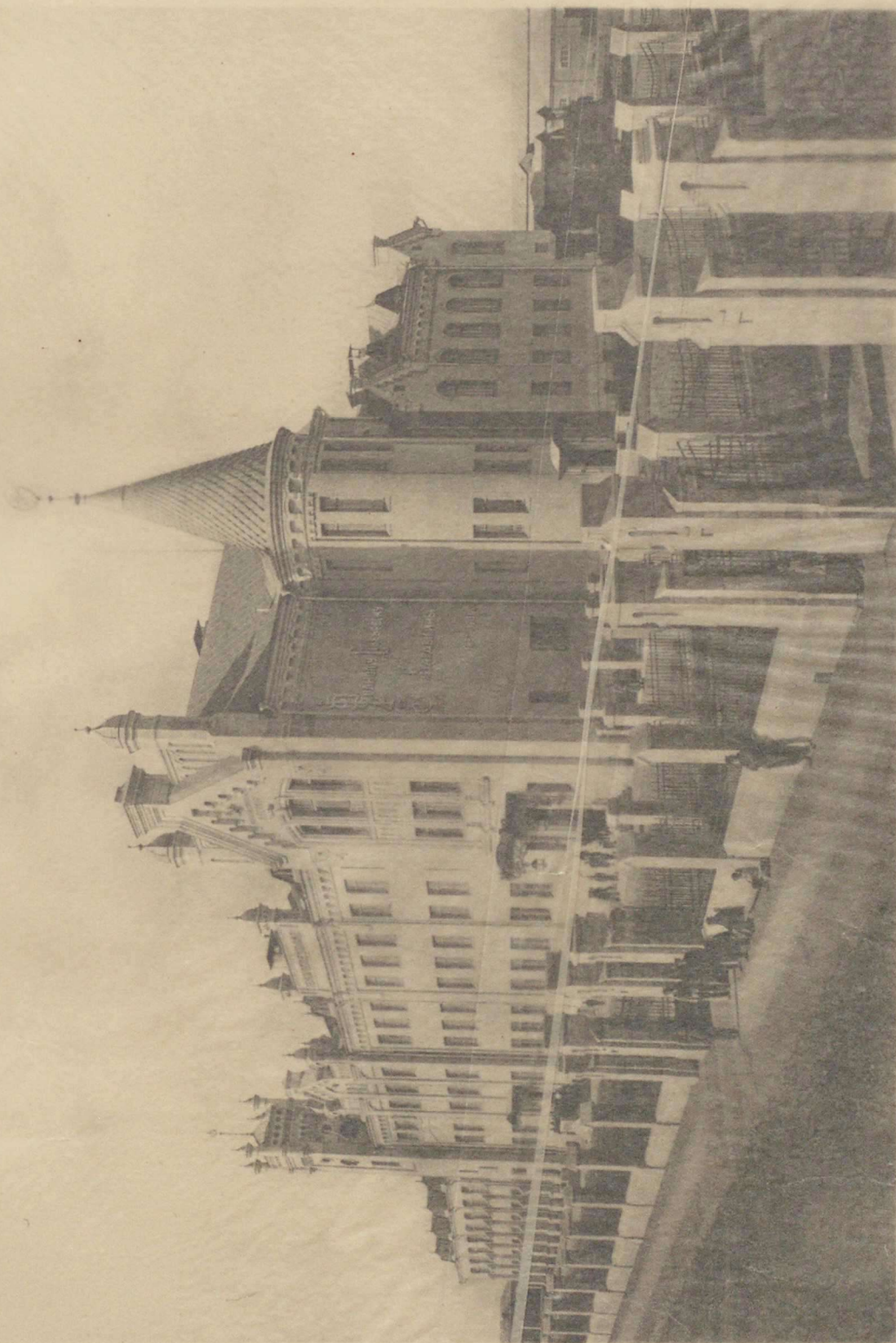
Двухклассное мужское городское училище.

нія: онъ соорудилъ исключительно на свои средства, на землѣ, отведенной городомъ, прекрасное, огромное зданіе для Механическаго

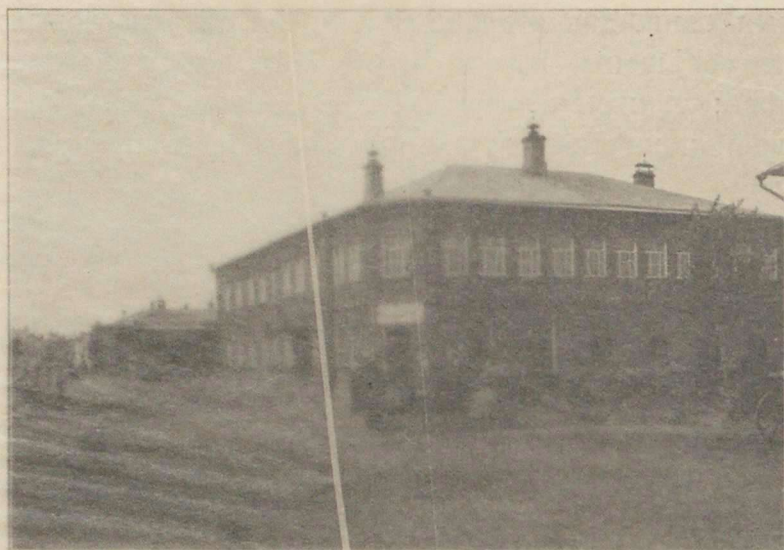
Церковноприходская школа съ аудиторіей.

и Электротехническаго училища, съ мастерскими и съ домами для квартиръ для учителей и для общежитія учениковъ. Училище это

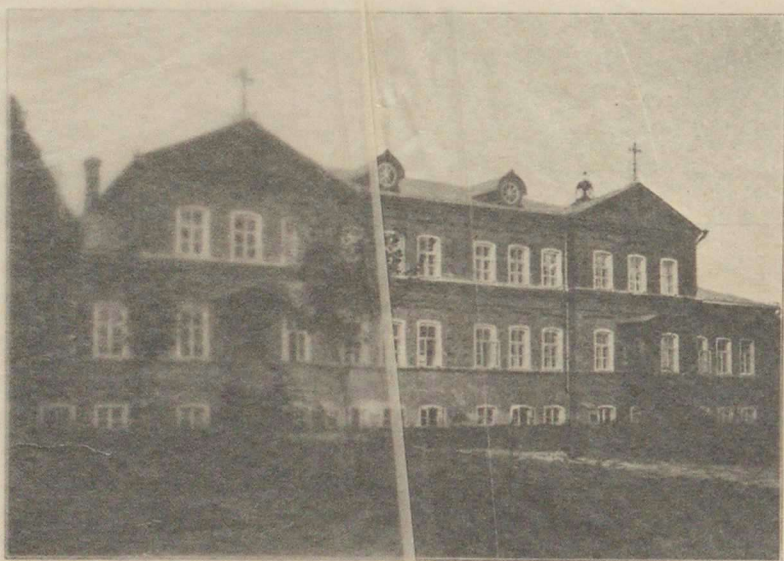
Здание Технического училища со стороны главного входа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михаилъ Никифоровичъ Бардыгинъ осуществилъ упомянутое выше предположеніе покойнаго отца своего Никифора Михайловича о постройкѣ для Егорьевска specialнаго учебнаго заведе-

Паушальное мужское городское училище.

нія: онъ соорудилъ исключительно на свои средства, на землѣ, отведенной городомъ, прекрасное, огромное зданіе для Механическаго

Церковноприходская школа съ аудиторіей.

и Электротехническаго училища, съ мастерскими и съ домами для квартиръ для учителей и для общежитія учениковъ. Училище это

Здание Технического училища со стороны главного входа.

разсчитано на 400 человекъ учащихся и будетъ выпускать научно и практически подготовленныхъ мастеровъ и монтеровъ-механиковъ и электротехниковъ.

Закладка зданій этого училища приурочена была къ празднованію 50 - лѣтія существованія промышленно-торговаго дѣла, основаннаго въ Егорьевскѣ покойнымъ Никифоромъ Михайловичемъ, и торжественно совершена была 14 мая 1907 г.

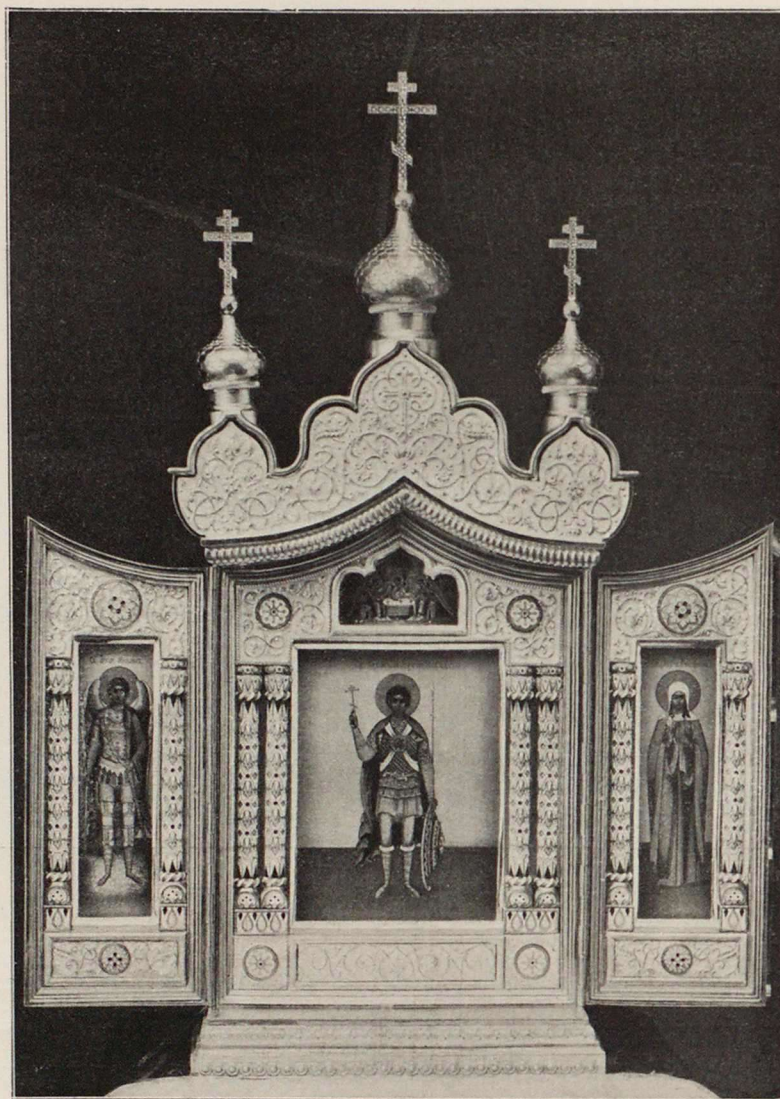

Егорьевская вольная пожарная дружина.

Благодарный городъ въ этотъ день поднесъ Михаилу Никифоровичу адресъ и драгоцѣнный складень, а затѣмъ исходатайствовалъ ему званіе мануфактуръ-совѣтника и почетнаго гражданина города Егорьевска, и наименовалъ «Бардыгинской» ту улицу, которая ведетъ отъ созданнаго Никифоромъ Михайловичемъ монастыря къ сооруженному по его-же мысли Михаиломъ Никифоровичемъ новому училищу.

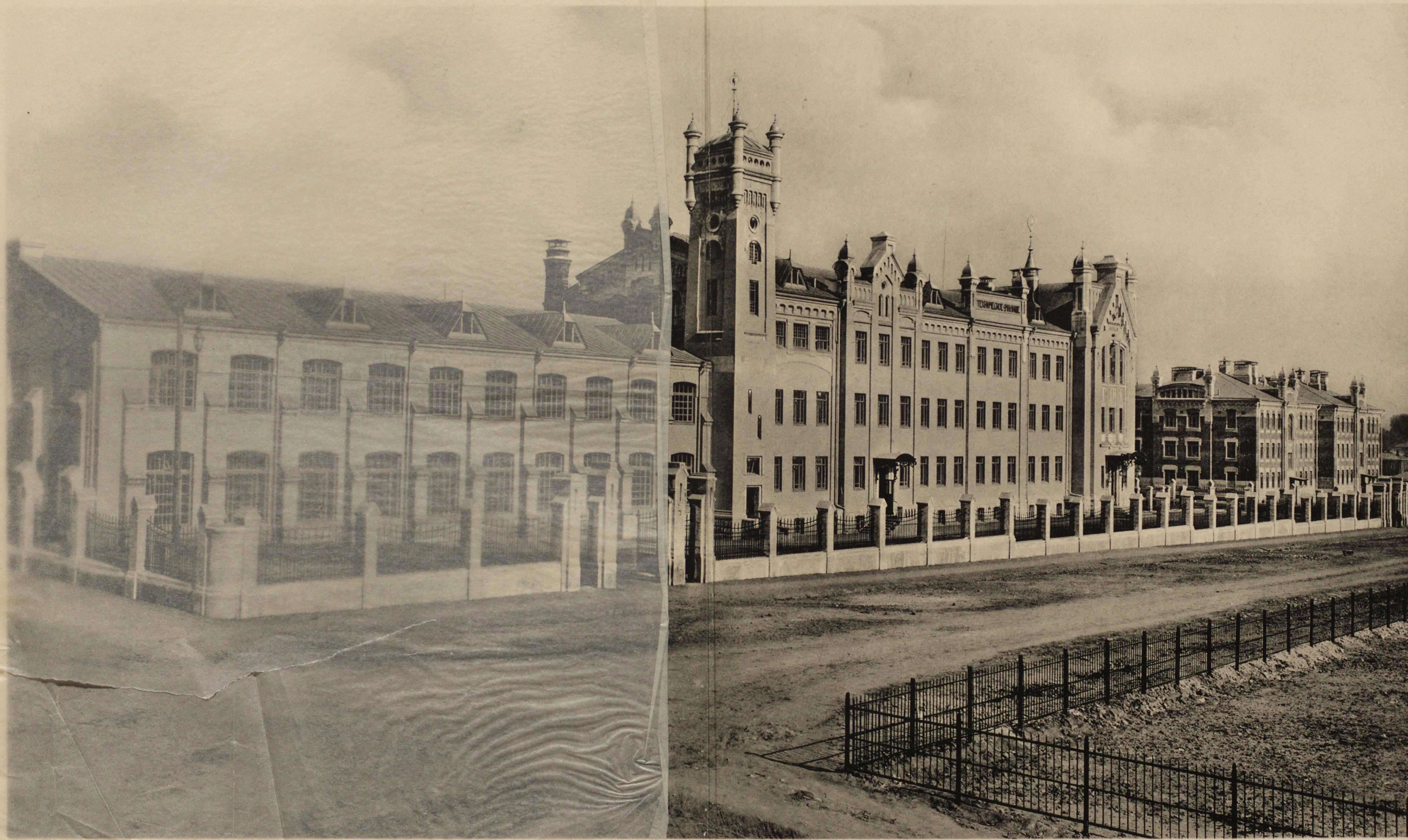
По предложенію Михаила Никифоровича Егорьевская городская дума постановила ходатайствовать о присвоеніи новому училищу имени училища «Цесаревича АЛЕКСІЯ». Этимъ наименованіемъ и строителю и городу желательнѣе было почтить Царственнаго отрока, юнѣйшую

отрасль нынѣ благополучно Царствующаго Дома Романовыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утвердить навсегда въ памяти егорьевцевъ, что городъ ихъ былъ нѣкогда вотчиной Святителя Алексія, Митрополита Московскаго, всея Россіи Чудотворца, вслѣдствіе чего и пользовался вниманіемъ предковъ Царствующаго Дома.

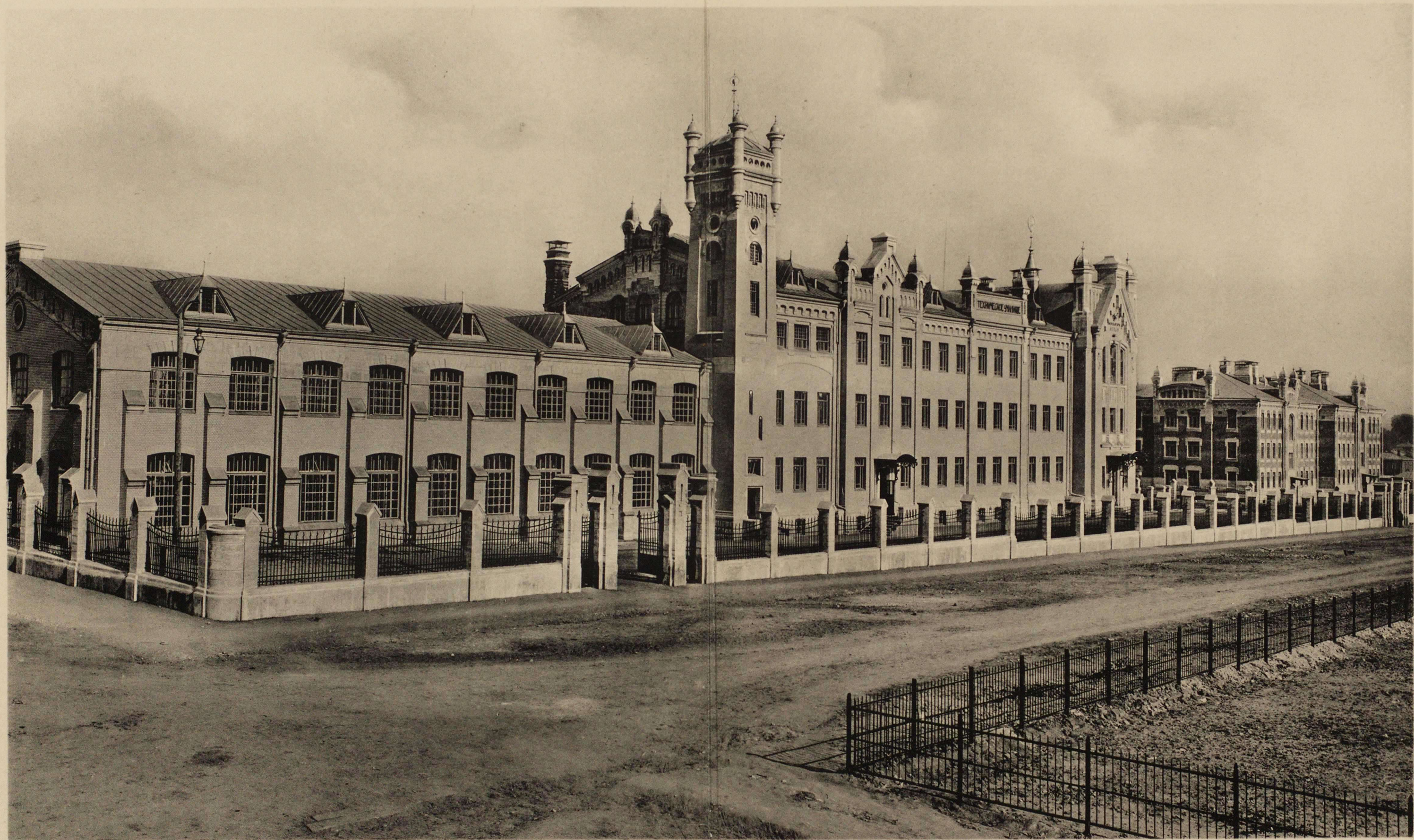

Икона, поднесенная Михаилу Никифоровичу Бардыгину отъ города при закладкѣ Техническаго училища.

17 іюня 1909 года Его ИМПЕРАТОРСКОМУ Величеству благо-
угодно было всемилостивѣйше на сіе соизволить и съ тѣмъ вмѣстѣ
принять это училище подъ покровительство Его Высочества.

Наружный видъ Егорьевскаго Техническаго училища имени Цесаревича Алексія.

Наружный видъ Егорьевскаго Техническаго училища имени Цесаревича Алексія.

Сооруженіе этого училища является въ Егорьевскѣ послѣднимъ актомъ, вдохновленнымъ покойнымъ Никифоромъ Михайловичемъ на пользу и украшеніе своего родного города, который онъ такъ любилъ. Съ этихъ поръ имя его уже окончательно отходить въ исторію. Пройдутъ десятки лѣтъ, сойдутъ на вѣчный покой его современники и изъ памяти егорьевцевъ изгладятся личныя, нѣкогда столь близкія ихъ отцамъ черты его. Но навсегда въ памяти ихъ останутся завѣты его жизни, ибо о нихъ непрестанно будутъ имъ напоминать созданныя его любовью учрежденія. И тѣ изъ гражданъ, кто когда-либо обратятъ мысль свою въ родное прошлое, чтобы оттуда почерпнуть воодушевленіе и для своей посильной преемственной работы на общее благо, несомнѣнно услышатъ спокойный, полный сердечной любви, продуманности и твердости призывъ Никифора Михайловича, который непрестанно будетъ повторять имъ:

изъ нѣдръ благоукрашенной, тихой обители —

«молитесь!»,

изъ стѣнъ новаго блестящаго разсадника просвѣщенія—

«учитесь!»,

изъ неумолкающаго шума основанныхъ имъ фабрикъ—

«трудитесь!»,

и изъ всесторонняго городского благоустройства—

«Служите родному вашему городу,
а съ тѣмъ вмѣстѣ и великому на-
шему Отечеству!»

Михаилъ Никифоровичъ
и
Глафира Васильевна
Бардыгины.

Съ словѣ Ликифора Михайловича Бардыгина

(передано М. Н. Бардыгинымъ).

1 (стр. 27). Никифоръ Михайловичъ рассказывалъ такіе два случая, свидѣтельствующіе о смѣлости Авдотьи Ивановны.

Однажды, въ ночь съ четверга на пятницу Страстной недѣли, дома были только сама Авдотья Ивановна, ея дочь Гликерія Александровна, да ночевалъ еще у нихъ одинъ родственникъ, старшина, пришедшій изъ ближней деревни въ городъ для того, чтобы рано утромъ идти къ заутренѣ «двѣнадцати Евангелій». Въ глубокую полночь Авдотью Ивановну внезапно разбудилъ какой-то глухой ударъ, какъ-будто потрясшій всю избу. Она разбудила старшину и вмѣстѣ они пошли посмотрѣть, что-бы это такое могло быть. Едва они отворили дверь на крыльцо, какъ къ нимъ бросились пятеро воровъ, которые бревномъ высаживали «кошку» (зубчатый желѣзный брусъ) изъ окна «горницы», въ которой тогда хранили имущество. Старшина съ испуга упалъ безъ памяти. Но Авдотья Ивановна не растерялась: моментально захлоп-

нула она дверь, засунула ее засовомъ и, разбивъ стекла въ окнѣ на улицу, стала кричать о помощи. Воры бѣжали, оставивъ весь свой инструментъ.

Въ другой разъ Авдотья Ивановна, не задумавшись, ловила «самого окаяннаго». Пошла она какъ-то зимой, рано утромъ, еще въ потмахъ, въ «клѣть» за крупной. Огня тогда съ собой не брали, и она осторожно пробиралась по клѣти, какъ вдругъ ее озадачилъ какой-то шорохъ. «Кто тутъ?» не смущаясь спрашиваетъ она. Отвѣта нѣтъ. Опять она спрашиваетъ и опять отвѣта нѣтъ, но только какъ будто кто перебѣжалъ изъ одного угла въ другой. «Аминь, Святой Духъ! ужъ не окаянный-ли?» проговорила Авдотья Ивановна и, разставивъ руки, пошла прямо на шорохъ. Однако, это былъ не «окаянный», а побродяга, здоровенный отставной солдатъ Тишка, котораго она и вывела наружу. Онъ упалъ ей въ ноги и сказалъ: «Прости меня Христа-ради, бабушка; хотѣлъ я у тебя своровать, да какъ ты сказала: аминь, Святой Духъ, у меня руки-ноги отнялись». Пожуривъ его, Авдотья Ивановна дала ему хлѣба и отпустила на всѣ четыре стороны.

2 (стр. 29). По словамъ Никифора Михайловича, его братъ Иванъ былъ особенно «востеръ». Такъ, когда его отдали учиться, однажды учительница стала попрекать его непонятливостью. Выслушавъ попреки, Иванъ Михайловичъ всталъ, собралъ свои книжки и пошелъ домой, сказавши: «Пойду подросту, а то я еще очень малъ, а оттого и непонятливъ».

3 (стр. 31). Дѣйствительно, Никифоръ Михайловичъ въ своей жизни при различныхъ обстоятельствахъ любилъ нерѣдко приводить цитаты или рассказы изъ этихъ книжечекъ, давно теперь, къ сожалѣнію, уничтоженныхъ или, что еще хуже, искаженныхъ. Такъ, въ бесѣдахъ о дѣтяхъ онъ приводилъ молитву нѣкоторыхъ новобрачныхъ, которые просили себѣ у Бога дѣтей «въ молодости—на утѣху, въ старости—на покой, а по смерти—на поминъ души». При разсужденіяхъ о старости онъ припоминалъ отвѣтъ нѣкоей красавицы, молодой царевны, за которую посватался какой-то старый царь. Такъ какъ она не хотѣла итти за него именно потому, что онъ старъ, то царь послалъ къ ней своихъ мудрейшихъ людей уговаривать ее, и они должны были ей между прочимъ напомнить, что вѣдь и молодые-молъ нерѣдко рано умираютъ. Но царевна на это отвѣтила: «Да, бываетъ, что и молодые рано умираютъ, но старые ужъ никогда долго не живутъ».

4 (стр. 37). Объ этой усадьбѣ, которая расположена на берегу рѣчки, Никифоръ Михайловичъ рассказывалъ, что такъ какъ она была очень мала, а дьякону хотѣлось имѣть побольше мѣста для огорода,

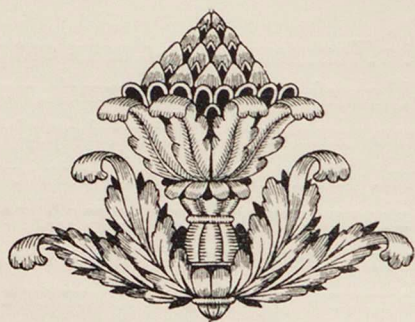
то для увеличенія площади дьяконъ по ночамъ переплывалъ къ другому, хлудовскому, берегу, отрывалъ тамъ корчаги съ осокой, приплавлиалъ ихъ къ себѣ и укрѣплялъ у своего берега кольями.

5 (стр. 53). Эти слова Михаила Федоровича станутъ особенно понятны, если припомнить то, что случилось въ этотъ-же пожаръ у его братьевъ, Никитиныхъ. По ихъ «простотѣ», рассказывалъ Никифоръ Михайловичъ, въ ихъ кладовой у одного изъ оконъ, вмѣсто отломившагося желѣзнаго крюка, которымъ обыкновенно изнутри закладывались желѣзныя ставни, захлеснута была «до времени» веревочка, которая «все равно» держала. И вотъ, во время пожара, когда отъ пламени ставни раскалились, «веревочка» перетлѣла, покоровившійся отъ жара ставень открылся и огонь, ворвавшись въ кладовую, все въ ней уничтожилъ. Это сразу прекратило все дѣло Никитиныхъ.

6 (стр. 110). Фамилія Лежневыхъ—самая старинная въ Егорьевскѣ. Объ одномъ изъ нихъ, Никифоръ Антоновичъ, который слылъ за очень строгаго, даже суроваго хозяина, Никифоръ Михайловичъ рассказывалъ такой анекдотъ. Однажды одинъ изъ его рабочихъ опоздалъ на нѣсколько часовъ, возвращаясь изъ своей деревни послѣ отпуска на праздникъ. Никифоръ Антоновичъ сейчасъ-же спросилъ его, почему-де опоздалъ; а вопросъ этотъ въ то время, да со стороны строгаго хозяина, былъ не шуткой. И вотъ, чтобы избѣжать «хозяйскаго гнѣва», находчивый работникъ, который попросту «прогулялъ», и говоритъ ему: «Батюшка, Никифоръ Антоновичъ, ты подумай, что случилось-то! Иду это я лѣсомъ—глядь, сидитъ на дорогѣ волкъ. Я туда—и онъ туда; я сюда—и онъ сюда. Щелкаетъ-те зубами и никакъ меня не пропускаетъ. Бился я, бился, да наконецъ и закричалъ ему: «Да что жъ это ты со мной дѣлаешь—меня держишь? да знаешь ли ты, къ кому я иду? Вѣдь я иду къ самому Никифору Антоновичу». Волкъ какъ услышалъ твое имя, какъ шарахнетъ въ лѣсъ,—только я его и видѣлъ».

7 (стр. 110). Никифоръ Михайловичъ передавалъ рассказъ, что, выѣхавъ изъ Егорьевска для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву, преосвященный Филаретъ, ѣхавшій въ скромной монашеской рясѣ, подѣхалъ къ деревнѣ «Фатѣичи» какъ-разъ во время случившагося тамъ пожара, который при бывшемъ сильномъ вѣтрѣ угрожалъ принять большіе размѣры. Преосвященный велѣлъ остановиться, вышелъ изъ возка, помолился и осѣнилъ пожарище крестнымъ знаменемъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ дальше, а пожаръ стихъ и прекратился.

8 (стр. 154). Никифоръ Михайловичъ особенно часто любилъ припоминать того изобрѣтателя, который на вопросъ: какимъ способомъ онъ сдѣлалъ свое великое открытіе? — отвѣчалъ: «а я все думалъ, все думалъ... думалъ...»

II.

С Л О В О
на погребеніе Анненія Олимпіады.
Января 18 дня 1907 г.

Наступили послѣднія минуты твоего пребыванія съ нами, настало время прощанія съ тобою навѣки, но прежде, чѣмъ могильная плита скроетъ тебя отъ нашихъ очей, позволь въ послѣдній разъ обратиться къ тебѣ, Матери:

Такъ неожиданно оставляешь ты насъ, дорогая Мать наша; такъ внезапно покидаешь ты насъ, наша родная! Подобно страшному урагану, порывисто вырвавшему тебя изъ среды нашей и подобно громовому удару, разразившемуся надъ нашими головами съ сокрушающею силою, сразила насъ смерть твоя и покрыла мрачною тучею глубокой, невыразимой скорби и повергла насъ въ великое, безутѣшное горе и лютую печаль. Развѣ мы ожидали этого?! Развѣ мы думали, что ты такъ скоро покинешь эту еще юную обитель и уйдешь отъ твоихъ духовныхъ дѣтей, оставивъ насъ въ сиротствѣ и лишивъ насъ твоего духовнаго руководства?! Скажи намъ: или мы тебѣ такъ наскучили, что ты, послѣ шестилѣтняго управленія нами, не пожелала долѣе оставаться съ нами? Или мы въ своихъ отношеніяхъ къ тебѣ не умѣли понять и какъ должно оцѣнить твоихъ матернихъ заботъ и попеченій о благѣ нашемъ? Или мы своимъ невниманіемъ оскорбили твою любовь, во имя которой ты всѣ свои силы и заботы посвятила на устроеніе всего склада и распорядка внутренней жизни обители? Да, видно, не легко было бремя начальствованія надъ нами; видно, тяжель подвигъ управленія, когда требовалось и мужество души, и мягкость сердца, и мудрая осторожность, и благостное сни-

схожденіе къ немощамъ нашимъ; видно, много сердечной боли и душевныхъ тревогъ, много безпокойныхъ дней и тревожныхъ минутъ мы доставили тебѣ; видно, не умѣя быть всегда послушными исполнителями твоихъ повелѣній, мы много прибавляли тяготы и безъ того нелегкому игу, что такъ быстро подъ тяжестію его надломились твои силы и такъ скоро пришла ты къ могилѣ.

Только теперь мы поняли это, только теперь мы уразумѣли, кого мы потеряли въ тебѣ и какое горькое положеніе осиротѣвшей обители нашей.

Все бы теперь готовы сдѣлать, все бы готовы исполнить, на всякое послушаніе рады бы, лишь бы только ты согласилась возвратиться и опять руководить нами. Но нѣтъ! Ты какъ бы не внимаешь мольбамъ нашимъ, ты не слышишь горячихъ просьбъ нашихъ, ты не приникаешь къ нашимъ плачевнымъ стонамъ и рыданіямъ, ты не видишь нашихъ слезъ, и въ такомъ страшномъ горѣ оставляешь насъ одинокими! Да, ты окончила свое дѣланіе, прошла поприще подвига земнаго и совершила свое теченіе, спокойно возлежишь во гробѣ, чтобы въ немъ, какъ надежной ладѣ, переплыть отъ насъ въ страну дальнюю и блаженную.

Благо тебѣ, ибо ты теперь уже не въ житейскомъ морѣ, не въ изгнаніи и не въ узахъ, а въ тихой пристани, въ отечествѣ и покоѣ; видишь то, во что мы должны вѣровать, окружена тѣмъ, чего мы должны ожидать. Благо тебѣ, ибо ты какъ ратоборецъ, по окончаніи брани, съ побѣднымъ знаменіемъ Креста Христова въ рукахъ,ходишь къ Раздаятелю небесныхъ вѣнцовъ побѣдныхъ, какъ труженникъ, послѣ тяготы и зноя трудовъ, возвращаешься къ Домовладыкѣ, чтобы воспринять мзду свою.

И какою малою и брэнною показалась тебѣ, думаемъ, земля со всею житейскою суетою, когда ты взглянула на нее въ послѣдній разъ. А потому, когда мы въ горести окружаемъ гробъ твой, ты, можетъ быть, скорбишь о насъ, остающихся и благодаришь Господа, что Онъ не продолжилъ твоего заключенія въ узахъ плоти и крови. Но не простираемъ слова нашего далѣе, ибо никакой языкъ не выразить того, что мы переживаемъ въ эти послѣднія минуты нашего прощанія съ тобою, и никакое наше слово не заставитъ тебя отвѣтствовать намъ. Что же? такъ и отойди намъ отъ гроба твоего, не получивъ никакого послѣдняго твоего къ намъ слова обращенія и наставленія?! Нѣтъ! Не можетъ быть этого. Наше сердце чувствуетъ въ самомъ молчаніи твоёмъ и изъ безмолвія гроба, безъ словъ слышитъ твое послѣднее материнское завѣщаніе намъ, продолжаю-

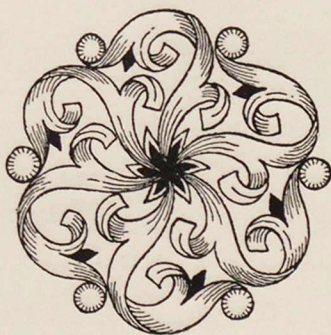
щимъ земной подвигъ въ вѣрѣ и добродѣланіи иночества; примѣромъ своей жизни ты вѣщаешь намъ изъ гроба: будьте покорны и преданы своему Владыкѣ и Господу, повинуйтесь Его волѣ, не жалѣйте своихъ силъ въ исполненіи велѣній Его и своихъ обязанностей, и, сохраняя къ Нему любовь и пребывая въ надеждѣ на Его милосердіе, будьте благодушны и терпѣливы среди трудовъ вашихъ.

Принимаемъ это твое завѣщаніе, какъ залогъ твоей любви, и надѣмся, что ты и въ другомъ мірѣ не перестанешь заботиться о насъ и споспѣшествовать намъ своею молитвою. Пріими и отъ насъ, какъ отъ дѣтей своихъ, послѣднюю дань и знакъ нашей любви къ тебѣ; доколѣ въ храмѣ семъ будетъ приноситься всепримиряющая жертва Тѣла и Крови Христовы,—дотолѣ будетъ творима молитвенная память объ упокоеніи души твоей, доколѣ будетъ существовать обитель сія, дотолѣ въ сердцахъ матерей и дѣвъ будетъ жить и благоговѣйно храниться память о тебѣ, какъ первой Матери и руководительницы ихъ.

А теперь прощай, благослови и прости насъ! И въ знакъ твоего всепрощенія и благословенія пріими мой земной поклонъ отъ меня и отъ всей обители. Да будетъ же миренъ и легокъ путь твой къ небеснымъ обителямъ, и не забывай насъ предъ лицомъ Божиимъ.

Еще разъ прости и прощай!

Священникъ Ѳеодоръ Леонардовъ.

III.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ заключеніе настоящаго очерка жизни и дѣятельности Н. М. Бардыгина издатель считаетъ своимъ долгомъ принести сердечную благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ составленію и выпуску настоящаго изданія: Алексѣю Алексѣвичу Виталю, разработавшему текстъ на основаніи документовъ и личныхъ изслѣдованій въ г. Егорьевскѣ; художнику Борису Васильевичу Зворыкину, руководившему внѣшной стороною этого изданія; всѣмъ тѣмъ друзьямъ покойнаго, которые нашли возможнымъ предоставить свои портреты для помѣщенія въ этой книгѣ; и, наконецъ, редактору-издателю «Русскаго Дѣла» Сергѣю Ѳедоровичу Шарапову, принявшему участіе въ составленіи плана работы и ея окончательной редакціи и любезно доставившему въ видѣ отдѣльнаго очерка свои личныя воспоминанія о Никифорѣ Михайловичѣ, полныя живого интереса. Воспоминанія эти, помѣщаемыя ниже, яркою картиной дополняютъ документальныя данныя, собранныя и приведенныя въ систему составителемъ жизнеописанія, и художественно освѣщаютъ личность почившаго.

Приложенный въ книгѣ, гравированный въ Лейпцигѣ, портретъ Никифора Михайловича, снятъ въ 1899 году также г. Шараповымъ и является самымъ удачнымъ и схожимъ. Объ этомъ рассказано въ концѣ его «Воспоминаній».

IV.

АЗЪ МОАХЪ ВОСЛОМНАНІЙ О НИКИФОРѢ МИХАЙЛОВИЧѢ БАРДЫГИНАѢ.

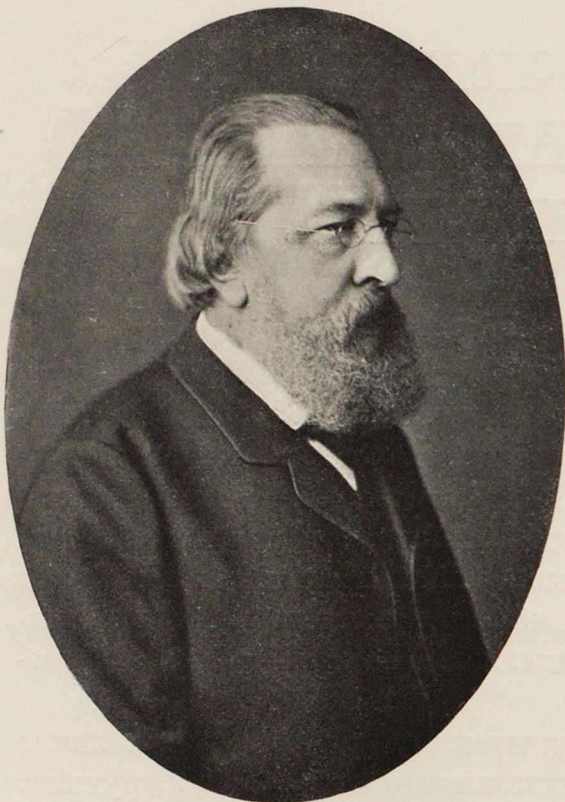
Очеркъ Сергія Шарапова.

Просмотрѣвъ, по порученію издателя, М. Н. Бардыгина, составленный А. А. Виталемъ біографическій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Никифора Михайловича Бардыгина, считаю своимъ долгомъ по отношенію дорогой для меня его памяти присоединить нѣсколько личныхъ воспоминаній, которыя, можетъ-быть, будутъ небезполезны, какъ дополненіе къ прекрасному труду, опирающемуся на дѣловыя и документальныя данныя и личные разспросы изслѣдователя.

Съ рѣдкимъ удовольствіемъ исполняю я эту работу, ибо самъ лично зналъ покойнаго, пользовался его постояннымъ вниманіемъ и дружбою и цѣнилъ въ немъ поистинѣ замѣчательнаго русскаго человѣка и выдающагося общественнаго дѣятеля.

Среди огромной галлерей государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, съ которыми мнѣ за мою долгую литературную службу пришлось познакомиться и имѣть дѣло, было не много такихъ выдающихся и въ лучшемъ смыслѣ слова оригинальныхъ людей, какъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ. Съ лѣтами всѣ эти знакомства заволакиваются туманомъ и отдѣльныя личности блѣднѣютъ и затушевываются, такъ что нужны усилія памяти и архивныя справки, чтобы вызвать тотъ или иной давно ушедшій изъ міра образъ. Только нѣсколько человѣкъ живутъ въ памяти, вѣзавшись въ нее неизгладимыми чертами, и на видномъ мѣстѣ среди нихъ — Никифоръ Михайловичъ.

Секретъ оригинальности и своеобразнаго обаянія, окружавшаго его, заключался въ томъ, что это былъ человѣкъ изъ народа, необыкновенно гармонично соединявшій въ себѣ подлинную русскую національную основу и народное міровоззрѣніе съ серьезнымъ просвѣщеніемъ и широкими государственными взглядами, дѣлавшими его желаннымъ членомъ образованнаго общества и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Среди забитаго и темнаго, но хранившаго въ

И. С. Аксаковъ.

неприкосновенности свой духовный строй русскаго люда это былъ вполнѣ свой человѣкъ, выдѣлявшійся только просвѣщеніемъ. Среди интеллигентнаго общества это былъ тоже свой человѣкъ по взглядамъ и тонкому пониманію самыхъ сложныхъ общественныхъ явленій и государственныхъ вопросовъ, но въ немъ не чувствовалось оторванности отъ почвы и разрыва со своимъ народомъ, что составляетъ характерную черту нашей интеллигенціи. Наоборотъ, съ перваго взгляда было видно, что этотъ человѣкъ устоялъ передъ всѣми соблазнами нашего книжнаго просвѣщенія и словно корнями вросъ въ родную землю. За Никифоровъ Михайловичемъ постоянно чувствовался русскій народъ, и

самая рѣчь его, иногда даже простая и незначительная, звучала властно, какъ подлинный голосъ земли. Это не могло не производить въ нашемъ легковѣсномъ обществѣ глубокаго и могучаго впечатлѣнія. Онъ слишкомъ ярко и рѣзко выдѣлялся изъ толпы окружающихъ и его уже невозможно было забыть даже послѣ краткаго разговора или случайнаго знакомства.

Вышеизложенный очеркъ обрисовываетъ довольно полно не только жизнь и общественную работу Никифора Михайловича Бардыгина, но и даетъ его характеристику, какъ человѣка. Онъ написанъ по матеріалу, собранному на мѣстѣ въ г. Егорьевскѣ, гдѣ протекала его жизнь, и которому былъ отданъ весь его долгій общественный трудъ,

оставившій въ исторіи города неизгладимый слѣдъ. Къ этому очерку мнѣ остается лишь прибавить нѣсколько личныхъ воспоминаній, какъ слабую дань его дорогой для меня памяти.

Знакомство мое съ Никифоромъ Михайловичемъ Бардыгинымъ началось въ Москвѣ, въ 1883 году, въ дни коронаціонныхъ торжествъ. Въ числѣ другихъ городскихъ головъ на торжество прибылъ и онъ. Однажды вечеромъ покойный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, закончивъ свои корректуры и приемъ посѣтителей, уже собирался ѣхать на дачу, когда доложили о прибывшемъ Н. М. Бардыгинѣ.

— Ну, изъ-за него можно на полчаса опоздать, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ. — Вотъ, рекомендую: типичный русскій человѣкъ и замѣчательный дѣятель.

Аксаковъ всталъ и двинулся навстрѣчу. Въ кабинетъ вошелъ пожилой, но крѣпкій и бодрый человѣкъ высокаго роста, съ замѣтной сѣдиной въ бородѣ и умными проницательными глазами, вдумчиво и внимательно смотрѣвшими изъ-за золотыхъ очковъ.

— Наконецъ-то васъ засталъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, да и то, кажется, на походѣ. И карета ужь подана. Но, думаю себѣ, нельзя уѣхать изъ Москвы, не поклонившись нашему Златоусту.

— Спасибо за память, Никифоръ Михайловичъ. Ну что, очень устали?

— Душой усталъ, Иванъ Сергѣевичъ. Параду много, а радости мало. Фальшь какая-то слышится. Надо полагать, не легкая для Россіи полоса начинается.

— Что-же дѣлать, будемъ переживать. И не то видали.

А. А. Виталь.

— «Переживать»? Вотъ, мы все только «переживаемъ». А когда же жить-то будемъ? Увидали было свѣтъ въ щелочку, а вотъ теперь опять ставни заколотятъ. Обошли молодого Царя-Батюшку. Вѣдь какъ обухомъ по головѣ хватили насъ назначеніемъ графа Толстого. Кто-кто, а ужъ мы-то, рязанскіе, его близко знаемъ. Вѣдь стыдъ и срамъ одинъ.

— Да, и Москва была поражена. Я простить не могу Игнатьеву, что не умѣлъ удержаться. Вонъ, и Черняевъ тоже пишетъ, что уходить надо, а еще не прошло и года съ назначенія.

Разговоръ перешелъ на внутреннюю политику. Никифоръ Михайловичъ съ тревогою предсказывалъ удушливую реакцію и ломку всѣхъ реформъ Александра II. Аксаковъ успокаивалъ его и ручался, что жизнь не возвращается въ старое русло и что реакція можетъ быть лишь кратковременною и безплодною.

— Строить долго, Иванъ Сергѣевичъ,—развалить скоро.

Это замѣчаніе вызвало бурную отвѣдь:

— Не бойтесь, господа! Великія реформы Александра II не развалишь. Потрудитесь возстановить крѣпостное право! Потрудитесь упразднить гласный судъ, потрудитесь уничтожить земское и городское самоуправленіе, или вернуться къ прежнимъ формамъ воинской повинности! Да этого никому и въ голову придти не можетъ!

Но Бардыгинъ не сдавался.

— Конечно, ничего подобнаго не случится. Такъ, прямо напроломъ никто не пойдетъ. Отмѣнять ничего не будутъ, а потихоньку все изуродуютъ. Вывѣска останется, а товаръ въ лавкѣ будетъ гнилой. Мыслимое-ли дѣло крѣпостное право возстановить! А вотъ, возьмутъ, да и отдадутъ крестьянъ опять въ опеку дворянамъ. Намъ вѣдь тоже приходится за газетами слѣдить, да и разговоровъ полно всякихъ. Такъ и съ судомъ, и съ городовымъ положеніемъ, и съ земствомъ. Всего вѣдь ложку дегтя въ бочку влить, а меда ѣсть нельзя будетъ...

У Никифора Михайловича въ глазахъ блистали огоньки, хотя по внѣшности не было видно никакого волненія и красивая образная рѣчь лилась плавно и спокойно. За то волновался Аксаковъ.

— Вы смотрите черезчуръ мрачно, Никифоръ Михайловичъ. Дѣло не въ правительствѣ, не въ реакціи сверху, а въ самомъ обществѣ. Вотъ гдѣ горе. Дряблѣе, слабое, невѣрующее, полное обезьянства и самыхъ нездоровыхъ фантазій, отъ жизни отрѣзанное, народу чуждое, работать не желающее, а все норовящее получить готовымъ! Лучшіе люди вынесли на своихъ плечахъ обновленіе Россіи и смогли это сдѣлать только потому, что во главѣ ихъ сталъ Царь. Но развѣ это обновле-

ніе прошло въ глубину, захватило и переработало общество? Развѣ наше крестьянство поднялось въ культурѣ или даже стало грамотнымъ? Развѣ дворянство не тѣмъ самымъ осталось, чѣмъ было, только что не умѣло приспособиться къ новымъ условіямъ и побѣждало съ земли? А купечество? Далеко-ли сынки ушли отъ отцовъ, которыхъ графъ Закревскій таскалъ за бороды? Гдѣ у насъ самоуправленіе, которое дано достаточно широкое? Что сдѣлали земства, города? Хозяйство раззорено, дороги непроѣзжны, тонемъ въ грязи, отовсюду только и извѣстія, что о растратахъ да о хищеніяхъ, духовная сторона нашей жизни ужасна. Въ такомъ положеніи всякіе сюрпризы сверху не только возможны, но и неизбежны. Сегодня будетъ Лорисъ, завтра случайно проскочитъ Игнатьевъ, ну, а за нимъ Толстой. И каждый будетъ мудрить по-своему и рисовать на лицѣ Россіи свои узоры, какъ на гладкой доскѣ. Меня ужасъ беретъ, когда видишь наше ничтожное какое-то лазаретное общество, умѣющее только либеральничать, ныть да злорадствовать...

— Вотъ, вы упомянули о самоуправленіи. Мы въ Егорьевскѣ работаемъ...

— Да, потому, что тамъ случайно нашелся Бардыгинъ. Ну, а потрудитесь назвать мнѣ еще три-четыре города, чтобы поставить съ вами рядомъ. Я такихъ что-то не знаю. А вотъ, полюбуйте на наши столичныя самоуправленія, на наши передовыя земства...

Разговоръ такого содержанія могъ-бы продолжаться всю ночь, если-бы Иванъ Сергѣевичъ не былъ слишкомъ утомленъ и на дачѣ не ждала его Анна Ѳедоровна. Онъ извинился, простился съ нами и уѣхалъ, сказавъ Никифору Михайловичу на прощанье:

— Главное, не унывайте. Вся надежда Россіи въ ея Царѣ. Этотъ Государь полонъ русскихъ чувствъ, чтитъ русскія святыни и старину, и если поддается ловкому обману, то во всякомъ случаѣ не надолго. Историческій инстинктъ выведетъ его, а съ нимъ и Россію, на настоящую дорогу. Я этому вѣрю, хочу вѣрить и въ этомъ духѣ написана моя сегодняшняя статья.

Мы остались одни. Я пошелъ проводить Никифора Михайловича до ближайшаго извозчика. Но погода была такъ хороша и впечатлѣніе отъ только-что происходившаго обмѣна мыслей такъ сильно, что мы прошли всю Никитскую. Мой спутникъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Онъ промолвилъ въ слѣдъ Аксакову: «дай-то Богъ»—и долго не говорилъ ни слова. Затѣмъ пріостановился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Большое ваше счастье, что судьба поставила васъ около нашего русскаго богатыря. Нѣтъ такой школы для писателя, какъ около

Аксакова. Учитесь у него и берегите его. Начинается тяжелое время. Дай Богъ, чтобы Аксаковъ былъ правъ, но у меня дурныя предчувствія. Очень ужъ плохо окруженъ Царь-Батюшка въ Петербургѣ, опутаютъ они его и собьютъ съ дороги.

Никифоръ Михайловичъ подробно разспросилъ меня о моемъ сотрудничествѣ, о составѣ нашей редакціи, о моемъ хозяйствѣ и политическихъ воззрѣніяхъ, вставляя мѣткія замѣчанія. Статьи мои онъ читалъ и онъ ему были по душѣ. Онъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что «Земледѣлецъ» — мой псевдонимъ, и сказалъ мнѣ самый большой комплиментъ, какой только я слышалъ:

— Хорошія статьи. Отъ нихъ «землей пахнетъ».

Съ этой поры началось мое знакомство съ Никифоромъ Михайловичемъ, продолжавшееся почти до самой его кончины.

Въ 1886 году скончался И. С. Аксаковъ, и черезъ нѣсколько недѣль я уже основалъ «Русское Дѣло», которое мнѣ страстно хотѣлось сдѣлать продолженіемъ «Руси». Однимъ изъ первыхъ подписчиковъ на газету былъ Н. М. Бардыгинъ, приславшій мнѣ теплое привѣтственное письмо, къ сожалѣнію не сохранившееся.

Время летѣло. Нелѣпая реакція усиливалась. Н. М. Бардыгинъ вѣрно предсказалъ ломку реформъ Александра II. Готовилось «новое земство», назрѣвало «положеніе о земскихъ начальникахъ». Страшный туманъ обволакивалъ Россію. Либеральная печать замолкла, цензура свирѣпствовала, какъ никогда. За горячую защиту великихъ реформъ Александра II я быстро въ одинъ годъ успѣлъ подвести «Русское Дѣло» подъ шестимѣсячную пріостановку и два предостереженія. Послѣ третьяго наступала для газеты смерть, ибо издавать безцензурный органъ подъ дѣйствіемъ фатальнаго примѣчанія къ 144 статьѣ было немислимо. Это примѣчаніе создавало для цензора право безъ всякаго объясненія останавливать любой отпечатанный номеръ и объ этой остановкѣ нельзя было даже заявить въ слѣдующемъ. Запуганная цензура арестовывала и жгла номера даже за простую двусмысленную фразу.

Заходитъ какъ-то въ редакцію Никифоръ Михайловичъ. У меня какъ разъ сидѣлъ мой другъ и сотрудникъ, теперь уже покойный, Н. П. Аксаковъ. Еще изъ передней раздался голосъ Н. М. Бардыгина:

— Похороны-то скоро?

— Да вотъ, ужъ и могилу копаемъ. Позвольте васъ познакомить.

Вы очень кстати заглянули, почтеннѣйшій Никифоръ Михайловичъ. Вотъ, прослушайте-ка передовую статью Николая Петровича и скажите ваше мнѣніе.

Н. П. Аксаковъ только самъ (да еще наборщики) могъ читать свою рукопись. Впрочемъ, читалъ онъ прекрасно, вдохновенно и горячо.

Это была знаменитая статья Николая Петровича противъ института земскихъ начальниковъ, передававшего крестьянъ подъ сословную опеку дворянъ. Отъ имени историческаго русскаго дворянства, къ которому онъ себя причислялъ, горячо возставалъ Аксаковъ противъ новой привилегіи. Въ статьѣ были чудныя мѣста, полныя величайшаго достоинства и гнѣва. «Снимите маску, защитники дворянскаго землевладѣнія», косвенно обращался Аксаковъ къ графу Д. А. Толстому, «и помните прежде всего, что вы непризванные его защитники». «Рѣчь идетъ не объ интересахъ историческаго русскаго дворянства, а о привилегіяхъ чиновничьихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ». «Попетровское дворянское древо въ Россіи, основанное на табели о рангахъ, древо заграничное и у насъ столь же бесплодно, какъ и евангельская смоковница».

Н. П. Аксаковъ.

Аксаковъ кончалъ указаніемъ на свое происхожденіе отъ основателя Кіево-Печерской Лавры Шимона-Варяга, и, считая за своимъ родомъ болѣе 600 лѣтъ, торжественно признавалъ себя членомъ земщины и категорически отказывался отъ власти надъ крестьянствомъ.

Статья производила глубокое и сильное впечатлѣніе. Никифоръ Михайловичъ внимательно слушалъ, изрѣдка вставляя: «вѣрно»: или: «хорошо», затѣмъ всталъ и подошелъ къ Аксакову, сидѣвшему около стола.

— Позвольте мнѣ васъ обнять...— и, перемѣняя неожиданно тонъ, прибавилъ:

— Вся *твоя* благородная душа тутъ вылилась!

Я сказалъ:

— А вѣдь газету-то за эту статью закроютъ, Никифоръ Михайловичъ.

— Толстой этого не пропуститъ. Это ужъ прямо по немъ.

— Что-же дѣлать?

— Други мои милые, не смѣю вамъ совѣтовать. Боюсь на свою душу такой отвѣтъ брать. Статья золотая, что и говорить. Грѣхъ ее не печатать. А и «Русское» твое «Дѣло» сохранить-бы нужно. Вѣдь одинъ его голосъ только и раздастся. Всѣ смирились и попрятались, одинъ ты бунтуешь. Какъ тутъ быть—смотрите сами, вамъ виднѣе.

— Я не настаиваю на печатаніи,—сказалъ Николай Петровичъ.— Написалъ, какъ вылилось изъ души. Если есть для газеты опасность, лучше статью отложить. Или, можетъ-быть, удастся напечатать за границей.

— Нѣтъ, не дѣло это—за границей печатать,—возразилъ Бардыгинъ.—Зачѣмъ подражать смутьянамъ да революціонерамъ? Совсѣмъ другой видъ будетъ имѣть, да и впечатлѣнія такого не произведетъ. Дѣйствовать надо законно.

Я былъ на двадцать лѣтъ моложе теперешняго и борьба неудержимо увлекала, а потому стоялъ за печатаніе статьи: «Русскаго Дѣла» все равно не сбережешь, или оно должно совершенно обезличиться, но тогда кому же оно нужно?..

— Ну, такъ вотъ что, Сергѣй Ѳеодоровичъ. Отложи-ка ты, родной мой, эту статью на денекъ, а вечеромъ, отходя ко сну, помолись хорошенько: «помоги-моль мнѣ, Господи, какъ получше послужить Россіи-матушкѣ»,—да обдумай все съизнова хорошенько. Утромъ встанешь, Господь тебя самъ просвѣтитъ.

Статья была напечатана въ № 6 «Русскаго Дѣла» за 1889 г. и ровно черезъ недѣлю, едва успѣлъ выйти № 7, я получилъ третье предостереженіе съ пріостановкою изданія на шесть мѣсяцевъ и съ подчиненіемъ послѣ возобновленія примѣчанію къ ст. 144-й.

«Русское Дѣло» было убито. Послѣдній голосъ печати въ защиту великихъ дѣлъ Александра II замолкъ надолго, а со слѣдующаго года уже начались знаменитыя «реформы» гр. Д. А. Толстого.

Около семи лѣтъ прошло въ моемъ невольномъ отчужденіи отъ публицистики. Переселясь въ Петербургъ, я не имѣлъ случая ни встрѣтиться съ Н. М. Бардыгинымъ, ни вступить съ нимъ въ переписку.

Но вотъ, наступило новое царствованіе, и на нашихъ административныхъ верхахъ какъ будто повѣяло инымъ духомъ. Покойный М. П. Соловьевъ, тогдашній печальникъ Главнаго Управленія Печати, звѣрь для другихъ, почему-то отнесся благосклонно къ моему ходатайству о газетѣ, но стараго заглавія «Русское Дѣло» не разрѣшилъ, а далъ «Русскій Трудъ», съ тою-же программой и тоже безцензурный.

Однимъ изъ первыхъ подписчиковъ на новое изданіе былъ Никифоръ Михайловичъ, а вскорѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть его и лично въ редакціи, основавшейся по началу въ Эртелевомъ переулкѣ.

— Ну, что, голубчикъ? Сняли печать молчанія? Опять заговорилъ? Опять въ драку? Хороши первые нумера «Русскаго Труда», совсѣмъ хороши. Да много-ли ихъ будетъ-то?

— Финансы не политика, Никифоръ Михайловичъ. Тутъ, борьба на цифрахъ и цензурѣ дѣлать нечего.

— Да ужъ очень большого медвѣдя-то облюбовалъ. Вѣдь Витте-то какую силу теперь забралъ,—всѣхъ министровъ подъ себя подмялъ. Къ другому чему придерутся и прихлопнутъ.

— Богъ милостивъ, продержимся.

— Ну, помогай тебѣ Богъ, родной. Съ деньгами-то какъ? Издатель-то у тебя кто?

— Есть компаньонъ, да не знаю, надолго-ли выдержу. Онъ у меня сумасшедшій.

— То-есть какъ сумасшедшій?

— Да такъ. Немножко еще—и чего добраго на одиннадцатую версту свезутъ.

— Что-же, работать мѣшаетъ?

— Хуже того; самъ работаетъ. Пишетъ совершенно дурацкія статьи, а когда я исправляю и передѣлываю, дѣлаетъ непріятности. Того и гляди, придется съ нимъ порвать.

С. Е. Шараповъ.

— Эка незадача твоя! А къ московскимъ пробоваль обращаться?

— Пробоваль. Говорять: переносите изданіе въ Москву—тогда помогать готовы, а въ Петербургѣ далеко. Я говорю: чудаки вы! да въдь въ Петербургѣ-то я буду все равно, что вашъ консуль! Въдь это-же «враждебная держава» всему русскому, всему историческому и національному. Здѣсь газета московскаго и славянофильскаго направленія гораздо больше пользы принесетъ и читать ее будутъ лучше, особенно на верхахъ. А такъ какъ мой «Русскій Трудъ» не ежедневный, а еженедѣльный, то для московскаго читателя разницы никакой не будетъ.

Никифоръ Михайловичъ подумаль немного и сказалъ:

— Вотъ что, Сергѣй Ѳедоровичъ. Дѣло это серьезное. Москвича не переломаешь. Послушай моего совѣта, хлопочи о переводѣ въ Москву. А когда разрѣшеніе получишь, напиши мнѣ: я насчетъ капитала съ удовольствіемъ для тебя похожу. Мнѣ пустяковъ не подпишутъ.

Исполнить добрый совѣтъ Никифора Михайловича не пришлось. Великій князь Сергѣй Александровичъ не хотѣлъ и слышать о моемъ переводѣ. Разумѣется, этимъ я обязанъ бывшему Московскому Цензурному Комитету, которому въ свое время много крови перепортило «Русское Дѣло».

Никифоръ Михайловичъ жилъ въ Егорьевскѣ, но въ Москвѣ у него «въ городѣ» былъ свой «амбаръ» и туда онъ навѣдывался довольно часто. Заставъ его тамъ въ извѣстное время, было можно найти всегда полчасика для бесѣды. Разставшись съ компаньономъ, поступившимъ, кстати сказать, съ «Русскимъ Трудомъ» достаточно некрасиво, я вспомнилъ о добромъ совѣтѣ Никифора Михайловича и въ одну изъ поѣздокъ въ Москву зашелъ къ нему. Зашелъ удачно, потому что засталъ его въ амбарѣ, окруженнаго огромными бухгалтерскими книгами.

— Гостю дорогому... Минутку одну... Сейчасъ кончаю.

Никифоръ Михайловичъ указаль на стулъ противъ себя и минуты двѣ я наблюдалъ занимательную сцену. По книгамъ разыскивали какое-то недоразумѣніе или путаницу. То и дѣло Никифоръ Михайловичъ вызываль къ себѣ то «Костю», то «Ваню» и строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласково и душевно ихъ спрашиваль о той или иной записи. Недоразумѣніе скоро выяснилось. Гдѣ-то что-то перенесли не въ тотъ счетъ.

Всеподданнейшее прошение
Вашего Высочества Федора Ивановича
и Московского великого Государя Александра Ивановича
о вольности крестьян ^{отъ рабства} ~~наших~~ ^{наших} помещиков
и холопей въ освобожденных отъ крепостной зависимости
отъ дворянъ и помещиковъ губерний и уездовъ
отъ Великого князя Царьградского и
Владимирского и некоторых другихъ Государствъ
России. Сего у насъ великого и блженнаго
Князя и Государя вѣрными и преданными
Служащими иными и изъ его Императорскихъ Службъ
по всемъ Государствамъ Империи въ службу
Его Величества и по повелѣнію Его Величества
Служащихъ и состоящихъ въ Службѣ
и Великого Князя и въ Императорскихъ
Службахъ опредѣленныхъ въ Имперіи
дѣлѣ первому по повелѣнію и уложенію
того же Императора Его Величества
такъ какъ одно Слово Императора
Самодержца и все народное

Наконецъ, дѣло было выяснено, книги закрыты, лишнія унесены, и Никифоръ Михайловичъ заявилъ, что до поѣзда онъ свободенъ. Заговорили о дѣлахъ.

— Ничего не поймешь, что у насъ дѣлается. Золото рѣкой плыветъ, а толку нѣтъ. На биржѣ фейерверки, а деревня разоряется. Слабѣетъ нашъ покупатель. А безъ хорошаго покупателя промышленность, что домъ безъ фундамента...

— Ну что-же? Разгадали, наконецъ, куда Витте гнетъ?

— Мудреная штука. Здѣсь въ Москвѣ всѣ по-разному. Есть такіе, что его въ геніи выводятъ, ну а есть и такіе, которые прямо говорятъ, что онъ Россію раззорить.

— А ваше собственное мнѣніе?

— Да вѣдь твой читатель-то чай! Только не преувеличиваете-ли вы, господа, вредъ отъ золотой валюты? Неужто отъ нея одной Россія можетъ обнищать и разориться? По-моему, деньги все равно, какія ни ходи, лишь-бы ихъ было достаточно, да шли-бы они на дѣло. Золото, конечно, и дорого, и неудобно, ну а все-таки при немъ торговля куда основательнѣе. А бумажка сегодня шесть гривенъ, завтра не то семь гривенъ, не то полтинникъ...

— Прибавьте: м е ж д у н а р о д н а я торговля, Никифоръ Михайловичъ.

— Да вѣдь, наша внутренняя-то по международной равняется. Возьми ты хлопокъ. Какова на него въ Америкѣ расцѣнка, такова и на всю нашу мануфактуру. Или хлѣбъ? Ужъ чего, кажется, важнѣе у насъ продуктъ, а какъ заграница расцѣнить, такъ и наши внутренніе рынки держать. Теперь фабрикантъ или торговецъ твердо знаетъ, чего его рубль стоитъ. А когда курсъ былъ, за три мѣсяца предвидѣть ничего нельзя было.

— Я не спорю, что постоянство курса имѣетъ свои выгоды для промышленности и торговли, а главнымъ образомъ для платежа по нашему заграничному долгу. Но и при старомъ курсѣ промышленности были выгоды: иностранный товаръ дорожалъ при паденіи курсовъ и, кромѣ того, надо было учитывать ихъ колебанія, русскому производству было легче конкурировать. Затѣмъ при низкихъ курсахъ выигрывалъ земледѣлецъ: дешевыя деньги давали хорошія хлѣбныя цѣны. Теперь хлѣбныя цѣны сильно упали и подняться скоро не могутъ, а потому разоряется земледѣліе.

— Читаль, читаль; все это вы, господа, какъ-будто и правильно толкуете, только убѣдительности въ этомъ мало, потому что односторонне смотрите и преувеличиваете. Вотъ, вы говорите, что цѣны на

хлѣбъ упали изъ-за золота, а вамъ отвѣчаютъ, что хлѣбъ подешевѣлъ потому, что міровой урожай высокій. Какъ тутъ разобраться?

Такъ мнѣ и не удалось убѣдить Никифора Михайловича во вредъ золотой валюты. Я нимало его за это не виню: вопросъ этотъ для всего русскаго образованнаго общества былъ и темнымъ и спорнымъ. Между тѣмъ, для промышленности преимущества устойчивой денежной единицы были въ первое-же время весьма осязательны.

Въ свои пріѣзды въ Петербургъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ никогда не забывалъ навѣстить редакцію «Русскаго Труда». Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ онъ привезъ цѣлую кучу документовъ по вопросу, крѣпко его занимавшему, объ уничтоженіи праздничной торговли и о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ.

— Будь другомъ, разработай ты этотъ вопросъ, какъ ты одинъ умѣешь. Великое это дѣло. Надо мелкій народъ поддержать. Вѣдь имъ лба перекрестить некогда. Въ церковь и дорогу забыли, язычниками стали.

— Съ удовольствіемъ, Никифоръ Михайловичъ. Я уже читалъ про ваши неудачи и всей душой вамъ сочувствую, только не торопите очень—работы по горло, а я одинъ.

— Эко горе. Да теперь-то и важно насъ поддержать. Я вотъ, хлопотать пріѣхалъ. Твоя статья какъ-разъ теперь нужна.

Никифоръ Михайловичъ оставилъ мнѣ цѣлую папку бумагъ и документовъ. Я обѣщалъ изучить матеріалъ и написать статью и съ своей стороны—любезность за любезность—просилъ позволенія «зарисовать» Никифора Михайловича своимъ аппаратомъ.

У меня была квартира на Захарьевской, съ лѣстницей, освѣщенной стекляннымъ куполомъ. При бѣлыхъ обояхъ на площадкѣ получался отличный готовый фотографическій павильонъ. Аппаратъ съ цейссовскимъ объективомъ давалъ возможность дѣлать на этой площадкѣ отличные, почти моментальные снимки.

Никифоръ Михайловичъ согласился, сталъ у столика и видимо ждалъ обычныхъ манипуляцій фотографа. Онъ внимательно вглядывался въ аппаратъ, и я нажалъ грушу въ тотъ моментъ, когда онъ даже и не подозрѣвалъ, что его снимаютъ. Портретъ вышелъ превосходный. Гравюра съ него, сдѣланная въ Лейпцигѣ, находится въ началѣ этого изданія.

Никифоръ Михайловичъ былъ очень доволенъ, что я его не мучилъ, не усаживалъ, не оправлялъ и т. п.

— Сколько знакомыхъ карточку просять, а вотъ, изъ-за этого и сниматься не хочется. Ну, спасибо, спасибо. А можно посмотрѣть, что вышло?

— Сейчасъ вамъ покажу.

Проявители были готовы, вмѣсто темной комнаты у меня была переносная камера, и минутъ черезъ пять я могъ передать Бардыгину мокрое стеклышко.

— Тонкая работа, каждый волосокъ сосчитать можно. Давно-ли работаешь?

— Да вотъ, собирался ѣхать по голодающимъ губерніямъ, такъ купилъ аппаратъ и выучился. Поѣздка не состоялась, а теперь добрыхъ знакомыхъ снимаю.

— Не забудь-же, Сергѣй Ѳедоровичъ, карточку прислать.

— Ну еще-бы! Не карточку, а цѣлый портретъ пришлю.

— Спасибо.

Мой негативъ я отдалъ увеличить специалисту и послалъ Никифору Михайловичу три экземпляра. Вслѣдъ за тѣмъ я послалъ ему №№ «Гражданина» съ очень любопытной полемикой моей съ кн. В. П. Мещерскимъ по поводу вышедшей въ Берлинѣ моей брошюры «Самодержавіе и самоуправленіе». Въ середину засунулъ и контрабандный экземпляръ брошюры. Въ сопроводительномъ письмѣ я извинялся за замедленіе въ составленіи статьи о праздничномъ отдыхѣ и обѣщалъ кончить и напечатать ее вскорѣ.

Дней черезъ пять я получилъ отъ Никифора Михайловича письмо, которое у меня сохранилось. Оно стоитъ того, чтобы воспроизвести его здѣсь полностью.

Достоуважаемый Сергѣй Ѳедоровичъ.

Письмо, брошюру и №№ «Гражданина» получилъ, за что и приношу Вамъ мою искреннюю благодарность. Портреты мною также давно получены; прошу извинить, что Васъ не увѣдомилъ. Что вы были больны и ѣздили за границу, все это я читалъ въ Вашей газетѣ. Какъ Вы себя теперь чувствуете? Изъ газеты-же Вашей мнѣ кажется, что Вы, слава Богу, здоровы, бодры и догольны. Если это такъ, то отъ души

радуюсь и желаю Вамъ отъ Господа получить душевную крѣпость для великихъ трудовъ на пользу нашего Царя и Отечества.

Читая Ваши мысли, радуется сердце и надѣется, что труды Ваши принесутъ ту пользу, которой проникнуты Ваши желанія. Полемика съ кн. Мещерскимъ для меня представляется весьма практически полезною, и, къ удивленію моему, князь Мещерскій тоже очень доволенъ этой полемикой и почти со всѣмъ соглашается, хотя, къ сожалѣнію, онъ не видитъ своихъ ошибокъ, вина ни въ чемъ неповинное прежнее земство, которое принесло Россіи великую пользу. Если-же и были случаи, что нѣкоторыя земскія управы не исполняли великой своей обязанности, то всѣ онѣ и получили должное наказаніе. Не только что въ своемъ гнѣздѣ, но и вся читающая Россія осудила ихъ, потому что при свѣтѣ гласности ни одинъ человѣкъ и никакое учрежденіе не могутъ скрыть своихъ неправильныхъ дѣйствій. По выраженію ап. Павла, «все-бо обличаемое—свѣтъ есть».

Съ особенною радостью прочелъ Ваши строки, что Вы хотите написать статью о праздникахъ. Конечно, быть-можетъ, я и увлекаюсь, но если увлекаюсь, то всею душою и всѣмъ помышленіемъ. Мнѣ кажется, что если-бы нашъ Батюшка-Государь запретилъ по праздникамъ всякую торговлю, работы и увеселенія, по примѣру Англіи, то Россія-бы стала самою великою націей. Теперь вѣдь, что у насъ въ праздничный день творится, можно назвать прямо гибелью народа.

Наше загнанное кастовое духовенство объ этомъ или не думаетъ, или не смѣетъ думать. Но, кажется мнѣ, что митрополитъ Антоній на мѣстѣ. Изъ бесѣды съ нимъ я думаю о немъ, что онъ принесетъ пользу. Поговорите съ нимъ. Я ему намекалъ: онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, но, видимо, чѣмъ-то связанъ.

О, если бы Вамъ Господь помогъ это великое дѣло устроить. Я думаю, что величественнѣе и полезнѣе этого ничего не было, да и быть не можетъ. Если Государь Александръ II освободилъ крестьянъ отъ рабства, а настоящій нашъ Монархъ освободитъ народъ отъ духовной крѣпостной зависимости, то велико будетъ его царствованіе и не найдется въ исторіи всѣхъ народовъ равнаго. А что у Него великія и благія мысли въ сердцѣ носятся, это мы видимъ изъ Его державныхъ словъ ко всѣмъ народамъ, призывающихъ къ общему миру. Да поможетъ Ему Господь во всемъ и да пошлетъ Ему вѣрныхъ слугъ для исполненія Его великихъ и благихъ дѣлъ.

А Вы, любезнѣйшій Сергѣй Ѳедоровичъ, въ этомъ дѣлѣ будьте первымъ піонеромъ. Я увѣренъ, что все это должно осуществиться, такъ какъ одно слово нашего Самодержца—и все готово.

Брошюру Вашу я еще не успѣлъ прочесть. Прочту и Васъ извѣщу о моемъ мнѣніи. Остаюсь и пр. Н. Бардыгинъ. 12 сент. 1899 г., г. Егорьевскъ.

Этого «мнѣнія», которое мнѣ было очень дорого, какъ мнѣніе большого городского и земскаго дѣятеля и человѣка съ ярко-народнымъ міровоззрѣніемъ, мнѣ не суждено было услышать, какъ не удалось и самому исполнить завѣтнаго желанія Никифора Михайловича — печатно разработать вопросъ о праздничномъ отдыхѣ. Черезъ два мѣсяца, въ ноябрѣ 1899 г., мой «Русскій Трудъ» по настоянію С. Ю. Витте былъ закрытъ постановленіемъ особаго совѣщанія изъ четырехъ министровъ.

Помня теплыя отношенія ко мнѣ и «Русскому Труду» Никифора Михайловича, я обратился къ нему, предлагая какую-то литературную комбинацію въ Москвѣ, сущности коей сейчасъ не припомню. Никифоръ Михайловичъ, уже больной, отвѣтилъ мнѣ въ январѣ 1900 года, что онъ обсудитъ дѣло, переговоривъ со мною въ ближайшій свой пріѣздъ въ Петербургъ въ концѣ января. Этому свиданію не суждено было состояться, такъ какъ вскорѣ, въ слѣдующемъ 1901 году, Никифора Михайловича не стало.

Я прошелъ, насколько позволяла память, главныя стадіи моего знакомства съ Никифоромъ Михайловичемъ и пережилъ въ это время вновь всю прелесть былого общенія съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Теперь на моемъ горизонтѣ такихъ людей больше не осталось. Новые люди, выходящіе изъ народа, носятъ уже не тѣ духовныя черты, обвѣяны не тѣми традиціями. Съ Никифоромъ Михайловичемъ сошло въ могилу цѣлое поколѣніе, гдѣ такіе самородки, какъ онъ, блистали словно яркія звѣздочки далекой русской старины. Теперь эта родная старина все болѣе и болѣе меркнетъ подъ напоромъ нашей безнародной цивилизаціи и мишурнаго прогресса...

H-25852

